ARCHIVE COPY

3/88.

С. МАРКОВ

РУССКИЕ НА АЛЯСКЕ

БИБЛИОТЕКА ОФИЦЕРА ВМС

С. МАРКОВ

РУССКИЕ НА АЛЯСКЕ

10616

~~№ 1002.~~
XII. 1946.

Зал I шкаф 4
Полка № 3-88.
ЛЕНИНГРАД
Демидов пер. 8-а

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1946

Редактор А. С. Коломейцев
Техн. редактор В. Элькинд
Корректор Г. П. Субботин

Г07655

*

Подписано к печати 16.8.46
Изд. № 641

*

Объем 9½ печ. л., 8 уч.-изд. л.
38 000 зн. в 1 печ. л.

7-я типография Управления
Военного Издательства МВС СССР

Зак. № 83

I

В год смерти Аники Строганова европейские географы много говорили о новом атласе Абрагама Ортелия. Атлас назывался «Зрелище вселенной», и в нем была помещена первая печатная карта России. На карту был нанесен пролив Anian fretum. Он разделял два великих материка — Азию и Америку. Атлас Ортелия был составлен в 1570 году.

Но и тогда Анианский пролив не был новостью. Его помещал на своей карте Яков Гастальди еще в 1562 году. Через четыре года после Гастальди венецианские космографы снова грезили сказочными берегами Аниана. Великий нидерландец Герард Меркатор, патриарх космографов, в 1569 году обозначил на своей карте пролив Аниан.

Лет через пять после выпуска карты России Ортелием парижский географ Бельфорэ, трудившийся над переработкой «Космографии» Себастьяна Мюнстера, писал: «...Страны, расположенные ниже, ближе к Америке, гораздо холоднее; ими владеют вышеупомянутые московиты...» Бельфорэ прямо говорил о соседстве Московии с Америкой.

Через два года первые русские перешли Каменный пояс — Урал. Прошел еще год, и пфальцграф Георг Ганс отправил письмо к гроссмейстеру немецкого ордена Генриху фон Бобенгаузену. «...Из Оби-реки можно проплыть в Америку», — писал пфальцграф. Письмо, начертанное его рукой, до последних лет хранилось в Государственном секретном архиве Берлина. Георг Ганс уверял, что путь из Оби к Америке равен пути, который можно проделать, отправившись в Америку из Испании.

Русские землепроходцы еще до Ермака начали свой исторический путь на северо-восток — к неведомому Аниану. Знали ли они о том, что Америка граничит с Азией? В те годы на северо-восток шли более всего для поисков пути в Китай и Индию.

В год, когда Ермак принял битву при Бабасане, к Герарду Меркатору прибыл гость из Московии, с берегов быстрой Вычегды. Это был Оливер Брюнель, строгановский мореход, замысливший в Соли Вычегодской поход северными морями в Китай.

Теперь перенесемся в 1791 год, когда в сугробах Илимского острога в темном окне мерцало пламя одинокой свечи, при свете которой Александр Радищев писал свои заметки по истории Сибири. У Радищева я нашел поразительные строчки. В них написано, что Иван Грозный дал Строгановым грамоты «на земли, России не принадлежащие, сперва по Каме и Чусовой, потом по Тоболу, Иртышу и даже Оби, так как давали грамоты на Америку и пр.» Радищев хочет этим сказать, что историческое движение русских от Камы до Аляски осуществлялось Строгановыми и Ермаком, Шелеховым и Барановым и им подобными людьми. Эти герои получали особые права в виде верховных грамот.

«Присоединение Сибири к Российскому владению был плод усилия частных людей... Сие не на одного Ермака с его товарищами относиться долженствует, но на всех участвовавших в произведенных после его завоеваниях Сибири, даже до самые Америки...», — так писал Радищев.

Первым об открытии Америки русскому читателю рассказал Максим Грек. С ним был знаком русский писатель и посол Дмитрий Герасимов. Этот вдохновенный человек переводил «Песню песней» и церковные книги, его видели в Риме, в русских монастырских библиотеках, в покоях европейских космографов. Дмитрий Герасимов первый сообщил в Европе о северной стране Югории. Он рассказал Паоло Чентурионе и Павлу Иовию о чудесах снежной Московии, о вероятном пути в Китай и Индию через Ледовитое море.

В Италии Дмитрий Герасимов был в 1525 году — через пять лет после того времени, когда слово «Америка» впервые появилось на всемирной карте. И именно в то

время европейские географы начали чертить страны к северо-востоку от Москвы. Двина, Печора, Обь вскоре стали известны на берегах Тибра, Темзы и Сены. В XVI веке в Вене знали о городках в лесах, на берегу Ледовитого моря. Появились удивительные географические карты со сказочными рисунками. На Дунае и Рейне говорили о Золотой бабе в устье Оби, о ледяном Лукоморье. Были рассказы о зауральских крепостях Грустина и Серпоновой, о лесах, где гнездятся белые соколы и кречеты. За всем этим — за сокольими лесами, за странами снегов, за Лукоморьем и неведомым мысом Табин (будущий мыс Дежнева) лежали Индия и Китай. Невольное соперничество руководило этими древними искателями. Мартин Бельский поведал миру баснословные рассказы о жителях Америки, неизвестный русский землепроходец и грамотей сочинил слово «О человецех незнаемых». Но во всех этих легендах было какое-то зерно истины. Западные писатели, руководствуясь показаниями русских людей того времени, говорили о «Теплом море» за Обью. Рамузио, толкователь Марко Поло, открывал обширный пролив Хейнан с островами, где залегали золото и серебряные руды.

Всего четыре года прошло с того времени, когда над Двиной выросли деревянные частоколы Архангельска, как испанский мореход Мальдонадо стал уверять, что он посетил воды Анианского пролива. Мальдонадо помещал Аниан под 60° северной широты. Испанец уверял, что у Аниана он побывал во время своего похода к Северному полюсу. На американском берегу Аниана, писал Мальдонадо, расположен огромный порт, в котором могут поместиться до пятисот кораблей. Мальдонадо якобы пробыл в Порт-Аниане почти три месяца и своими глазами видел корабль с грузом китайских товаров, который плыл в Архангельск.

В существование Анианских ворот верил и Жуан де Фук, думавший, что через Аниан можно проникнуть в Атлантику. В XVI веке некоторые из европейских мореходов, подобно Жуану де Фуку, побывали у северо-западного побережья Америки, но тайны Аниана или другого пролива между материками Азии и Америки решить не могли. Вопрос этот продолжал мучить умы многих пыт-

ливых людей того времени. Исаак Масса в Амстердаме в 1612 году писал, что «Америка соединяется около Китая с какой-нибудь из трех частей старого мира...» Но ни блистательным европейским капитанам, ни ученым географам не удалось открыть пролив между Старым и Новым Светом.

Пока скрипели гусиные перья, пока шелестели свитки чертежей с латинскими названиями и причудливыми рисунками, устюжские, сольвычегодские, вологодские мужики, сибирские дети боярские, гулящие люди и казаки плыли по сибирским рекам, проходили через лесные дебри, переваливали горы. Они строили города, остроги, остроги. Землепроходцы открывали одну за другой большие реки, с каждым шагом сокращая свой великий путь к Новому Свету, о котором они тогда еще и не слышали.

И эти походы превращались тоже в сказку. Перечитайте сказания географов Европы того времени. Вы найдете там описание японцев, присутствовавших на пиру у Дмитрия Самозванца, — необычайных японцев, живущих «около Индии, у Ледовитого моря», платящих дань царю московскому. Значит, так далеко досягнула русская рука, превратившая полярных японцев в данников Москвы! Великий слепец Джон Мильтон живет необычайными видениями. Он описывает подвиги русских удальцов в Сибири, которые идут на северо-восток, открывают неведомую реку и слышат дивный гул медных колоколов, видят вдалеке корабли, приплывшие из Индии или Китая. А дальше — вечно теплое море, раскаленные венцы огнедышащих гор. Разве в этом видении Мильтона трудно узнать Тихий океан?

В то время Семен Дежнев скитался с отрядами русских удальцов из Якутского острога по новым землям, приводил в покорство князца Сахая. Василий Поярков, Ерофей Хабаров, Михаил Стадухин, Иван Москвитин, Семен Шелковников — все они в те годы жили в Якутске и оттуда выходили на свои подвиги. Именно тогда русские люди узнали о чукчах, о таинственном Новом Свете, куда проникают чукчи и морем и сушей.

И Семейка Дежнев бестрепетно вышел на своем коче под кожаным парусом на восток из устья Колымы и, сам не ведая того, достиг пролива между двумя материками.

Он прошел пролив по всей его длине. Зоркими своими глазами он должен был разглядеть белые, похожие на зубы чудовища, берега Америки, Аляски, Нового Света... Такой именно видна Аляска с берега Наукана, с самого края Чукотской земли.

Всем известно, что трогательное описание дежневского подвига («...Носило меня по морю после Покрова Богородицы всюду неволею и выбросило на берег в передний конец за Анадырь-реку...» и т. п.) много лет пролежало в столпе» архивной избы...

Мало ли сообщений, подобно дежневскому, погибло в наших архивах или сотню-другую лет пролежало в них без изучения!

За примерами ходить недалеко. Лишь в последние годы увидело свет «Описание о Чукоцкой земле, где она имеется». Описание это закончено около 1742 года. Автор его — некий Яков Линденау. Читателю это имя ничего не говорит. Участник многих походов по северо-востоку Сибири, «ветеринарный прапорщик» Линденау едва не дожил до ста лет. В радищевские времена он жил в убогой хижине на берегу ручья Оса, близ Иркутска. Без сомнения, Линденау имел богатый личный архив, в котором были собраны описания и карты областей Сибири и смежных с ней стран. В 1794 году Яков Линденау погиб в пламени. Во время пожара в его хижине сгорели все записки, чертежи и планы престарелого исследователя. Но до нас дошло его «Описание о Чукоцкой земле». В нем содержится сообщение, имеющее исключительное значение.

Яков Линденау говорит о Большой Земле к востоку от Чукотки.

«... они, чукчи, от своих жилищ на ту землю ходят байдарами и с той земли привозят посуду деревянную, подобно русской посуде. И по разглагольствованию тех чукч имеется чрез русских людей известие доподлинно так, что якобы купецким людям двенадцатью кочами минувших лет за семьдесят или более (1672 год? — *С. М.*). Колымскому среднему зимовью, где прежде ярмонга бывала, для торгу пошедших, и от сильных морских погод друг от друга расшедшихся, иные в Камчатку пропыли, а иные к тому острову, который Большой Землей называется при-

стали и, с тамо жительствующими народами совокупившися, у них поженились и расплодились...»

«Остров» Большая Земля — Аляска... Около 1672 года Семен Дежнев был еще жив. Кто знает, кем были эти первые русские поселенцы «Большой Земли», впервые связавшие свою судьбу с туземцами Аляски? Можно только сожалеть, что этими, совершенно исключительными сообщениями Якова Линденау наши исследователи не занимались.

...Европа продолжала получать от бывалых русских людей легендарные сведения о землях к востоку от Сибири. В 1680 году ученый серб Юрий Крижанич, живший в Тобольске, писал, что ленские и нерчинские сборщики ясака прошли всю Сибирь до океана. У морского края Сибири они видели пловучие льды, но на вопрос, есть ли какой-либо материк между Ледовитым и «Восточным» морями, землепроходцы отвечали отрицательно.

Кстати сказать, Тобольск в те годы, по свидетельству иноземцев, был никак не меньше Орлеана. В Тобольск стекались вести от землепроходцев, изучавших Сибирь от Ледовитого моря до пустынь Монголии. Именно при Крижаниче в Тобольске одним путешественником были получены сведения о Тибете, далай-ламе, Бухаре...

Вероятно, из Тобольска в Москву и Смоленск дошло сказание об «острове» против устья Колымы, где туземцы занимаются охотой на... бегемотов. Иезуит Филипп Авриль внимательно слушал и прилежно записал эту легенду. Ее в 1686 году рассказывал Аврилю словоохотливый и любознательный Иван Мусин-Пушкин, воевода смоленский.

Разговор начался с того, что собеседники стали решать вопрос: откуда произошло население Америки? Ученый иезуит, видимо, читал первые ученые труды об Америке, начиная от творения Петра-Мученика Англерийского и Франциско Лопеса Гомара; русскому воеводе вполне доступна была знаменитая хроника Мартина Бельского. Мусин-Пушкин заявил иезуиту, что обитатели Америки произошли именно от жителей острова близ Колымы. Смоленский воевода продолжал свою мысль и стал уверять гостя в следующем: охотясь на бегемотов и выезжая на море для этой цели не в одиночку, а целым семьями,

колымские островитяне достигали берегов Америки на [illegible]. Мусин-Пушкин был совершенно убежден в том, что северная оконечность Америки лежит недалеко от той части Азии, которая прилегает к «Татарскому морю». Воевода уверял, что на побережье Америки водятся те же животные, что и в Московии, особенно бобры. А бобры эти могли перейти на американский берег по ледяному покрову. Более того, жители этой части Америки, говорил Мусин-Пушкин, очень похожи на обитателей острова близ Колымы. Так смоленский воевода предвосхитил современную нам теорию родства некоторых сибирских народов с жителями Аляски.

Филипп Авриль так запомнил этот рассказ русского вельможи, что записал: «Надо бы для удостоверения в деле сем разведать об языках, коими говорят два упомянутых, похожих один на другой народа, живущие в Азии, другой в Америке, ибо если бы открылось сходство в языке, то и сомнения в сходстве их более никакого не оставалось бы...»

Надо, конечно, объяснить, что «бегемоты» Мусина-Пушкина были моржами, а может быть и морскими коровами, которых было еще легче принять за толстокожих животных тропических стран, знакомых Европе по сказаниям космографов.

Прошло еще года два, и Жан Франсуа Жербильон, тоже ученый иезуит, вновь получил от московитов ценные сведения о северо-востоке Московии и смежных странах. Среди собеседников Жербильона, кстати сказать, был один московит, который не только долго жил в Пекине, но даже получил там чин мандарина... Этот русский мандарин родом был из Тобольска. Бывалые русские люди в беседе с Жербильоном говорили, что они объехали берега Ледовитого и Восточного морей и всюду находили море, кроме одного места к северо-востоку, где находится длинная цепь, вдающаяся очень далеко в море. «Если наш материк соприкасается с берегом Америки, то это возможно только в этом месте», — заключил Жербильон.

Известно, что в 1697 году Лейбниц советовал Петру I «исследовать берега северо-восточной Азии, чтобы узнать, соединяется ли Азия с Америкой или же они разделены проливом...» Как раз в это время устюжский пахарь

и сибирский сборщик ясака Владимир Атласов еще служил на Анадыре-реке.

Собирая ясак, Владимир Атласов накрепко помнил приказ тех лет, данный всем сибирским землепроходцам, — расспрашивать и разведывать про Китайское, Никанское и Индейское царство, про золото и дорогую кость и самоцветы, не говоря уже о мехах, которые Атласов должен был добывать.

Атласов даже держал в своих руках аляскинских соболей. Как это совершилось? В одной из «сказок» своих он говорил о «Необходимом носе» между Колымой и Анадырем. Название этого мыса, или носа, следует производить от слов «не обойти». «Необходимый нос» с тех пор не раз упоминался в донесениях других старинных наших исследователей. В атласовских записях было прямо сказано, что против «Необходимого носа» в море лежит большой «остров», откуда зимой по льду «приходят иноземцы, говорят своим языком и приносят соболи...» Соболи меха эти Атласову не понравились; всем известно, что якутский соболь считается лучшим. В представлении русских людей того времени Большая Земля (Америка) была островом. Такое мнение было очень упорным. Надо еще заметить, что часто Большой Землей назывались и Медвежьи острова и острова Диомида...

Сибирские удальцы грезили тогда не Лукоморьем, открытым учеными иноземцами с берегов Рейна, а Большой американской землей. Они впервые узнали о тех островах, которые впоследствии получили название Командорских. О них сообщил в якутской приказной избе Михаил Наседкин в 1710 году, а узнал он о Командорах лет за восемь до своего доклада якутскому воеводе. В то время мичман Беринг принимал команду над двенадцатипушечной шнявой в Таганроге (Троицке), еще не помышляя ни о каких странствиях в ледяных морях...

«Сказки» открывателей не пропадали даром. Якутский воевода Дорофей Траурнихт приказал проверить сообщения Атласова, Наседкина и других. Из письма шведского резидента в России Родеса к королеве Христине мы знаем, что якутские воеводы еще около 1652 года предполагали послать экспедицию для поисков берегов Америки. Петр Великий снаряжал особых людей, которые

ходили к «Ледовитому мысу». Из нетерпеливого напоминания Лейбница (1711 год) можно полагать, что данные этого похода могли «помочь в решении спора о существовании моря между Азией и Америкой». Лейбниц запрашивал Брюса об итогах хождения к Ледовитому мысу...

Кто были эти люди, посещавшие далекий мыс? Одним из них был казак Петр Попов. Проследим за его деятельностью в 1710—11 годах.

Петр Ильич Попов к «Носу» ходил не один. Его сопровождали промышленный человек Егор Толдин и новокрещен-юкагир» Иван Терешкин. Они выяснили, «не значатся ли из того Носу какие в море острова», делали чертежи, вели опрос населения. «Носовые» чукчи дружно подтвердили, что «и прежде сего русские люди у них чукоч морем бывали». В грамоте пятидесятника Матвея Сергеевкина, начальника Анадырского острога, описан подвиг Петра Попова. Вот что он, в частности, «сведал» в земле чукоч:

«...против того Анадырского Носу с обеих сторон, с Колымского моря и с Анадырского, есть де значитца остров и про тот остров подлинно ему, Петру, сказывали Носовые чукчи Макачкин с родниками: есть де на том острову люди зубатые и веры де иной всякой обыкности и языку не их чюкоцкова, особой, и из давных де лет и поныне у них Носовых Чукоч с теми островными людьми меж собою немирно ходят друг на друга с боем, а бой де у тех островных людей лучной и у чукоч такой же. И он, Петр, с товарищи тех островных людей у них чукоч взятых в полону видел человек с десять. А зубы у тех людей кроме природных есть вставленные моржевого зубья маленькие кости, подле природные в щеках. А с того де Носу на тот остров летним временем на байдарах веслами перебегают одним днем, а зимою на оленях налегке переезжают одним же днем. И есть де на том острове всякий зверь, соболи и куницы, и волки, и россомахи, и медведи белые, и морские бобры, и держат де у себя великие табуны оленей. А кормятца де они морскими зверями, и ягодами, и кореньями, и травою. И всякий на том острову есть де лес: кедр, сосна, ельник, пихтовник, листвяк. И тот островной лес он, Петр, с товарищи у них, чукоч, в байдарах, и в ветках, и в юртах

видели. А живут де они, островные люди, со[illegible]ю тако ж, что де и они чукчи и начальны[illegible] де людей применяясь, он же Макачкин и островные [illegible] в полону, сказывали ему Петру с товарищи: есть де при них чукчах втрое, и он де Макачкин на том острове бывал по многие годы в походах, и называют они чукчи тот остров Большою землею...» — так записывал Матвей Скребыкин слова Петра Попова.

Нет сомнения в том, что «остров» против «Ан[illegible]ского Носа» — материк Северной Америки, Новый Свет, Аль-ак-шак на эскимосском языке.

А «зубатые люди»? Это эскимосы Северной Америки. Если Попов видел в плену у чукоч аляскинских эскимосов безусловно, жителей приморской области, то около 1714 года на Камчатке был отыскан пленник — выходец с материка Аляски.

«...жил на Камчатке человек иностранной, которой по причине камчатских мелких кедровых орехов и низких кустов, на коих растут те орехи, объявлял о себе, что он родился в такой земле, где растут кедровые дерева высокие и на них орехи гораздо крупнее камчатских; а сия де земля лежит от Камчатки на восток. В ней де есть большие реки, которые впали в Камчатское море. Жителям де имя тонтолы; они обыкновениями схожи с камчадалами и употребляют к водяному ходу такие же кожаные суда или байдары, как и камчадалы. Назад де тому много лет приехал он с земляками своими на Карагинский остров, где товарищи его от тамошних жителей убиты, а он, оставшись один ушел на Камчатку».

Говорят, что до Витуса Беринга дошло [illegible] это сказание о пришельце из [illegible] Света. Л. С. Берг, [illegible] Камчатки и Аляски, изучив это свидетельство, пришел к выводу, что выходец с Аляски рассказывал о Юконе, и именно на берегах юконских надо искать народ «тонтолов».

Так в самом начале XVIII века русские на Камчатке и Чукотке встретили выходцев с Аляски. Америка была где-то рядом с Чукотской землей, Анадырем, Охотском... До Нового Света было рукой подать, он лежал близко, «за переливами», как думали и об «Апонском царстве» бородатые камчатские мореходы... В 1716 году полковнику

Шмалеву было приказано искать Большую Землю, но никак не сыскали. В том же году Лейбниц вновь взывал к мудрости Петра Великого:

«Я надеюсь, что через него мы узнаем, соединена ли Азия с Америкой», — говорил о Петре знаменитый ученый.

Через три года геодезисты Ив. Евреинов и Ф. Лужин получили секретный указ с предложением выяснить, «сошлась ли Америка с Азией», но они во время своего плавания были ближе к Японии, чем к берегу Большой Земли.

Когда Петр I ходил на Дербент, он имел занимательный разговор с петербургским любителем Федором Соймоновым. Последний еще в 1722 году был убежден в том, что Камчатка лежит неподалеку от западного берега Америки, что «остров Калифорния удивительно не в дальнем расстоянии найтится может». Соймонов уже тогда ставил вопрос о будущих связях Камчатки с Америкой, Японией, Филиппинами, о поисках «острова» Калифорния. Камчатка была окном в Азию, Индию, Америку. И почти на смертном одре, вспомнив все, что он знал о возможном пути в Китай, Индию и Америку через русские ледяные моря, Петр сказал генерал-адмиралу Апраксину:

«...На сей морской карте проложенной путь, называемый Анианом, проложен не напрасно. В последнем путешествии моем и разговорах слышал я от ученых людей, что такое обретение возможно. Оградя отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу через искусства и науки. Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских?»

В год смерти Петра I известный картограф И. В. Гоманн из Нюрнберга, выполнявший постоянные заказы царя-морехода, выпустил свой «Большой атлас». В атласе была карта № 86, на которой впервые была изображена Камчатка. Против оконечности Азии на карте были показаны два малых острова и один остров огромной величины. Исследователи видят в малых островах эти острова Диомида, а в большом острове ту же Большую Землю — Аляску. В заголовке карты Гоманн говорит, что земля «Камчадалия» и окружающие ее морские просторы были открыты и пройдены сибирскими ловцами соболей. Несомненно, что Гоманн пользовался сведениями русскими не

только о «Камчадалии», но и о Большой Земле Нового Света.

Через год в Петербурге объявился казачий голова Афанасий Шестаков из Якутска. Неграмотный, он, однако, берег, как святыню, несколько привезенных им карт. Неизвестный составитель на одной из этих карт изобразил берег Большой Земли. Шестаков горел благородным рвением стушить на неведомый берег. Кроме того, ему еще очень хотелось покорить чукоч и привести их в российское подданство. Шестакову дали средства, дали людей, а карты, видимо, тогда же отобрали. Говорят, что их в свое время имели на руках Миллер и Делиль. В Национальной библиотеке в Париже хранилась французская копия карты казачьего головы. Шестакову дали в помощники ученых людей — геодезиста Михаила Гвоздева, капитана Дмитрия Павлуцкого, подштурмана Ивана Федорова и четыреста тобольских казаков...

Тем временем Витус Беринг с мостика бота «Св. Гавриил» смотрел на раскинувшиеся вокруг воды пролива, который был открыт задолго до него Семейкой Дежневым. Беринг в это плавание, как известно, открыл Командоры и и остров Св. Лаврентия. Но Беринг не видел берегов Нового Света... Он повернул обратно.

Зато Афанасий Шестаков рвинулся к Большой Земле на кораблях «Лев» и «Восточный Гавриил». Шестаков был убит чукчами, а корабль «Лев» сожжен моряками. Но сказка о Большой Земле продолжала жить в сердцах русских людей. В год гибели Шестакова на «Чукотском носу» побывал служилый Афанасий Мельников (Чукотский нос — мыс Дежнева). Он сам был свидетелем того, как к «носовым чукчам» пришли «зубатые люди» с морского острова, до которого от мыса Дежнева было лишь один день ходу. Люди с зубами из моржовой кости, вставленными в прорези щек, сказали Мельникову, что от их острова до Большой Земли тоже один день пути и что в обетованной Большой Земле водятся бобры, лисицы и соболи.

Вскоре и Дмитрий Павлуцкий увидел эскимосов... 14 июля 1731 года он бился — уже не в первый раз — с воинственными чукчами близ мыса Дежнева. Павлуцкий начальствовал над большим отрядом; с ним было около пятисот русских, юкагиров и коряков. Бой был жестоким и

долгим. Тела чукоч покрывали приморскую тундру, и русские, осматривая поверженных врагов, нашли среди них тело «зубатого» человека. У него «на губе были дыры, в которые вставляются зубы, из моржовых зубов вырезанные...» В бою с отрядом Павлуцкого принимали участие союзники чукоч — эскимосы с островов Диомида. Это было первое сражение русских с обитателями севера Нового Света...

Между тем русская и европейская наука изучала сказания о Новом Свете. Швед Страленберг (Ф. Таберт), возвратившись на родину из Сибири, издал при своей книге карту северо-востока России. На карте была видна Чукотская земля, южнее — Анадырский нос. К востоку от Чукотки за морским проливом виднелся большой и длинный остров. Страленберг отмечал, что эта земля была населена «пухоходцами». Может быть, Страленберг хотел сказать «одетые в пух»? Ведь алеуты ходили в «парках» из птичьих шкурок. «Остров пухоходцев» был, конечно, Аляской.

В то же время Витус Беринг писал:

«... Признаю, что Америка или иные между оной лежащие земли не очень далеко от Камчатки. И буде подлинно так, то можно будет установить торги с тамошними обретающимися землями...»

Ему вторил морской капитан при оренбургской экспедиции Джон Эльтон. В бумаге, поданной русскому правительству, он просил «об изыскании корабельного ходу от Архангельского города около Новой Земли в Японию, Китай, Индию, Америку».

В царствование Анны Иоанновны подштурман Иван Федоров и геодезист Михаил Гвоздев достигли берегов Нового Света. Этим незаметным героям сопутствовал мореход Кондратий Мошков, участник походов Лужина, Беринга и Афанасия Шестакова. Кораблем «Гавриил» командовал Иван Федоров. Мошков был «за асцмана». У Чукотского носа мореплаватели увидели чукоч, которые никак не хотели платить ясака, заявляя, что именно поэтому они и сражались с Павлуцким. А затем...

... августа 21 дня подняли якорь, паруса распустили и пошли к Большой Земле, и пришли к оной земле, и стали на якорь, и против того на земле жилищ никаких не значилось. И подштурман Иван Федоров приказал поднять

[illegible] и от южного [illegible], — [illegible] Но к этому [illegible] открыватели не могли подойти из-за противного ветра. «Гавриил» шел [illegible] земли, возвращаясь назад, а берега Аляски [illegible] к кораблем. Но [illegible]. Федоров взял курс S W. и корабль отнесло от американских берегов, к которым столько веков стремились русские люди.

[illegible] Скурихин впоследствии показал, что «Гавриил» шел с попутным ветром дней с пять от устья Анадыря на восток. Вскоре мореплаватели заметили землю и, не доходя половины версты до нее, поняли, что это не остров. Берега слагались из желтого песка. Мореходы увидели жилья юртами по берегу и народа, живущего по той земле множество; лес на той земле великой лиственичной, ельник и топольник...»

Географы утверждают, что Гвоздев, Федоров и Мошков побывали близ того мыса Аляски, который известен нам под названием мыса Принца Уэльского — самого западного на американском берегу. Туземцы называют этот мыс Нихте. Там испокон веков встречались туземцы Аляски с чукчами для меновой торговли.

Скурихин добавил, что корабль шел вдоль берега Большой Земли действительно дней пять, но люди «конца земли не усмотрели» и только тогда решили возвращаться. Тогда в проливе были открыты острова Диомида (Гвоздева). От одного из островов к кораблю приплыл в малой кожаной лодке туземец, который рассказал русским о своей земле.

«...и лес на оной земле, сказывал, также и реки. А про зверей сказывал, что имеются олени, куницы и лисицы и бобры речные...», — сообщали открыватели северъ-западного края Нового Света.

В это плавание Иван Федоров положил впервые на карту оба берега Берингова пролива, а Гвоздев назвал вновь открытый берег «Землицей Кыгмальской»; чукчи ему растолковали, что Аляску они зовут «Землей Кымылат» — страной эскимосов.

В августе 1732 года Гвоздев и Федоров совершили свое открытие. Они не могли знать, что в Петербурге к тому

времени был решен вопрос о второй экспедиции Беринга, причем ему было приказано сначала попытаться пройти берегом Америки до «Мексиканской провинции». И в Петербурге еще ничего не знали об открытии Гвоздева и Федорова.

Поэтому Алексей Чириков, доблестный помощник Беринга, до сих пор еще не достаточно оцененный, в своем письме 1733 года писал в Адмиралтейскую коллегию:

«...чаю, что Америка и весьма далече от Чукотского восточного угла, лежащего в 64 градусах, и может быть, что от Пенжинского слышится о самой Америке. А можно достоверится и освидетельствовать о Америке и не доходя к Зуйду до ишианского владения... А чтоб для одного уведомления Америке итить до Мексиканской провинции признаваю не для чева...»

Так писал прозорливый Алексей Чириков.

Между тем открытие Гвоздева и Федорова могло быть предано забвению, как и подвиг Дежнева. Слабый здоровьем Федоров в феврале 1733 года умер на Камчатке. Гвоздев после смерти начальника отослал «Морской диурнал или лагбук» в Охотское правление, но карт к лагбуку почему-то не приложил...

Во время сборов второй экспедиции Витуса Беринга русские мореходы, вероятно, впервые высказали мысль о необходимости первого кругосветного похода к берегам Камчатки. Об этом говорил адмирал Николай Головин. Но Берингу дали для поисков Америки карту, на которой была нанесена фантастическая морская земля Жуана де Гамы.

В то время Иван Львов в Якутске составил карту собственного сочинения. На ней красовались Анадырский нос, два острова против него, а за ними Большая Земля. Жители островов, объяснял Иван Львов, носят одежду из утиных кож, «пронимают щеки» и вставляют в них зубы из моржовой кости. Обитатели Нового Света ходят в собольих паолах. охотятся на зверей.

...Настал 1741 год, памятный славными и печальными событиями. Росли города — Петропавловск, Охотск, Камчатка и Охотский край обживались упорными русскими людьми.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

И на бурном Восточном море белели паруса кораблей «Колумбов росских»...

«Кто не знаючи компаса иль в лень исправляет
Тот же безопасный путь всегда погубляет,
Кто румб презирает, каким течет море,
Тот нечаянно терпит зло на мелях горе».

пели стих из «Светильника Морского» люди, искавшие Большую Землю.

20 июня 1741 года корабли Беринга и Чирикова разошлись. «Св. Павел», на котором был Чириков, в ночь на 15 июля подошел к земле, над которой [illegible]. Земля была покрыта лесом. Это был остров к западу от острова Принца Уэльского, на самом юге Большой Земли. Берега Аляски были изрезаны огромными проливами. Сплошного берега найти было нельзя; острова, островки, отдельные камни возвышались над водой. Здесь Чириков потерял пятнадцать человек из своего экипажа. Где-то между современными островами Чичагова и Баранова со «Св. Павла» была спущена лодка. В ней находились боцманмат Абрам Дементьев и еще девять матросов. На лодке была пушка со снарядами. Но Дементьев не возвратился... Тогда Алексей Чириков послал на поиски Сидора Савельева, одного матроса, плотника и других людей.

Но и вторая лодка исчезла...

25 июля с борта «Св. Павла» увидели лодку с индейцами. Она вышла из залива, куда посланы были Дементьев и Савельев. Вслед за первым челном показался второй. В первой лодке явственно были видны четверо индейцев: один был в красной одежде. Индейцы несколько раз прокричали: «Агай, агай», и обе лодки повернули обратно. Два дня искал Алексей Чириков своих людей, но поиски пришлось прекратить. Лишь в 1922 году несколько приподнялась завеса тайны над гибелью отважных людей «Св. Павла». Историк Аляски Эндрьюс в своей книге сообщил:

«У племени ситка имеется глухое предание о людях, выброшенных на берег много лет тому назад. Говорят, что их вождь Аннахуц, предок вождя того же имени, ставшего преданным сторонником белых в городе Ситке в 1878 году, играл ведущую роль в этой трагедии. Аннахуц одался в медвежью шкуру и вышел на берег. Он с такой точностью изображал переваливающуюся походку зверя, что рус-

…ние увлекаясь охотой, углубились в лес, где туземные во-[illegible] единого, не оставив ни одного, кто [illegible] этом происшествии...»

В [illegible] но ходили индейские старшины...

О [illegible] жертвах на берегу Большой Земли [illegible] долго. В [illegible] Натальи Шелеховой к графу Зу-[illegible] от 1795 года [illegible] о гибели Дементьева, но с той [illegible] указывает на гибель не пятнадцати, а семнадцати русских [illegible] На пути от [illegible] Чири-ков видел высокие [illegible] горы. Это был хребет Св. Ильи [illegible] и Ледяным [illegible] вом, с его [illegible] к морю, и [illegible]ми пиками. Вправо от пути Чирикова лежали [illegible] Медной, Чугацкий залив, Кенайский полуостров с его снежными вершинами, огромный остров Кадьяк, замыкавший с севера гряду островов у материка Аляски.

В 7 часов утра 4 сентября 1741 года с корабля увидели высокий остров, опоясанный пенным буруном. Это был остров Умнак в Алеутской гряде. Алеуты в деревянных шлемах приплыли на своих кожаных байдарах к русским.

...«Морской солдат» Семен Плотников увез с Камчатки в Якутск рапорт Алексея Чирикова о походе к берегам Америки.

...После того как 20 июня 1741 года корабли «Св. Петр» и «Св. Павел» разлучились, штурман Беринга Софрон Хитрово отметил в судовом журнале, что 16 июля открылся вид на исполинскую гору. Это была одна из высочайших вершин Северной Америки. В честь ее и остров Каяк был назван островом Св. Ильи. Когда корабль подошел к Каяку, камчатские аргонавты увидели «огнище и след человеческий и лисиц бегающих...». Софрон Хитрово, Стеллер, казак Фома Лепихин побывали на острове, нашли там земляную юрту, дощатое жилище, но людей не видели. Среди утвари, которой пользовались островитяне, русские нашли лубяной короб, черные стрелы, сосуды, весло... Прошли вдалеке устье реки Медной, оставили по правую руку Кенайский полуостров, и в полночь 26 июля перед мореплавателями «в мрачном воздухе» предстал скалистый остров Кадьяк. После этого были открыты остров Укамок, Шумагинские острова. Между островами Шумаги-

на и [illegible] Беринга [illegible] с алеутами. Произошло это 5 [illegible] 1741 года. [illegible] два [illegible] ре, [illegible] Через [illegible] Беринг [illegible] алеутам [illegible] иголок. [illegible] Алеут[illegible] между Новым Светом и Камчаткой. [illegible] острове, на котором [illegible] себе могилу Витус Беринг.

В [illegible] землю, на которой [illegible] , — отметил, наконец, в своем [illegible] Софрон Х[illegible].

О том, что было дальше, все знают. Песцы глодали ботфорты Беринга в то время, когда он еще был жив. В предсмертных мучениях Беринг зарывался в песок, чтобы хоть немного согреться. Он погиб, возвращаясь от берегов Нового Света, в море между двумя великими материками...

Уже в год смерти Беринга первые русские морские промышленники на судах, обшитых звериными шкурами, проникли к берегу острова Атту. Об этом свидетельствует славный историк Аляски Кирилл Хлебников. От этого острова, вершины гор которого покрыты вечным снегом, началось движение охотников за морскими бобрами. Но не так скоро было дойти до заветной Большой Земли вдоль Алеутской гряды, освещенной заревом вулканов. Для этого нужно было еще лет двадцать.

II

Как весенний гром, звучали слова Михайлы Ломоносова, обращенные к Елизавете — «дщери Петра»:

> К тебе от всточных стран спешат
> Уже Американски волны
> В Камчатский порт, веселья полны...»

[illegible] Алексей Иванов и солдат Т[illegible] полка Иван [illegible] участника экспедиции Беринга [illegible] северо-западного берега Америки русскими мореплавателями. [illegible] Не [illegible] Ломоносова? Но [illegible] враги — ученые [illegible] Чирикова и Беринга [illegible] на это, пресло-

вутый Иоганн Шумахер, только что [illegible] Академии Наук, и его помощник унтер-библиотекарь Иоганн Тауберт сумели переправить за границу карту пути русских героев в пределы Нового Света.

Геодезист Михаил [illegible] в то время все еще пребывал в неизвестности, хотя он к 1742 году успешно исследовал область Шантарских островов и устья Амура. Он облечивал следы бироновских [illegible].

А Алексей Чириков?

«И от природы я был [illegible] и от [illegible] болезни еще и ныне совершенно не освободился и с ног знаки цынготные не сошли, также и зубы не все укрепились, [illegible] как был в самой тяжести той болезни, то все зубы тряслись и чуть держались, отчего ныне наибольшую [illegible] в себе слабость, — так просто писал он о себе в 1742 году.

Он даже не жаловался на то, что его жена и [illegible] в последние годы бироновщины [illegible] жили в Якутске.

Алексей Чириков был одним из самых искусных офицеров русского флота. Он с честью носил свой белый, шитый золотом мундир. Еле держась на ногах от болезни, герой Восточного моря в 1742 году отправился в новое плавание к берегам Америки. Не его вина, что в этот свой поход он не бросил якоря у скал Нового Света. Зато Чириков видел остров Атту и остров св. Иулиана (Беринга), видел неисчислимые стада котиков, игравших при свете восходящего солнца в командорских водах. Он составил карты острова Атту и Командорских островов.

В 1743 году сержант нижнекамчатской команды Емельян Басов на кораблике, сшитом китовым усом, добрался до острова Беринга, где и остался на зимовку. Кораблик «Капитан» он соорудил, сложившись с купцом Андреем Серебрениковым. Какой-то грамотей-мореход в то же время прислал в иркутскую канцелярию описание «О жилищах чукч и Большой Земли, смежной с ними...» И Софрон Хитрово вместе со Свеном Вакселем «сочиняют» карту «видимой земли американской». Гений дальних странствований водит их прилежным и вдохновенным пером.

В эти годы была заметной и деятельность Михайлы Неводчикова. Он был сначала художником-гравером, мастером

чернения по серебру и в Сибирь пришел из Великого Устюга. Потом он служил у Беринга, плавал с ним и за заслуги был сделан подштурманом в Охотском порту. Михайло Неводчиков, служа мореходом на промысловых кораблях Чупрова, Чеблевского и Трапезникова, побывал на Ближних островах Алеутской гряды. С острова Атту Неводчиков вывез алеутского мальчика Томиака, который быстро выучился русскому языку. От этого мальчика Неводчиков получил сведения об Алеутских островах.

Устюжское точное художество — резьба по серебру — весьма пригодилось Неводчикову при черчении карт. Он составил чертежи островов Агатту, Атту и Семичи. Эта карта была отослана в Сенат.

Устюжский купец Афанасий Бадов, Семен Новиков из Якутска и анадырский казак Тимофей Перевалов в 1747 году побывали на острове Беринга. Бурей было разбито их судно, они сколотили новое из остатков корабля Беринга. И Тимофей Перевалов, как и многие мореходы Бобрового моря, сочинил карту уезду города Якутска. Чукотской землицы, земли Камчатки с окололежащими местами и части Америки с около ее лежащими островами. На карте простодушная пометка Перевалова: «Сочинил по малому смыслу последней от человек казачей подпрапорной...» Перевалов не преминул на своем чертеже показать острова, населенные «зубатыми чукчами» (острова Диомида). К слову сказать, анадырский казак знал, что Сахалин — остров и таковым и положил его на карту.

Росли и множились народные знания. В Иркутске и Нерчинске были открыты навигацкие школы. Они готовили подштурманов для плавания в Восточном море.

> ...Я вижу умными очами,
> Колумб Российский между льдами
> Спешит и презирает рок...»

Эти «Колумбы Российские» водили с Камчатки и из Охотска корабли «Борис и Глеб», «Иеремия», «Симеон и Анна», «Петр», «Иоанн» и другие. Перечислить их все просто невозможно.

Были в те годы и дивные странники, пленники полярных народов, русские землепроходцы, невольно связанные свою судьбу с кочевниками Чукотки. Казак Борис Кузнецкий, полоненный чукчами, два года прожил «у ихнего лучшего му-

ника Мего. Чукчи сами привезли Кузнецкого в Анадырский острог, и казак рассказал начальнику острога о своем плене. Оказалось, что Мего брал Кузнецкого в свои путешествия. Во время одного из таких походов русский пленник видел у сидячих носатых чукоч людей с Большой Земли. Они были тоже пленниками. У женщины с Аляски казак Кузнецкий увидел привешенными к одежде две золотые пластинки с непонятными узорами или надписями.

Чукчанка-полонянка объяснила Борису Кузнецкому, что золотые пластинки она привезла с Большой Земли, а туда эти украшения были доставлены из одной теплой страны, где живут «дальние люди». У этих людей — белые избы из камня и светится посуда и утварь. Жители Нового Света ездят в эту теплую страну для мены.

Главный анадырский начальник Плениснер, участник похода Беринга к Аляске, записав рассказ чукотского пленника, стал усиленно изучать все свидетельства связей чукоч с Аляской. Он пошел сам в низовья Анадыря и близ устья реки Красной разыскал «лучшего человека из сидячих чукоч» Хехгилина. Тот поведал Плениснеру, что люди Большой Земли, действительно, часто воюют с чукчами береговыми и с зубатыми людьми на островах против Чукотского носа. Людей с Большой Земли зовут «кыхманцами»; они носят боевые топоры из яшмы и добывают медь.

Тогда Плениснер приказал «казаку из чукоч» Николаю Дауркину, числившемуся в гарнизоне Анадырского острога, пойти к Чукотскому носу. В октябре мороз уже сковал море против мыса Дежнева. По крепкому льду мчался Дауркин на оленях прямо к первому Диомидову острову. Островитяне, одетые в шкуры оленей, встретили казака-чукчу. Они называли себя «ахюхалютами», просили у Дауркина табак и за курево не пожалели мехов — куньих и собольих. Посланец Плениснера узнал, что островитяне живут в шатрах из оленьих шкур, пищу варят на больших каменных светильнях, заправленных ворванью. Дауркин побывал и на втором острове, где жили те же люди с моржовыми «зубами». Он привез в Анадырский острог сведения об Аляске.

В 1765 году сидит за частоколом Анадырска казак-чукча Николай Дауркин у окна, затянутого тусклым пузырем, и разглядывает на свежем чертеже границы морского пролива и суши. На суше той «люди живут, нося платье соболье,

лисье и рысье». В том месте, где мы сейчас привыкли видеть мыс Принца Уэльского, Дауркин поместил полуостров и написал: «Земля, называемая Кыгмык». Близ нее значилось устье реки Кеэувреи. Это — Юкон.

Исследователи, изучившие карту казака-чукчи, говорят, что он имел представление и об остальной части материка Аляски, об острове Св. Лаврентия, который он называл Эйвухтен. Еще в 1760 году писали, что Дауркин на своей карте слишком сближал материк Америки с Колымой. Но дело не в этом. Посланец анадырского начальника в 1763 году принес в глухой сибирский острог первое известие о Юконе... Петр Симон Паллас напечатал на немецком языке отчет чукчи Николая Дауркина.

В тот год, когда Дауркин ходил на острова Берингова пролива, полковник Плениснер у себя в Анадырске в крепости, едва не разоренной немирными чукчами, с увлечением вел допрос «чукотской девки» Иттени. Иттень он нашел случайно, благодаря сообщению казака Шипунова. В 1761 году Шипунов был в низовьях Анадыря. Там он и отыскал Иттень, которой в то время шел четырнадцатый год. Года три назад она попала в плен к островным зубатым людям. Эскимосы держали Иттень у себя два года, а потом решили ее продать на азиатском материке оленным чукчам. Выручили эскимосы за Иттень два ножика и два железных котла. Через год появился Шипунов. Он купил у чукоч Иттень за железный котел. Анадырский священник окрестил ее и нарек Татьяной...

В Анадырском остроге выяснилось, что Татьяна вовсе не чукчанка, а жительница Нового Света... Шипунову и полковнику Плениснеру она рассказала, что на Аляске у нее остались отец Какуляк и маленький брат Ахаин; мать у Иттени умерла давно. Иттень показала, что она родилась в верховьях реки Куки. По мнению исследователей нашего времени, это — река Коюк, впадающая в залив Нортон. Верховья реки лежат в бассейне Юкона — более чем за двести километров от берега Берингова пролива.

Очень важным в показаниях Иттени было то, что люди Нового Света на ее памяти уже знали о русских людях. Аляскинцы слышали о Сибири и ее обитателях от чукоч, постоянно поддерживавших связи с Новым Светом.

Татьяна рассказала в Анадырском остроге все, что могла, о своей родине: о нартах на полозьях из мамонтовой ко-

сти, об алеутских каменных топорах, об украшениях женщин Аляски...

Иркутский купец Бичевин послал к Новому Свету свой промысловый корабль. Мореходы промышляли зиму 1761—1762 годов на полуострове Аляска. Русские впервые после спутников Чирикова ступили на землю Аляски. Подробных свидетельств о плавании людей Бичевина не сохранилось. Есть упоминание, что Бичевин, набожный строитель Тихвинской церкви в Иркутске, снарядил в 1759 году бот «Гавриил» на Алеутские острова. Затем в летописях Восточного моря содержится упоминание о зимовке бичевинцев на Аляске и, кажется, о возвращении бота «Гавриил» с добычей; около полутора тысяч бобров, свыше четырехсот лисиц было доставлено на [illegible]. Неизвестно, на каком из кораблей Бичевина его посланцы прибыли к Аляске, — был ли это тот же «Гавриил» или же особое судно, снаряженное только для похода к Новому Свету. В 1762 году мореходы Бичевина впервые после Беринга посетили Шумагинские острова.

Бичевин, открыватель Аляски, кажется, нашел свой скорбный конец в Иркутске, так и не узнав ничего об открытиях, сделанных по его почину. Дело в том, что Бичевин, глава мореходной компании, и Бичевин, жертва произвола знаменитого коллежского асессора Крылова, — по-видимому, одно и то же лицо. Гибель Бичевина подробно описана сибирскими историками. Здесь лишь уместно напомнить, что Бичевин, умерший после пыток, которым подвергал его «ревизор» Крылов, считался в Сибири мучеником и праведником. Его не могли сломить никакие истязания и мучения...

Яренский посадский Степан Глотов, один из знаменитейших камчатских мореходов, в 1758—1762 годах сделал немало для того, чтобы приблизить Новый Свет к русским владениям. Он правил ботом «Иулиан», построенным купцом Никифоровым, и на этом корабле вышел «в открытое Тихое море» для «изыскания новых островов и народов». Товарищами его странствий были казак С. Т. Пономарев и тотемские выходцы Петр Шишкин и М. Холодилов.

Глотов первым побывал в области Лисьих островов Алеутской гряды. Он бродил по острову Умнаку, находил приют в жилищах алеутов. Глотов окрестил сына тойона, назвав его Иваном Глотовым. Узнав о том, что неподалеку от Умнака

лежит большой остров Уналашка (Аналяска), Глотов не преминул отправиться туда.

Алеуты Уналашки сначала встретили Глотова очень недружелюбно. Глотову пришлось испытать на себе действие [illegible] костей, при помощи которых туземцы очень искусно [illegible] стрелы с острием из кости и камня. [illegible] и Глотов были ранены. Но потом алеуты сами пришли к глотовскому кораблю, принесли русским [illegible] и [illegible]. Установились вполне мирные отношения с островными старшинами; некоторых из них Глотов привел в российское подданство. Здесь русские узнали о восьми островах, лежащих к востоку от Уналашки.

«Из тех же есть восемь островов [illegible] незнаемой же народ», — писал казак Пономарев. Писал он также и о том, что жители Умнака и Уналашки ходят войной на этот незнаемый народ, берут пленных, обращая их в рабов. Пономарев упоминал и об острове Аляксик, где есть много лесу стоячего, где водятся олени, лисицы, медведи. На этом острове туземцы добывают железо. Конечно, это была Аляска, та же Большая Земля старых сказаний — Аль-ак-шак... Глотов также — пером Пономарева — поведал об «острове» Шугачтан, где и леса, и медведи, и олени, «а мужики носят [illegible] рубашки портяные, а при них палаши и копья, зеркала и чернильницы». Тотемский посадский М. Холодилов вместе с Глотовым видели на Уналашке некоего «мужика Кашмака...», «который на остров в Налашке с дальних островов Налашкина острова мужиками в прежних годах взят». Этот Кашмак «между разговорами объявлял, что по градусу, лежащему под полунощником, имеются острова, на которых жительствуют люди об однех руках и ногах, а рты у тех людей имеются на грудях; а тот мужик Кашмак самолично видал ли тех людей и на тех островах бывал ли... знать не можно...», — так потом М. Холодилов по простоте своей рассказывал в нижнекамчатской приказной избе.

А остров Шугачтана? Вероятнее всего это искаженное название Чугацкого залива на Аляске («Чугач») и название индейцев «тиннэ» («тана»). Глотов узнал и об острове Кадьяк, что лежит «в боку с полдни», населенном эскимосами — «конягами».

На Умнаке или на Уналашке выросла первая русская могила; Глотов похоронил там своего спутника Петра Стро-

[illegible] на Сани-Вилегодской. Обратно в Нижнекамчатск [illegible] Глотов с великой нуждой, люди его ели собственную обувь. Промышленники привезли более полутора [illegible] бобровых шкур.

В августе 1762 года Компания Посников, Крашенинникова и Кулькова послала мореход Друженина зимовать на Уналашку. Мореход выстроил казарму на берегу речки, которую потом назвали Убиенной. Здесь произошла какая-то ссора с туземцами. Алеуты напали на зимовье, разломали казарму, разбили друженинский корабль, а припасы и товары выбросили в море. Все русские были здесь перебиты. Друженин с небольшим отрядом ушел в то время на остров Си[illegible], где выстроил небольшую крепость. Вероятно, это была первая русская крепость в Островной Америке. Однажды Друженин пошел зачем-то к алеутам. Там его сбили с ног ударом костяной дубины и зарезали. Русским удалось выбраться из осажденной крепости; они глухими горами добрались до речки Убиенной на Уналашке. Ночью они ходили к остаткам разбитого судна, подбирали случайно уцелевшие припасы. Девять месяцев прожили поселенцы в лесном шалаше. ели коренья. У зимовщиков нашелся друг — алеут Иван Шадуров. Он тайком от своих соплеменников приносил русским рыбу.

Шадуров рассказал им о битве в Иссанахском проливе. Пролив этот лежит между материком Аляски и Унимаком — последним восточным островом Алеутской гряды. Там произошли печальные события. Толмач и какая-то «девка с Атхи» оклеветали островитян Унимака в том, что они хотят перебить русских. Произошла стычка, а вслед за ней кровопролитная война русских с унимакцами. Много русских пало в битвах у берегов Большой Земли, остальные умерли от цынги... Брошенное судно чернело на льду пролива. Алеуты подожгли его. На корабле был порох. Раздался взрыв, и неистовое пламя осветило скалы Аляски. Друг русских алеут Иван Шадуров сообщил им также о гибели всех людей с корабля Якова Медведева. Сам Медведев — видимо, очень сильный человек — еще нашел сил добежать, с копьями в теле, до своего корабля, но упал бездыханным. Все эти печальные события произошли в 1762 году. Иван Соловей жестоко отомстил алеутам за все эти убийства. Но эти крайности не были присущи всем русским людям в

их отношениях с туземцами. Ведь того же Ивана Соловьева осуждали остальные мореходы.

После Пономарева и Глотова ценные сведения об островах Алеутской гряды дали селенгинский купец Андреян Толстых и казаки Лазарев и Васютинский. Подлинники дневников их похода погибли 17 сентября 1764 года, когда отважные мореходы попали в шторм близ берегов Камчатки при возвращении из плавания. Описание шести Андреяновских островов они составили в Большерецке по памяти. Из их отчета видно, что мореходы открыли вулкан на острове Канага, нашли горячую серу. Им довелось варить пищу в воде горячих ключей, открытых ими на другом острове. Толстых, Лазарев и Васютинский описали нравы и обычаи алеутов, и, хоть и не имели никакого представления об этнографии, их описание алеутов сделалось значительным вкладом в русскую науку...

Америка притягивает к себе сердца русских людей. Новый Свет уже перестал быть сказкой. Надо помнить, что в печать того времени, и без того мало доступную для народа, сведения о подвигах русских Колумбов проникали очень скупо. Поэтому и знаменитый составитель сибирской летописи ямщик Илья Черепанов, трудясь у себя в Тобольске, сетовал, что писатели его времени скупы на сведения «в рассуждении границ, которыми Азия взаимно отделяется от Америки; одни пишут, что между ними есть канал, который соединяет Ледяное море с Тихим; другие говорят, что никакого пролива морского нет, но из Азии перейти можно в Америку твердой землей». Из перечня названий можно видеть, что ямщик-летописец следил за всеми последними трудами о Камчатке, Алеутских островах, включая и журнальные статьи Миллера... Но никто другой, как русский народ-открыватель, давал пищу для умов иноземных ученых.

«Колумбы Росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток
И наша досягнет в Америку держава...» —

торжественно вещал Ломоносов. Тобольский ямщик читал и эти строки великого холмогорца:

«За протоком окиана
Росска, зрю американа
С азиатских берегов...» —

[illegible] в 1763 году писал С[illegible], в то время, когда Степан Глотов и другие [illegible] своих кораб-[illegible].

Ломоносов хотел, чтобы открытия в Восточном океане были достоянием прежде всего русской науки. Он разыскивает и приглашает в Петербург мореходов и промышленников [illegible] Ильи Снигирева и Ивана Бурунина и записывает их рассказы. В его руки попадают донесения Пономарева и Степана Глотова. Вот почему на новой полярной карте Ломоносова в 1764 году появляется Аляска в виде острова. Надпись, сделанная Ломоносовым, гласит: «Алякшак или Лесной остров (или, может быть, мыс) по берегу Северной Америки». Он изучал также карту «[illegible] Петра Шишкина». В Европе появилась карта Самуила Энгеля, на ней были видны Камчатка и неизвестные земли на месте Алеутских островов. Автор [illegible] Миллера за то, что он якобы скрывает итоги русских походов к Америке. Энгель считал, что настало время отыскать путь в Индию через северные моря. Но ведь об этом давно мечтал Ломоносов!

Изучив донесения открывателей Алеутских островов и Аляски, Михайло Ломоносов составил «Секретное прибавление к инструкции» на имя Петра Креницына.

Поход Креницына и М. Левашова, сугубо секретный в 1768—1769 годах, в известной степени остался таковым и до нашего времени. Бумаги этого похода хранятся в Морском архиве. Известны лишь общие сведения: Креницын и Левашов посетили Лисьи острова, Умнак, Уналашку, окончательно открыли Алеутскую гряду и побывали в западной части полуострова Аляска, причем четырнадцать раз пересекали северо-западную часть материка Америки. Петр Креницын утонул во время пребывания на Камчатке, Левашов вернулся в Петербург лишь в 1771 году. Он передал Адмиралтейств-коллегии все материалы похода. Только в 1781 году, когда умер адмирал А. И. Нагаев, из его бумаг [illegible], что он [illegible] Креницына и Левашова [illegible]. [illegible] времени.

[illegible] в 176[illegible] году [illegible] «[illegible] и странствия, [illegible] Полярного моря, на Восточном океане к Японии и Америке». Весть об [illegible] русских [illegible] кораб-

лей к северо-западному побережью Америки и постройке католических миссий в Калифорнии. Испанские капитаны Вила, Перес, Бодега, Артега, Квадра шли на север вдоль берегов Калифорнии. Но к северному Мнемику они долго не могли приблизиться. Испанцы начали свои плавания в 1769 году, и лишь в 1775 году мореход Квадра бросил якорь в Ситхинском заливе, достигнув только южного края Аляски.

Известный историк Калифорнии и Аляски, правдивейший Губерт Г. Банкрофт в свое время писал:

«...Одним из главных соображений, которые испанцы имели в виду, занимая Сан-Диэго и Монтерей во время экспедиции 1769 года, было опасение русского вторжения с Севера...»

В 1770 году испанский монах Жюнисеро водрузил на берегу Калифорнийской бухты крест с надписью об основании Монтерея. Как раз в это время люди Креницына и Левашова бродили по американскому материку; из Охотска и Камчатки один за другим шли промысловые корабли для поисков котиковых и бобровых стад между берегами Азии и Нового Света. Рассматривая все походы русских открывателей лишь как мирные стремления, Сумароков призывал:

> «Увидев Росски корабли,
> Америка, не ужасайся,
> Из праотеческой земли
> В пустыни бегством не спасайся...»

Около этого времени в Иркутске умер неизвестный «американец». Видимо, это был один из первых алеутов или аляскинцев, привезенных мореходами на сибирскую Большую Землю. Известно, что еще в шестидесятых годах суздальский крестьянин Иван Кокин взял с собой алеутского мальчика Фому, вслед за ним русскими был увезен мальчик Стефан — «пленник незнаемых народов», убежавший из плена к русским мореходам. Доблестный Шмалев, помощник Плениснера в Анадырске, немало потрудившийся над историей плаваний к Алеутским островам в 1770 году, привез первого алеута в Петербург. Алеута звали Осипом Куненовым, и капитан-исправник Тимофей Шмалев составил особое «Примечание» о пребывании алеута в столице.

Тимофей Шмалев видел Джемса Кука в 1778 году. Кук подарил Шмалеву термометр для метеорологических наблюдений. Около Уналашки англичане встречались со штурман-

ским ученым Герасимом Измайловым. Измайлов дал англичанам снять копию с его карты Алеутских островов. Русские мореходы в свою очередь получили копию одной из карт Кука. Эту карту изучил и сделал к ней примечания казачий сотник Иван Кобелев. Этот замечательный человек прожил на свете более ста лет. Еще в 1849 году Ивана Кобелева видели в Охотске. Он был одним из старейших исследователей Нового Света.

В год гибели Кука сотник Кобелев побывал на одном из островов Диомида, откуда чуть Американский берег виднеется, чтобы он смог остановиться и измерить берег. Чукчи-проводники отказались идти с казаком к Новому Свету, и Кобелев, [illegible] страны, занялся сбором расспросных сведений об Аляске. В руках у Кобелева оказался конец золотой нити легенды о сведениях русских людях, поселившихся на Аляске. Тойонный старшина острова Имовлин (Б. Диомид) рассказал Кобелеву, что русские первопоселенцы Аляски живут в селении Кынговей у речки Хеувереи, «от американцев [illegible] бородами отличаются, из книг молятся и иконам поклоняются, также язык свой и писание сохраняют». Читатель помнит, что казак-чукча Дауркин сообщил о том же «Хеуверене» (Юконе). Иван Кобелев в июле 1779 года записал много названий эскимосских и индейских поселений на побережье Аляски. Впоследствии выяснилось, что многие из этих поселений действительно существовали. Но что это за вековая тайна, которую не в силах были раскрыть не только Кобелев, но и более поздние русские исследователи аляскинской земли? Некоторые из этих путешественников не верили в возможность существования такого старого русского поселения в Новом Свете. Но вслед за легендой о спутниках Дежнева теперь мы узнали свидетельство Якова Линденау, о котором я уже говорил. Еще не раскрыты все тайны наших архивов, многого мы не знаем. И чем больше мы изучим бумаги «Колумбов Российских», тем больше мы приблизимся к тайнам, связанным с историей открытия северо-запада Нового Света русским народом.

В 1789 году Кобелеву удалось побывать и в устье Юкона. В числе приятелей Кобелева был «лучший пеший человек» из Увеленского острожка некий Опрея. Он хорошо знал путь к Аляске, и Кобелев попросился в поездку с Опреей — «через проливы на Американскую землю». В июне

17[illegible] года [illegible] азиатских чукчей на десяти байдарах отправились к Большой Земле. С ними был И. Кобелев. Чукчи прибыли к Большому [illegible] селению, но его [illegible]. Тогда чукчи стали спускаться к югу и достигли устья реки [illegible]. Оттуда азиатские мореходы пустились на [illegible] остров, который от Американской земли отстоит [illegible]. Там [illegible] торговлю с жителями [illegible] острова»; островитяне отдавали гостям с азиатского материка шкуры лисиц, выдр и рысей за бисер, ножи, котлы и якутские [illegible].

Иван Кобелев после походов на Берингов пролив сопровождал Иосифа Биллингса во время его путешествия по Чукотской стране. Кобелев более пятидесяти лет подряд был переводчиком языка чукчей. Судьба даровала ему долгую жизнь. Такой искатель не мог не оставить наследия после себя. Мы знаем, что карта Кобелева была издана в 1790 году. Но где же остальные свидетельства его трудов и подвигов? Надо искать в архиве экспедиции Биллингса бумаги об этом человеке, поправлявшем морские чертежи Джемса Кука...

III

... Мы подходим к описанию того времени, когда русский исполин Тихого океана Григорий Шелехов только что начинал свою упорную и удивления достойную деятельность. Он пришел в Сибирь из курских соловьиных краев, из городка Рыльска. В Охотске Шелехов служил у вологодского купца Окон[illegible]никова, а начиная с 1773 года, стал самостоятельно отправлять корабли на морской промысел. Мы еще слишком мало знаем об этом подлинно «Российском Колумбе».

В 1783 году Шелехов [illegible] три [illegible] и отправился из устья реки Урак в открытое море. В 1794 году в августе он достиг острова Кадьяка, перезимовав на Командорах. [illegible] встретили Шелехова боем, но он быстро одолел туземцев и стал строить зимовье. В долгие зимние ночи у русских жилищ горело по[illegible] — так [illegible] фонарь Кулибина, который Шелехов привез с собой. Русские [illegible] небольшие отряды — [illegible] и начали действовать [illegible]

рогие меха. Занятие Кадьяка было подготовлено сведениями Степана Глотова и Афанасия Очередина.

Только один Кенайский пролив отделял Шелехова от Нового Света; до Америки было всего шестьдесят верст. Гавань Трех святителей, где обосновался Шелехов, находилась на южном конце Кадьяка. Остров был покрыт высокими горами, на нем росли рябиновые и березовые леса, протекали быстрые реки. Между тем Потап Зайков уже успел побывать на Аляске. Он водил туда три промысловых судна с Лисьих островов, находясь сам на корабле «Александр Невский». Триста русских людей пришли с Зайковым на восточные берега Чугацкого залива, глубоко вдающегося в материк Аляски. 17 августа 1783 года русские впервые встретились с чугачами — воинственным племенем американских индейцев. И хотя первая встреча была дружественной, через месяц чугачи ночью убили девять русских людей, [illegible] лагерь промышленников Компании Панова. Потап Зайков со своими зимовщиками не смог долго продержаться «в чугачах». Весной он покинул побережье Аляски.

Весной 1785 года Шелехов послал большой отряд для исследования местностей между берегами Кадьяка и Аляски. К августу изыскания были закончены, и отряд на байдарах возвратился для зимовки в новом Карлукском селении. Но и зимой не прекращались тяжелые походы шелеховцев в северную и западную часть Кадьяка и на побережье Аляски. Два русских [illegible] и туземный переводчик отправились к индейцам в Кенайский залив. Они разведывали руды, слюду, горный хрусталь, строительные материалы.

В декабре Шелехов писал:

«...И по усердному нашему желанию Американских пределов помощью божиею уже дошли и через годичное время здесь и в Кенаях немало народов нашли... И торг сей стороны с обитателями земли, места с их угодьями, частью осмотря, описали на карту и план положили...

В январе 1786 года русские открыли строевой лес на Кадьяке и стали сколачивать там морские шлюпки. Ранней весной пять смельчаков отправились к мысу Св. Ильи. В мае были заложены крепости в Кенайском заливе и на острове Афогнаке, к северу от Кадьяка. Шелехов считал, что на

Афогнак и на побережье Америки напротив этого острова находятся лучшие гавани, а неподалеку от них — корабельные леса. На постройке крепостей было занято более тысячи алеутов и эскимосов Кадьяка. Одновременно в Кенайском заливе поселились люди Компании П. С. Лебедева-Ласточкина. Их было человек сорок. Русские начинали обживать Новый Свет.

В мае Григорий Шелехов покидал Кадьяк. В гавани Трех святителей его провожали не только русские поселенцы, но и индейские старшины Аляски. Своим преемникам Шелехов приказал «поступать расселением российских артелей для примирения американцев и прославления российского государства по изъясненной земле Америке и Калифорнии до 40 градуса».

Русский флаг развевался у подножья ледяной пирамиды Св. Ильи. Но в то же время испанцы основали под 34°22′ северной широты миссию Санта-Барбара и усиливали добычу бобров в Калифорнии. В 1786 году из Калифорнии было вывезено до двадцати тысяч шкур.

Все эти меховые богатства были ничтожными по сравнению со сказочными сокровищами Прибыловых островов.

В июне 1786 года штурман Гаврила Прибылов, служивший у Лебедева-Ласточкина, а потом у Шелехова, открыл к северу от Алеутской гряды огромные лежбища котиков. Потап Зайков, Лукашин и другие мореходы и зверобои первыми начали здесь промысел. Через два года на Прибыловых островах было добыто сорок тысяч котиков, шесть тысяч голубых песцов, тысяча пудов моржовой кости, две тысячи бобров. Известно, что на всем земном шаре не было места более богатого котиками, чем эти небольшие северные острова.

В том году русские встретились в аляскинских водах с английским мореходом Мирсом. Его корабль «Нутка» зашел в Кенайский пролив между Кадьяком и берегом Аляски. Мирс не мог выйти из пролива, сбился с пути, и только русские поселенцы помогли ему найти верную дорогу. Когда Шелехов прибыл на Камчатку, он узнал, что туда пришел корабль Ост-Индской компании. Капитан «Ларка» Вильям Питерс заключил с Шелеховым первую торговую сделку. Посредником при переговорах был камчатский капитан-исправник Иван Штейнгель, отец будущего декабриста.

К югу от горы Св. Ильи в тот же год прошел Лаперуз...

В следующем году в Конаях погибло европейское судно. Об этом доносил Герасим Измайлов. Туземцы истребили команду, а корабль был предан огню.

Григорий Шелехов, возвращаясь из Нового Света, не раз подвергал свою жизнь опасностям. Весь путь от Алдана до Иркутска он прошел пешком, спал в сугробах. В апреле 1787 года столица Сибири встречала «Колумба Российского». Шелехов спокойно оценил свои открытия и труды. Он заявил иркутскому генерал-губернатору Якоби, что он, Шелехов, побуждается к прошлым и будущим подвигам сознанием того, что его предки служили Великому Петру. В те годы он, как святыню, берег золоченый ковш с гербом, которым был награжден его предок при Петре Великом.

Шелехов долго говорил с губернатором, убеждал его довести до сведения русского правительства важные предложения.

В долгие кадьякские ночи при свете кулибинского фонаря Шелехов обдумывал планы деятельности русских людей на Тихом океане. Что он предложил русскому правительству в 1787 году?

Он был убежден, что Компания Шелехова и Голикова сумеет завести торговлю с Японией, Китаем, Кореей, Индией, Филиппинскими и прочими островами, в Америке же «с гишпанцами и американцами». Шелехов предлагал ходить к берегам Америки не из Охотска или Камчатки, а из портов Балтики — вокруг света. Снаряжалась уже первая кругосветная экспедиция Тревенина и Муловского, которая, однако, не осуществилась. Петр Симон Паллас изучал открытия Шелехова и его предложения.

Героя Нового Света вызвали в Петербург, наградили его похвальной грамотой, шпагой и медалью на андреевской ленте. Видимо, тогда Шелехов познакомился с Гавриилом Державиным, который хорошо знал капитана М. И. Голикова, спутника Шелехова в его походе на Кадьяк.

Шелехов вывез в Россию «американцев» — алеутов, эскимосов, индейцев. Во время обратного плавания «Трех святителей» с Кадьяка «американцы» работали у Шелехова за русских матросов. В Иркутске двенадцать алеутских мальчиков уже поучались «российской словестности и наукам». Об отношении Шелехова к молодым туземцам можно судить

по «Наставлению», которое он написал для своего приказчика Ф. А. Выходцева.

В «Наставлении» говорится:

...Двух ребят американцев учи мореплаванию, арифметике и морской науке... Держи их при себе, содержи пищею...

1789 год застает Шелихова снова в Охотске, где он [illegible] об устройстве русских дел в Новом Свете. Он [illegible] правителем Кадьяка и [illegible] Американской компании. В одном из писем к Деларову Шелихов предлагает [illegible] на Кадьяке [illegible] на китайские товары. В Китай предполагалось послать Герасима Измайлова.

Измайлов уже успел составить описание юго-западной стороны Кенайского залива и Камышакской бухты на Аляске. Вероятно, он был свидетелем страшного извержения Четырехглавой (Камышакской) сопки, сопровождавшегося сильным землетрясением.

Бывалый мореход Измайлов впервые посетил к тому времени большой Якутатский залив, побережье которого было населено индейцами. Берега залива были покрыты [illegible] лесами, в глубине Якутата [illegible]. Из Якутата была хорошо видна гора Св. Ильи, с которой в залив низвергались три огромных ледника. Измайлов и бывший с ним штурман Дм. Бочаров виделись с индейским тойоном Якутата и подарили ему российский герб и портрет Павла I...

Бочаров и Измайлов побывали и в Чугацком заливе, где так неудачно зимовал Потап Зайков. Мореходы на этот раз самым мирным образом торговали с чугачами: хороший бобёр шел за восемь ниток голубого бисера. При входе в Чугацкий залив лежал большой гористый остров Сукли, поросший лесом. Галиот Шелихова подходил к этому острову и старшине островитян был вручен русский герб. Рядом с островом Сукли был виден также у входа в залив остров Тхалка. Обходя его, Измайлов и Бочаров открыли на юго-западном побережье острова залив Нучек с бухтой Константина и Елены. Все эти места были удобны для постройки крепостей. Нучек (порт Этчес) владычествовал над устьем Атны (реки Медной). Это были мало приветливые места. Над

тундрой поднимались огромные горы, увенчанные [illegible] горах светились сквозь вечный туман [illegible]. [illegible] в году. [illegible] области были богаты зверем и рыбой, лесом и рудами.

«При [illegible] Америки, простирающимся к югу от горы Св. Ильи, за Якутатом. Это была самая восточная точка на побережье Аляски, куда сумели добраться в этот свой поход Бочаров с Измайловым. [illegible]

В то время когда Измайлов и Бочаров [illegible] западнее побережье Северной Америки, уже знакомый нам Потап Зайков неожиданно встретился с испанскими кораблями. Летом 1788 года в бухтах Уналашки появились два испанских корабля. Потап Зайков не растерялся и [illegible] с [illegible] гостями. На борту испанского фрегата случайно оказался какой-то «Рагузской республики офицер». Дубровницкий славянин этот был переводчиком при разговорах Зайкова с командиром фрегата. Дон «Эстевано Лопес Деларо» сказал русским, что он отплыл из Калифорнии по повелению вице-короля, в Мексике находящегося, дабы обозреть Чукотской нос и побывать в Петропавловской гавани, но его постигла неудача. Он повернул корабли обратно. Вряд ли такой ответ успокоил Потапа Зайкова. При всей своей простоте Зайков верить испанцам не стал, хотя принял от них письмо на имя «министра морских индейских дел» дона Антония Вальдеца. В Кенайском заливе, в бухтах морских островов испанцы раздавали туземцам серебряные медали, грамоты и какие-то открытые письма. После этого конягии «отважились на истребление российских промышленников». На Аляске тогда было убито десять промышленников и четверо «работных» Компании Лебедева-Ласточкина. Евстрат Деларов приказал русским мореходам изъять у туземцев путем мены все испанские подарки, грамоты и письма. Но испанские фрегаты, как призраки, время от времени появлялись у берегов русских владений в Северо-западной Америке.

Вскоре выяснилось, по какой причине испанцы столь упорно стали посещать воды Аляски. Они боялись, что Шелехов придет на своих кораблях в залив Нутка, под 40 северной широты и поднимет русский флаг у ворот Калифорнии. Поэтому капитан Лопес де Аро и пустился в свой тайный поход, а возвратясь из него, донес вице-рою мексиканскому о той быстроте, с какой русские продвигаются в сторону Нутки вдоль побережья Америки.

Тем временем в заливе Нутка поселились англичане.

В 1789 году туда нагрянул испанский мореход Мартинес. Он жестоко расправился с британцами и заявил, что под скипетром короля испанского находится все побережье Америки — от Берингова пролива до мыса Гори... Испания хотела граничить с Камчаткой.

Находились и другие враги. Так, некий Кокс, поступив на службу к шведам, снарядил арматорский корабль «Меркурий» с четырнадцатью пушками и статуей Меркурия, укрепленной на носу фрегата. 20 марта 1789 года Кокс поплыл на Сандвичевы острова, откуда от хотел совершить набег на острова Берингова моря и даже на Петропавловский порт. Кокса долго ждали на Кадьяке и Уналашке, но пират умер в пути.

Шелехов решил оставить вечные свидетельства первенства русских на севере Тихого океана. И вот в его руках мы видим карту и «Записку о главнейших вновь показываемых Компанией Голикова и Шелехова у берега Америки островах, заливах и бухтах и о народах, тут обитающих...» На карте обозначены условные литеры.

«Положена тут одна доска, означенная на плане литерой В», — написано о гавани Константина и Елены.

В землю Аляски — от берега Кенайского залива до бухты Льтуа — по приказу Шелехова зарыто пятнадцать тяжелых досок из железа с медными русскими гербами и надписями: «Земля Российского владения». Туземным старшинам-тойонам были розданы русские гербы.

У себя в Охотске проводит ночи Григорий Шелехов в сочинении разных бумаг, которые он отправляет в Иркутск со своими нарочными. Что предлагает, о чем мечтает этот рыльский мещанин, учившийся грамоте на медные деньги? «Для изучения берегов Американской земли, лежащих к Северному полюсу» Шелехов хочет «крейсировать одним суд-

ным из Кадьяка на Северный полюс...» Другой корабль он хочет послать «из устья Лены, Индигирки или Колымы прямо на противолежащие американские берега для измерения тут широты и познания путей в сей части Ледовитого моря...» Еще один корабль Шелехов предполагает послать из Охотска до северных пределов Берингова пролива — вдоль Алеутской гряды.

Все морские земли севера Тихого океана, даже недоступный полюс хочет Шелехов покрыть сетью, голубыми линиями дорог мореходов. Этими линиями он прилежно украшает карты Тихого океана и Ледовитого моря.

«...устроить Удинский порт и отправить особую экспедицию из Балтийского моря на Восточный океан... направя курш на острова Курильские не токмо, что утвердить знаки империи Вашей по оным, но и коснуться самой цели Японского государства...», — так писал Шелехов в 1790 году в своих предложениях. На досуге он читал напечатанный в Петербурге «Перечень путешествия штурмана Зайкова к островам, между Азией и Америкой находящимся...» или отчет о походе Ивана Кобелева и статью Палласа. Книгопродавец Василий Сопиков заканчивал печатание книги «Российского купца Григория Шелехова странствование в 1783 году из Охотска по Восточному океану к Американским берегам...» На карте, приложенной к книге, был нанесен «хутор Верен, где живут русские люди» — на материке Аляски к востоку от реки, что впадает в залив Нортон. Сказание о древних поселенцах Аляски не умирало в те годы... Им жил Шелехов.

Радищев знал книгу Шелехова, которую за 80 копеек можно было купить тогда в Суконной линии или в «Аничковом доме». 14 ноября 1791 года Радищев встретился с Шелеховым в Иркутске, куда «Колумб Российский» приехал из Охотска. В то время Шелехов уже мог рассказать Радищеву о первых подвигах Александра Баранова на берегах Нового Света.

За год до встречи с А. Радищевым русский Колумб встретился в Охотске с невысоким, но крепким, как железо, человеком, которому тогда шел уже пятый десяток. Это был Александр Баранов, выходец из Каргополя, купец, грамотей-самоучка, изобретатель. Любимой книгой его сделались «Путешествия Кука». Немирные чукчи незадолго до этого

разграбили товары Баранова в Анадырске, окончательно разорили его предприятие. До торговли в Анадырской тундре Баранов занимался делами по питейному откупу, но они тоже не принесли ему ничего, кроме убытка. Шелехову удалось уговорить этого предельно честного и твердого человека стать управлять делами Компании на Кадьяке и Алеуте.

15 августа 1790 года в магистрате города Охотска, стены которого были украшены гербами с изображением двуглавых орлов и морского штандарта, был заключен договор Шелехова с Барановым.

«...Мы, нижеподписавшиеся российские именитой гражданин Григорий Иванов сын Шелехов, каргопольский купец иркутской гость Александр Андреев сын Баранов, постановили сей договор о бытии мне, Баранову, в заселениях Американских при распоряжении и управлении Северо-Восточной Компании, тамо расположенной...», — читаем мы в этом договоре.

«Зиму я провел в чувствительной скуке», — писал вскоре Баранов в Охотск. Мне довелось изучить отчет Баранова о его плавании на Кадьяк, найденный в «вологодском» архиве Шелехова. Корабль «Три святителя», на котором следовал Баранов, потерпел крушение в бухте Кошигинской на Уналашке. Здесь Баранов терпел жестокие бедствия. Он голодал, разговеться ему удалось куском гнилой китовины. Ранней весной на Уналашке, в Кошигинской бухте умер Потап Зайков. Вероятно, Баранов одним из первых бросил комок мерзлой земли в могилу знаменитого мореплавателя.

Весной 1791 года Баранов строил байдары на Уналашке Дмитрия Бочарова, подневольного участника похода Беньовского в прошлом, Баранов послал отсюда для описи берегов Аляски. Удивительный байдарочный поход Бочарова продолжался всю весну и лето. Баранов и Бочаров разделились в Иссанахском проливе, в виду берегов Аляски. Бочаров прошел по северному берегу полуострова Аляски до реки Квичак. В пути у него сопрели байдары, и Бочаров не смог пойти водой к Аглегмютскому берегу. Тогда спутники отважного штурмана взвалили байдары на свои плечи и пошли через горы на другую сторону полуострова. По свидетельству одного историка этого похода Бочаров возвратился на остров Кадьяк не прежним путем, а через не исследованный

еще до того времени перешеек и таким образом открыл кратчайший путь с северного берега Америки на южный, в одну из бухт этого берега, «отстоящую от острова Кадьяка через Кенайский пролив не более, как на семь миль...»

Короче говоря, Дмитрий Бочаров со своими удальцами пересек весь полуостров Аляску, таща на себе байдары и припасы. В «Кенайке» бочаровцы починили байдары и на них приплыли к Кадьяку. Баранов к тому времени уже прибыл на Кадьяк.

В первый год жизни Баранова на Кадьяке он был занят сбором сведений о появлении испанских кораблей в водах Аляски. Баранов виделся с тем же самым офицером «Рагузской республики», который служил переводчиком на судах испанской эскадры. Переводчик, серб, был расположен к русским. Он рассказал, что испанцы собираются занять еще не захваченные места к северу от залива Сан-Франциско, опасаясь того, что кто-либо из европейцев захватит эти области.

Боевое крещение Александр Баранов получил летом 1792 года, когда на материке Аляски на его отряд напали индейцы-колоши, пришедшие с мыса Св. Ильи. Рубаха Баранова была в этой битве проколота индейским копьем.

А. Радищев был еще в Иркутске, когда там были получены письма Баранова, извещавшие о событиях первого года его жизни в Новом Свете. В Иркутске великий изгнанник узнавал у мореходов и бывалых людей подробности жизни и быта чукоч, курильцев, алеутов, изучал деятельность русских на севере Тихого океана, собирал сведения о торговле тихоокеанскими мехами в Кяхте. Радищев писал из Сибири, что лучший пушной товар добывается на Алеутских островах.

Если заглянуть в старые бумаги, то можно узнать, что на Алеутских островах с 1747 по 1791 год было добыто дорогой пушнины на 6 310 756 рублей. За это время в водах архипелага побывало более семидесяти купеческих кораблей из Камчатки и Охотска. Бобровый промысел, добыча морской пушнины расширялись по мере продвижения русских вдоль побережья Нового Света к калифорнийской стороне. Барановские промышленники в поисках морских бобров плавали далеко за Якутатский залив.

...Александр Баранов еще в 1792 году обошел на кожаной байдаре вокруг всего острова Кадьяк, осмотрел русские поселения и стал составлять «топографическое описание» острова. Он решил перебраться из гавани Трех святителей в другой залив Кадьяка и там заложить столицу Русской Америки.

Баранов возвел Павловскую крепость на высоком и каменистом берегу Чиниакского залива, где росли корабельные леса. Из новой крепости было удобнее управлять Русской Америкой и ее заливами: Аляска была ближе к Павловской крепости, чем к гавани Трех святителей.

В мае 1793 года Баранов пошел покорять чугачей. С ним был отряд — тридцать русских и сто пятьдесят кадьякских коняг» на их легких байдарах. Ему удалось подчинить всех туземцев. После этого русские увидели европейский корабль. Это было судно «Феникс», принадлежавшее Ост-Индской компании. Командовал им капитан Мур. Он торговался в Кантоне и Манилле; в Чугацкий залив Мур зашел, чтобы сменить мачты. Вот когда встретились флаги Американской компании Шелехова и Ост-Индской компании в водах Нового Света! Мур дружески обошелся с Барановым и даже подарил ему «индейца Рычага», а когда расставался проводил русских пушечным салютом. Баранов увез «индейца Рычага» на Кадьяк, где он вскоре обучился русскому языку и стал переводчиком при встречах Баранова с английскими мореходами.

Тем же летом по побережью Америки, за мысом Св. Ильи, было расставлено и зарыто тридцать столбов и досок с русскими гербами и надписями. В корабельных лесах Чугацкого залива, как по щучьему велению, застучали русские топоры. Росли груды золотистой смоляной щепы. Баранов сам помогал ссыльным мастеровым валить лес для построек. В новой Воскресенской гавани выросла первая русская верфь. Здесь Баранов поселил десять семей сибирских хлебопашцев. И хотя всеми делами на новой верфи ведал корабельный мастер Шильдс, бывший поручик Екатеринбургского полка и англичанин родом, Баранов следил за рождением корабля. Он сам варил изобретенный им какой-то особый состав из китового жира, охры и еловой серы. Так был выстроен трехмачтовый корабль «Феникс» длиной в семьдесят три фута, грузоподъемностью в сто восемьдесят тонн.

1794 год был богат событиями. Сто пятьдесят русских обитателей Кадьяка во главе с Барановым с нетерпением ожидали прихода кораблей из Охотска.

Всю зиму Баранов провел в разных преобразованиях, которые он проводил на Кадьяке. Вспомнив свои прежние опыты по химии, он добывал скипидар, гнал водку из местных ягод, варил какой-то настой от цинги. Затем он произвел перепись туземцев, собирал разные редкости — окаменелости и образцы руд и прилежно читал книги. Жизнь Баранова была несколько омрачена раздорами «промышленных». «Передовщики» и мореходы Компании П. С. Лебедева-Ласточкина не уживались с шелеховцами. Даже Степан Зайков, брат доблестного Потапа, труды которого отмечались Российской Академией Наук, был уличен в «богопротивных, бесчеловечных, дерзких и беспорядочных поступках» и сделался «сообщником в деяниях распутных людей». Были даже случаи, когда лебедевцы брали в плен людей Шелехова и Баранов ходил их выручать. Весной 1794 года Пизарро Российский, как себя часто называл Баранов, произносил увещевательную речь перед промышленными. Он вдохновенно рассказывал им легенду о скифском царе и его сыновьях (этот царь сказал своим сыновьям, что переломить одну стрелу легко; попробуй переломить пук стрел) и призывал к единению...

«Всякое царство, всякий град, всякая семья, дом или общество, разделившись на части, падет...», — заключил он свою речь.

Баранов был строг и требователен, но справедлив. Он долго не мог простить Герасима Измайлова, который в том году переметнулся в Компанию Киселева и вместе с киселевцами стал добывать котиков на островах Прибылова. Зато Баранов поощрял и приближал к себе тех, которые бескорыстно совершали свое дело в Новом Свете.

Он сочинил песню «Ум российский промыслы затеял...», ставшую гимном русских открывателей Аляски. Песня не гремела на праздниках, которые устраивал Баранов в честь какого-либо большого события. В первые годы он носил на груди панцырь, подобно Ермаку или Пизарро...

Весной 1794 года два смелых барановца Егор Нургов и Денис Кускалов пустились в поход. С ними шел большой отряд — тысяча чугачей и алеутов на пятистах байда-

рах и десять русских людей. Они доходили до залива Льтуа, в область горы Доброй погоды, где светятся вечные ледники, края которых погружены в морскую воду. В пути Пуртов промышлял бобров, бился с индейцами и захватил пятнадцать аманатов.

Две тысячи бобровых шкур добыл Егор Пуртов в дальних водах. Кроме того, он уговорил индейского тойона следовать за русскими, чтобы показывать им новые берега за мысом Св. Илии. Пуртов и Куликалов в этот свой поход проникли к устьям реки Медной (Атны), которая прорывалась через дикие Чугацкие горы. Они побывали в двух устьях Медной и даже поднимались вверх по ее течению. Так они утверждались на полуостровах не известной еще стране, о которой ходили упорные слухи, что она богата медной рудой. Болота и ледники в долине Медной делали плавание Пуртова опасным, но он благополучно закончил свой поход в низовьях реки.

Настойчивый Пуртов, — судя по фамилии, устюжанин, ибо род Пуртовых существует и поныне в Великом Устюге, — добыл много новых сведений о Якутатском заливе. Обо всем этом он спешил доложить Баранову, который в то время приплыл «в Чугачи». Там Пуртов совершенно неожиданно встретился с Джорджем Ванкувером. Британский морской офицер Паджет с корабля «Discovery» свидетельствует, что Егор Пуртов «во всех поступках своих выказывал благородство, дающее право ему занимать в гражданском обществе более возвышенное место, нежели то, какое судьба ему предназначила...»: Пуртов рассказал англичанам все, что считал нужным, об Аляске и Алеутских островах, скромно показал свою карту, вежливо уклонился от ответов на некоторые вопросы. Он передал англичанам золотую часовую цепь с подвесками-печатками, найденную им у индейцев. Это была печальная память о каком-то британском мореходе, очевидно, погибшем в индейском плену.

Джордж Ванкувер очень хорошо отзывался о русских людях, которые встретили его в проливах Нового Света. Британские моряки были поражены тем, с какой смелостью и ловкостью русские плыли на байдаре по просторам Кенайского залива, среди движущихся майских льдин. Англичане видели здесь шелеховцев и лебедевцев. Они жили в своих крепостях, построенных на скалах, в домах с соло-

[illegible] кровлями. Русский флаг развевался на крутом утесе, на помостах стояли медные фальконеты. Англичане побывали в нескольких русских поселениях Кенайского и Чугацкого заливов. Спутников Ванкувера угощали вяленой рыбой, [illegible].

Сам Ванкувер посетил крепостицу, где начальствовал Степан Зайков. Он увидел там два десятка жилищ и большую казарму, окна которой были затянуты китовыми пузырями.

Джонстон, офицер с ванкуверовского «Чатама», вел опись южной части Чугацкого залива. Он видел большие кресты, расставленные на побережье людьми Баранова и Лебедева-Ласточкина. Лебедевцы пригласили офицера к себе в Нутчек. Вход в селение, расположенное на узком полуострове, в низине, стерегла батарея из трех пушек. У берега на «обсушке» стоял русский галиот, фальконеты и пушки были видны на деке корабля. Петр Коломинов, начальник селения, подарил Джонстону морскую карту. Англичане наблюдали простую и мужественную жизнь покорителей Нового Света. Они побывали в хижине бесстрашного сибирского поселенца, жившего в небольшом заливе, далеко от места, где за высоким частоколом обитали остальные его товарищи. Ванкувер видел чугачей, окрещенных [illegible].

«Многие из них говорили по-русски и, судя по тому, что мы поняли из их разговоров и знаков, казалось, что они очень привязаны к русским», — писал Ванкувер.

С англичанами тогда встретился один из самых заслуженных покорителей Аляски — Василий Медведников, командовавший восьмипушечным шлюпом. Сам Баранов счел неудобным навязываться Ванкуверу, хотя находился в то время недалеко от английских кораблей. Он лишь послал в подарок сподвижнику Кука свежую камбалу...

Егор Пуртов, поддерживавший тогда отношения с англичанами, мог передать Баранову все то, что он узнал из рассказов Ванкувера. Ванкувер к тому времени успел не раз побывать в Нутке, где он вел переговоры со строптивым испанским начальником Кадрой, и исследовать пролив Жуан де Фука, описать на большом протяжении северо-западный берег Америки. Ванкувер счел необходимым выдать Пуртову письмо, в котором он по справедливости оценил все достоинства этого отважного человека...

В 1794 году на Кадьяк прибыли на корабле из Охотска новые люди. В архивах сохранились имена некоторых из них. Вот «горной науки унтер-офицер» Дмитрий Тарханов, первый европейский геолог на Аляске. За ним следует отец Ювеналий, монах из Кадьякской комиссии, бывший горный офицер Яков Федорович, принявший постриг в Иевском монастыре. Это он, засучив рукава рясы, вместе с Барановым добывал первый каменный уголь в Кенайском заливе и плавил железную руду. Прибыл на Кадьяк и прапорщик Чертовицын, начальник воинских сил Кадьяка и всей Аляски, «для ограждения заселения от нападения диких».

С корабля «Св. Екатерина» сошел также Иван Пономошный, «геодезист», участник первого русского посольства в Японию, которое снаряжалось при участии Григория Шелехова. В списке вновь прибывших можно найти и имя скромного героя Аляски — слесаря Ивана Матвеевича Шукина, строителя Якутата и Ново-Архангельска, проработавшего на разных работах по 1803 год.

Всего на Кадьяк прибыло на трех кораблях сто пятьдесят «промышленных», тридцать семь хлебопашцев из сибирских, вологодских и архангельских крестьян, монахи, мастеровые, мореходы. С кораблей сгружали рогатый скот и пушки, съестные припасы и книги, железо и канаты с якорями...

В своем новом доме в Павловской гавани Баранов разбирал груду писем, полученных от Шелехова. Именно в 1794 году Шелехов учредил в Иркутске контору своей «Североамериканской компании». Ему помогал приказчик Компании, просвещенный купец А. Е. Полевой, отец пушкинского современника Н. Полевого. Встречался часто Шелехов и с Эриком Лаксманом, вдохновенным ученым, поддерживавшим многие шелеховские начинания. Иемский изгнанник при встрече с Шелеховым говорил ему об аббате Рейнале, о его знаменитой книге «Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях». В библиотеке зятя Шелехова Михаила Булдакова была книга крыловского «Санкт-Петербургского Меркурия» за 1793 год, где был напечатан отрывок из Рейналя — «Об открытии Америки». Рейналь и де Фо, книги Кука, «Всемирный путешественник» де ла Порта

труд Солиса о завоевании Мексики и еще много подобных книг были известны Баранову, Шелехову и их спутникам. Книга самого Шелехова к тому времени выдержала два издания, была переведена в Европе. Александр Баранов признавался, что он тоже начал писать книгу о своих приключениях, но бросил сочинительство, узнав об участи шелеховской книги. В каких архивах лежит рукопись Баранова?

Вся деятельность Шелехова покоилась на прочной основе. Он знал подвиги своих современников — Семена Гирина, Александра Мэкензи и Грея в пустынях Нового Света. Восточная часть дальнего севера Америки считалась еще мало исследованной. 22 июля 1792 года Александр Мэкензи прошел по материку Америки с востока на запад, преодолел Скалистые горы и близ побережья Тихого океана оставил киноварную надпись:

«Александр Мэкензи,
пришедший из Канады сухим путем...»

Поход Мэкензи вдохновил Шелехова, и в 1794 году он не только составил, но и стал осуществлять план огромной экспедиции на северо-восток Америки. П. Усов, исследовавший деятельность Шелехова, пишет, что «Колумб Российский» послал девяносто русских промышленников, приказав им «отыскать проход в Баффинов залив, хотя бы через сушу». Это значит, что шелеховские ходоки должны были пройти материк Америки с запада на восток, следуя по самым гиблым местам. Мы ничего не знаем о том, чем кончился этот удивительный поход, но тот же П. Усов свидетельствует, что и в 1795 году по тундрам Америки к востоку пошли еще тридцать посланцев Шелехова. Рыльский мещанин берется за задачу, которую разрешали впоследствии Дж. Росс, Франклин и Мак Клюр!

Но мы оставили Пиварро Российского Александра Баранова, бывшего приказчика по винтейным сборам, за чтением писем Шелехова. О, как умели и действовать и мечтать эти люди! Шелехов приказывал повелителю Аляски основать на американском материке город Славороссию... В Славороссии должны быть широкие улицы, просторные площади, украшенные обелисками в честь русских патриотов».

«...А для въезда и для выезда сделать большие крепкие ворота, кои наименовать по приличеству «Русские ворота» или «Чугацкие» или «Кенайские» или иначе как, то есть «Слава России» или «Слава Америки»...»,—писал Шелехов.

Были в этом письме и такие пожелания: пусть американская столица Славороссия будет как можно больше заселена хлебопашцами, «чтоб множеством людей скорее и удобнее можно было их обрабатывать и защищать, через что и американцы скорее и удобнее приучатся к новой жизни...» Хотел Шелехов, чтобы утром в Славороссии при подъеме флага били барабаны, играла музыка, чтобы славороссийский гарнизон был «в мундирах» и имел «на портупеях шпаги».

В этих письмах Шелехов и Полевой просили Баранова ускорить поиски руды на реке Медной. Но на Кадьяке уже гудел испытанный церковный колокол, отлитый из аляскинской меди мастером Шапошниковым. В Павловской гавани сооружали деревянную церковь, обещали ее достроить. Яков Сапожников, спутник Шелехова, сеял ячмень: посеял фунт зерен, а собрал полтора пуда. Прибывший Шильдс построил еще два корабля — «Дельфин» и «Ольгу». «Феникс», впервые обошедший по пути барановские владения, уже давно плавающий вдоль моря. На «Фениксе» вскоре был отправлен в Охотск штурман Герасим Измайлов с богатым грузом морской пушнины.

Летом 1795 года Баранов впервые взял в руки морской штурвал и приборы для измерения долготы и широты. Он сам правил куттером «Ольга», направляя его бег в Кенайский залив. Страшные вести ожидали там «Пизарро Российского». Индейцы с берегов реки Медной замучили старого шелеховца Константина Самойлова, убили тринадцать промышленников Компании П. С. Лебедева-Ласточкина. Баранов воздвиг новое укрепление «в Кенаях» при реке Кааку, на высоком правом берегу, и назвал его редутом Св. Николая.

Рудники открыли также и в Чугацком заливе, где власть над Нутеком принял Иван Кусков, будущий герой Калифорнии. Русские нашли уголь, железные руды, и, может быть, уже в 1795 году были замечены признаки золота близ редута Св. Николая. В это лето Баранов побывал на юге Аляски в Чильхатском заливе. Тогда это название никому

ничего не говорило. Через сто лет, в дни золотой лихорадки, о Чильхате, или Чилькуте, знал весь мир, ибо там начинался путь к Клондайку... Баранов поругался с индейским тойоном Чильхата. Во всяком случае, на Кадьяке Баранов вскоре был занят приготовлениями даров для чилхатского вождя; кадьякские мастерицы шили байковый плащ с горностаями, колпак из плиса и нанизывали голубой бисер на нить длиной в десять сажен.

20 июля 1795 года в Иркутске скоропостижно скончался Григорий Иванович Шелехов. Ничто не предвещало его близкого конца. Еще в феврале он писал И. И. Голикову, знаменитому историку деяний Петра Великого, что он пошлет в Славороссию «патриотические труды» прославителя Петра. Еще недавно Шелехов горячо обсуждал планы путешествия из Иркутска в Тибет и Бухарию, куда должен был отправиться аптекарь Сиверс, планы предстоящего похода к берегам Японии вместе с Эриком Лаксманом. Шелехов должен был заведывать торговой частью японской экспедиции.

Весь Тихий океан представал перед взором Шелехова в последние дни его жизни. Он умирал склоненным над своими морскими картами. Незадолго до смерти он писал о том, что русским следует возвратить себе Амур. В письме к Баранову он напоминал ему о Кантоне, где рано или поздно надо будет начать торговлю. «Бухария» (Восточный Туркестан) и Тибет были для него, видимо, именно теми странами, где нужно было начать торговлю после торговли в Кантоне и Кяхте. Он хлопотал об учреждении русских консульств в Китае, Индии, Японии, на Филиппинах.

«Ум российский промыслы затеял» —

гремела в это время песня Баранова в Новом Свете.

IV

Как бы отдавая последние почести Шелехову, Александр Баранов салютовал трехкратным залпом из пушек и ружей, и в ледяных пропастях Якутата долго отдавались громовые раскаты.

В августе 1795 года отряд Баранова торжественно занял берега Якутатского залива. «Пизарро Российский» поднял здесь древко с флагом, увенчанным крылатым

гербом. Отныне вся эта область принадлежала России. Сквозь туман блестели ледяные потоки, низвергающиеся со склонов горы Св. Илии — Большой горы на языке индейцев. Она была видна из губы Беринга. В Якутатском заливе была бухта Разочарования — печальная память о том, как испанский мореплаватель тщетно искал здесь пролив между океанами... Сохранилось написанное рукой Баранова донесение о «приличной процессии» [illegible] Якутата в присутствии главного тойона местных индейцев — Коттчина.

Вскоре Гаврила Прибылов [illegible] в Якутат [illegible] экспедиция, но поход окончился неудачей, и он возвратился на Кадьяк. Прибылов высадился на материке близ [illegible] на Ювеналия. Монах-геолог отправился в огромную и неизведанную страну, к водам большого озера, к огням вулкана Илиамна, к западу от Кенайского залива. Там Ювеналий вскоре был убит индейцами около озера Шелехова.

Потом умер Гаврила Прибылов, открывший для мира золотые острова. В наше время на островах Прибылова [illegible] город Сен-Пол, мощные радиостанции [illegible] в эфир свои позывные и над островами кружат гидропланы со знаками Соединенных Штатов. Прибылов долго и честно служил Шелехову и Баранову — первым русским людям Нового Света.

Корабль, на котором плавал Прибылов, «Три святителя», прославивший себя походом Шелехова, погиб и был выкинут жестоким штормом на берег Камчатской губы. Только в 1796 году Баранову удалось доставить [illegible] поселенцев в Якутат. На береговом мысу выросла казарма для «промышленных», рядом с ней — магазин, кладовые. Русское поселение посетил индейский вождь Коттчин, который за дряхлостью лет передал власть своему племяннику. Кенайцы поклялись русским в дружбе. Баранову оставалось теперь лишь выжить буйных лебедевцев из Кенайского залива и Нутека, где они сидели на шелеховских землях, да еще бахвалились тем, что будут воевать с Барановым...

Поручик Яков Шильдс по приказу Баранова отправился на корабле «Северный орел» к югу вдоль побережья Америки. Шильдс миновал Чильхат, неподалеку от которого в жерле потухшего вулкана рождался Юкон... Северо-

ный орел» шел мимо ледяных полей, сползающих в море. Огромные горы возвышались здесь над льдами, камнями, синими морскими просторами. Это побережье казалось одним из чудес мира. За Чильхатом открывались все новые и новые острова, освещенные пламенем вулкана. Как раз в то время находился в извержении вечный страж Ситхи-Эджкомб, или вулкан св. Лазаря. Он стоял, как горящий мыс, выдавшись в море. Так Шильдс в 1796 году достиг дальнего созвездия самых южных островов у побережья Аляски.

На западном берегу острова Ситха была гавань, свободная ото льда и способная вместить чуть ли не целый флот. Вечный снег на горах, зелень хвойных лесов, живописные острова, отраженные в бесчисленных проливах, — такой была Ситха. Котлеян, вождь ситхинских индейцев, принес Шильдсу жалобу. Неизвестный белый, говорил тойон, грабит индейцев. Он вымогает у них бобров, заковывает людей племени ситка в кандалы. Это был, как оказалось, пират Барбер с корабля «Артур». Шильдс встретился с ним в заливе Креста...

«Северный орел» пошел к Кадьяку, прямо на огни чудовищных маяков. Вулканы высотой с Монблан освещали путь к северу от Ситхи.

На следующее лето боцман Тихон Сапожников, который до этого ревностью возделывал ячмень на Кадьяке, совершил подвиг, суть которого осталась тайной до наших дней. На промысловом судне «Зосима и Савватий» в погоне за морским зверем он потерял счисление и заплыл так далеко на юг, что от тропической жары стала таять смола на бортах корабля. Никаких признаков земли и островов Сапожников не видел все время, пока его корабль плыл в неизвестном просторе.

Наконец, Сапожникову удалось возвратиться в знакомые места, и он добрался до Афогнака. Баранова (бывал) Сапожников уверял, что корабль уцелел от гибели только благодаря чудодейственной силе старинной иконы, перед которой дружно молился весь экипаж в дни, когда корабль било штормами в неведомых водах. Но где именно побывал Сапожников — это осталось вечной загадкой...

...В те годы русское общество продолжало следить за подвигами тихоокеанских мореходов. Гаврила Державин со-

чинил четыре строки, которые вскоре облеклись в золото и были высечены на плите уральского мрамора — надгробии Шелехова:

...Колумб здесь Росский погребен,
Проплыл моря, открыл страны безвестны,
Но зря, что все на свете тлен
Направил паруса во океан небесный...»

Державину вторил И. И. Дмитриев. Он тоже сочинил надпись на памятник Шелехову. Молодой В. Жуковский в стихах «Могущество, слава и благоденствие России» рисовал, как в бесчисленном сонме полночных народов стоят «бобром одетый камчадал» и «с секирой острой алеут».

В 1797 году А. Радищев на пути из Сибири встретился с сподвижником Шелехова — командиром корабля «Св. Екатерина» Василием Ловцовым. Еще из Илимска Радищев писал, что до него дошла весть о смерти Шелехова.

В Иркутске на доме, где жила вдова «Колумба Российского» Наталья Шелехова, была прибита вывеска с изображением Меркурия, крылатого галиота и тех «дикарей», о которых Державин писал: «...покрытые шерстью, рыбьей чешуей, одетые листьем и корой». Правда, на иркутской вывеске алеуты и индейцы были более похожи на себя, а не на описание Державина.

Литеры, выведенные на вывеске, гласили:

КОНТОРА 1797 ГОДА

Главная Иркутская Соединенная Американская Компания

В 1798 году люди Лебедева-Ласточкина покинули Нучек и Кенайский пролив. Дерзкий Степан Зайков и лебедевец Конзалов, когда-то грозившие Баранову войной, увели свои корабли «Иоанн Богослов» и «Св. Георгий». Лебедевцы оставили Аляску навсегда...

Тем временем отряд барановских промышленников добыл в проливах Ситхи более тысячи морских бобров.

Баранов начинал заселение Ситхи. Василий Медведников, отважный шелеховский «передовщик», пришел к Ситхе на корабле «Орел», осмотрел привольные места, и скоро на ситхинском побережье вновь застучали топоры...

Вот они, драгоценные свидетельства того времени — большая пачка писем Баранова. Подлинники этих писем лежат в старинном архиве, найденном мной.

Но предупреждаю вас наперед, чтобы приготовили дух свой к постоянной терпеливости, выслушали между многими здешними благополучными успехами и о несчастливых, немалую скорбь всем нам навлекающих и вам причинить могущих приключениях», — так начинались эти письма «Писарро Российского». Приключений было много. Корабль «Орел», водимый штурманом Талиным, спускался на юг от Ситхи и уже доходил до островов Королевы Шарлотты. На обратном пути корабль погиб в Чугацком заливе. Погибло и судно «Феникс», отправленное из Охотска на Кадьяк. Сто пятнадцать промышленников в Хунновском проливе умерли после того, как поели каких-то мелких черных ракушек. В Якутате началось поветрие. Иноземные инженеры стали продавать индейцам оружие и порох.

Моряк искусный, но человек недобрый» — пират Барбер — рыскал все время в аляскинских водах.

Но двадцать русских «промышленных» и шесть женщин строили будущий город Ситху. В июле 1799 года сам Александр Баранов прибыл туда. На пустынном берегу выросли дом для начальника, двухэтажная казарма с двумя будками» для пушек, рыбные сушильни, баня и часть крепостной стены. Баранов зимовал на новых местах. Он жил сначала в изодранной палатке, потом в «черной» бане. Там Баранов занимался обработкой сведений о новом крае. С пером в руках он подсчитывал, сколько прибыли даст Ситха. Оказалось, что в десять лет здесь можно было бы добыть не менее ста тысяч бобров. По ценам Кантона эти бобры стоили бы самое малое 4 500 000 рублей... Зимой строители Ситхи стреляли сивучей и нерп и тем питались. Весной к берегам Ситхи подошло столько сельди, что ее не успевали ловить. Командир американского торгового корабля с удивлением разглядывал частоколы новой крепости, выросшей на скалах Ситхи. «Бенгальский индеец Рыжий» был постоянным переводчиком при переговорах Баранова с иноземцами-мореходами. Капитан Джемс Скотт из гавани Нью-Йорк, расспрашивая Баранова, предупредил русского, чтобы тот опасался прихода испанского фрегата.

С индейцами Баранов старался завести хорошие отношения. К нему и в черную баню и в новый дом начальника Ситхи приезжали три ситхинских тойона—Скаутлельт, Коухкан и Скатагеч. Тогда и была написана бумага об

устунке Ситхи русским. Василий Медведников был назначен начальником новой крепости. Баранов приказал ему строго-настрого — ничего у индейцев даром не брать... Баранов созывал «игрушки» для туземцев, на которых воины племени ситка устраивали свои пляски.

В числе новых обитателей Ситхи жило несколько иноземных матросов. Они в числе одиннадцати человек были высажены с корабля в наказание за проступки перед капитаном. Трое из них пришли к Баранову и «по добродушию россиян» были приняты на работу в новой крепости.

Мореход О'ксин рассказал Баранову: среди капитанов кораблей, посещающих Аляску, ходит слух, что европейцы видели у туземцев бухты Бокорело (Бобровой) русскую одежду, подбитую лисьим мехом, и цветные лоскутья. Баранов полагал, что эти вещи — печальная память о людях Чирикова, убитых индейцами в 1741 году.

Баранов не знал еще о тех больших изменениях, которые произошли с Компанией Шелехова и Голикова. Ее, как таковой, уже не существовало. Еще в 1798 году в Иркутске был подписан акт «о соединении двух компаний», а именно «Американской Северо-Восточной, Северной и Курильской Шелехова и Голикова» и «Иркутской Коммерческой Мильникова с товарищи». Но не прошло и года, как образовалась «Российско-Американская Компания». Директором ее с титулом «первенствующего» был назначен зять Шелехова, просвещенный купец из Великого Устюга, Михайло Булдаков. Второй зять «Колумба Российского» блестяще образованный Николай Резанов, бывший начальник канцелярии Державина, также стал во главе Российско-Американской Компании. Главная контора Компании была переведена в Петербург. В 1800 году с новой Компании писал «Политический Журнал». Наталья Шелехова, когда-то делившая с мужем опасности жизни на Кадьяке, была возведена в дворянское достоинство. Голубой щит герба Шелеховых сторожили по бокам два «американца», держащих якорь и жезл Меркурия.

Баранов был награжден золотой медалью. Но сам он не помышлял о наградах и почестях.

«Я бесчиновный и простой гражданин отечества», — писал он о себе. Он занял берега озера Шелехова (Илиа-

мна), послал Ивана Кускова для исследования на реку Медную, построил новые корабли, впервые разведал богатства недр Нового Света.

В 1802 году весной Баранову донесли о плохом предзнаменовании: в Кенайском заливе и на побережье Аляски были пойманы белые лисицы. По мнению туземцев, нужно было ожидать несчастья.

В июне Иван Кусков близ устья Ледяного пролива видел падение метеора, который подобно раскаленному ядру промчался по ночному небу... Простодушные русские люди верили в эти тревожные приметы...

И вот высокое пламя поднимается над кровлями Ситхи. Пылают дом правителя крепости, сараи, корабль, стоящий у берега. Тойон Скаутлельт, в красном суконном кафтане и лосином плаще, стоит на пригорке против дома русского начальника. Скаутлельт руководит кровавой резней. Воины племен ситка врываются в казарму, убивают Василия Медведникова и других русских, снимают скальпы с еще живых жертв. Русские пушкари падают замертво у своих медных единорогов под копьями индейцев. Индейцы бьют по русской крепости из пушек: рушатся острые частоколы, языки пламени пробиваются через окна верхней казармы. Но что это? В толпе индейцев, лица которых раскрашены графитом, а волосы осыпаны орлиным пухом, мелькают лица европейцев. Те самые матросы, которых Баранов определил на службу, которые лишь вчера ходили на добычу бобров и сивучей, теперь идут впереди индейцев, бросают зажженные пыжи на кровли Ситхи, окровавленными руками хватают бобровые шкуры. Разграблен склад мехов в верхней казарме. Истребив всех русских, находившихся в этот день в Ситхе, индейцы бросились в окрестный лес ловить женщин, собиравших ягоды. Абросим Плотников, работный человек со скотного двора, восемь дней скитался с одним алеутом в дремучем лесу, скрывался в дупле. Он уцелел и сделался почти единственным свидетелем резни в Ситхе. В эти страшные часы к берегам Ситхи подошел на корабле «Юнкори» черный корсар Барбер. Он принял к себе на борт трех русских беглецов из Ситхи, трех алеутов и восемнадцать женщин и детей. Пригодится Барбера пересилю все границы. Скрывая следы собственных преступлений, он схватил тойонов Котлеяна и Скаутлельта и за-

ковал их в кандалы. Барбер приладил веревочную петлю на нок-рее, грозя повесить на ней тойонов, если они не отдадут мехов, награбленных в Ситхе. Бобровые шкуры Барбер немедленно прибрал к рукам. После этого Барбер вновь появился у Кадьяка, выставил двадцать пушек с борта корабля и потребовал у Баранова выкуп за пленных. Скрепя сердце, Александр Андреевич отдал пирату бобров по крайней мере на тридцать тысяч рублей, лишь бы вернуть из плена русских людей и верных алеутов.

После этого Барбер ушел на Гаваи, где пьянствовал и хвалился тем, что скоро снова пойдет на Кадьяк и разобьет из пушек крепость Баранова.

Вскоре открылось, что Барбер был главным виновником ситхинской резни. Он заранее высадил у мыса Эдгекомб своих матросов, подстрекавших индейцев к мятежу, дал тойонам пушки, ружья и порох. Более того, Барбер с другими белыми пиратами привозил в южные проливы Аляски чернокожих рабов и продавал их индейцам. Он подбил тойонов Бобровой бухты к выступлению против русских. Барбер нанес большой вред русским делам на Аляске. Одновременно с истреблением Ситхи индейцы напали на промысловый отряд Урбанова в Кенайском проливе и перебили более девяноста звероловов-алеутов. Иван Кусков, бывший в то время возле Якутата, несколько дней бился с окружившими его индейцами-колошами, палил из пушек, скрываясь от пуль и стрел индейцев за завалами из срубленного леса.

В 1802 году было истреблено в разных местах Аляски более двухсот русских и алеутов. Барбер с мостика своего корабля любовался огнем пожаров, встающих над крепостями Большой Земли...

Но, несмотря на все эти бедствия, русский флаг гордо развевался на деревянных башнях одиннадцати крепостей Аляски. Двенадцатая крепость — Ситха — была еще в руках индейцев. Баранов готовился к битве за возвращение крепости. Он строил корабли, один из которых не случайно был назван «Ермаком».

Ситха была занята индейцами, но русские не прекращали своих походов за бобрами в воды к югу от нее. Тимофей Тараканов и Швецов ходили на байдарах в Кали-

форнию. Они побывали в порту Сан-Диэго, дошли до Сан-К[illegible]ина, где добыли тысячу бобров. Пират Барбер опять дал о себе знать. Один шкипер взял у Баранова двадцать пять алеутов якобы для совместного [illegible] промысла и не вернулся обратно. Через некоторое время пресловутый Барбер привез этих алеутов на Кадьяк и стал вымогать за них выкуп. Алеуты не могли объяснить, где именно они скитались по вине шкипера; лишь потом выяснилось, что он оставил их в Калифорнии где-то там, и подобрал Барбер. Пират взял с Баранова десять тысяч отступного и удалился с Кадьяка.

Слава Баранова гремела по Тихому океану. В 1804 году о нем узнал Томеомео Великий, король гавайский, преобразователь Сандвичевых островов. Он писал к Баранову белого гавайского поселенца Кларка с предложением начать торговые связи с гаванями Океании... Баранов уже носил титул «Главного правителя Русской Америки», имел чин коллежского советника. Остров Ситха был назван в его честь островом Баранова.

Летом 1804 года «Пизарро Российский», правя парусным шкотом грозного «Ермака», поплыл к мятежной Ситхе. В пути он бил бобров и замирял индейцев Якутской области. На Ситху шел целый отряд кораблей — [illegible], «Александр», «Ростислав», «Екатерина». На соединение с этой флотилией с Кадьяка вышла красавица [illegible], только что завершившая первый поход вокруг света.

Баранов высадился на берег и утвердился в брошенном индейцами селении, на высокой горе. Отсюда была хорошо видна крепость, где индейцы засели за толстыми стенами из лиственничных бревен, с помостами для пушек. Главный тойон Ситхи Котлеян руководил обороной крепости. Баранов предложил ему сдаться, выдать пленных [illegible]. Но тойон, предпочитавший дружбу с Барановым не бобровский ром, упорствовал и отвергал предложение русских о мире. Тогда Баранов пошел на приступ. Он бился с индейцами шесть дней. Рука его была простреляна насквозь. Наконец, воины племени ситка оставили крепость. Баранов великодушно простил Котлеяну его измену и подарил тойону жезл с российским гербом, украшенный орлиными перьями. Русский флаг вновь развевался над островом Баранова!

Не прошло года, как Ново-Архангельска и узнать было нельзя. Двадцать пушек стояли на турах новой крепости, за крепостными палисадами возвышался дом правителя, недалеко от него лежала площадь будущего города; посреди площади стояла мачта с флагом Российско-американской компании. На берегу, ниже крепости, располагались лавки, кладовые, казармы с помостами для пушек, сушильня. Неподалеку от поселка виднелся садик Баранова, окруженный частоколом; там проводил свой досуг «Пазарро Российский». На досуге он много читал. Когда-то, на пути из Охотска к Аляске, терпя бедствия на Уналашке, Баранов все сокрушался, что оставил в Охотске книгу «Путешествия Джемса Кука». Теперь он имел в своем распоряжении сотни книг. По приказу из Петербурга и по собственному рвению Баранов построил здание библиотеки на Кадьяке. На «Неве» и «Надежде» на Большую Землю было доставлено много книг, журналов, картин. Тут были сочинения Михайлы Ломоносова, басни Дмитриева, «Описание Камчатки» С. Крашенинникова, описание путешествий Мекензи, Гирна, Ванкувера, Лаперуза, книги по истории Америки, Индии и Азии. Были и «Жизнь Робинзона Крузо, природного англичанина», руководства по металлургии и горному делу, пособия по разным ремеслам. Кадьякские эскимосы и алеуты рассматривали электрическую машину, портрет Суворова, картины Грева и Уткина. Кроме библиотеки, на Кадьяке был основан музей. Даже театр был в Русской Америке. В 1804 году на святках подштурман «Невы» Федул Мальцев давал на Кадьяке представления.

Не кажется ли удивительным, что в те годы алеуты, эскимосы Нового Света и даже индейцы изучали французский язык? А это было на самом деле. В «Высшей школе» на Кадьяке в 1805 году подростков обучали и французскому языку, и географии, и математике. На островке близ Кадьяка жил отшельник Герман, бывший серпуховский купец. Он обучал детей огородничеству. Земледельческие опыты были успешны: Кадьяк имел свой картофель. В артели Сапожникова разводили рогатый скот. На Кадьяке были склады, на которых в благополучные годы хранились запасы китового жира, лососины, ягод, кореньев, грибов, мяса горных баранов.

Русские люди прочно обжили Новый Свет. В 1805 году тридцать аляскинских поселенцев ходатайствовали перед Российско-американской компанией о том, чтобы их оставили навсегда в Новом Свете. А в Ситхе в 1805 году было очень голодно... Люди валились с ног от недоедания и цынги. От цынги не помогало и пиво из еловых шишек — изобретение Баранова. Первопоселенцы Ново-Архангельска ели каракатиц, мясо чаек, воронов и белоголовых орлов. Припасов, доставленных с Кадьяка, нехватало.

Над Ситхой вновь нависла угроза войны с индейцами. Тойоны, получившие оружие от Барбера, строили крепости на островах Ванкуверовых проливов. Оттуда они делали набеги на русские промыслы, стреляли из фальконетов по ловецким ватагам и байдаркам звероловов. Этой же осенью племя угалахмютов напало на Якутат. Воины в лосиных плащах умертвили двенадцать русских со Степаном Ларионовым, их начальником. Ночью после резни в Якутате туда пришли двести промысловых байдарок передовщика Демьяненкова. Звероловы не решались пристать к берегу; несколько дней байдарки провели в море, люди потеряли силы. Налетел шторм, и большинство промысловых лодок пошло ко дну.

Корсар Барбер, вечный вестник несчастий, узнав о разорении Якутата, пришел к Кадьяку. Он думал, что теперь-то он может напасть на остров, потому что большинство людей было занято на промыслах. Но в бухте стояло русское судно, а на кадьякской батарее бодрствовали пушкари. Барбер сосчитал одиннадцать пушек береговой батареи, пушки на русском корабле, и поспешил уйти обратно в море.

Пристанищем Барбера были, видимо, острова Королевы Шарлотты, где индейские старшины при помощи белых пиратов выстроили крепости. На одной из них высилась батарея с восемнадцатью пушками. К этим островам пришел однажды капитан Портер. На его корабль приехал тойон. Когда Портер разговаривал с гостем на циновках, тойон вонзил свой двухконечный кинжал в грудь морехода. Началась резня... Из экипажа корабля уцелело лишь шесть человек. Об этом тоже должен был знать Барбер. И тем неустанней перекликались часовые на крепостных воротах Ситхи и Кадьяка; Баранов спал с пистолетом под изголовьем.

Но смелые искания и походы не прекращались. В пасмурный февральский день Баранов в Ново-Архангельске вышел на берег залива для проводов «Юноны». Он провожал в Калифорнию комиссара первой кругосветной экспедиции, командора и кавалера ордена Мальтийского большого креста св. Иоанна Иерусалимского — Николая Резанова. На пути в Калифорнию командор хотел [illegible] устья Колумбии, осмотреть места, где Баранов собирался современем построить верфи и основать русские поселения. Шторм не дал кораблю подойти к колумбийскому побережью, где незадолго до этого побывал байдарщик Сысой Слободчиков.

Русский корабль совершенно неожиданно появился в порту близ миссии Сан-Франциско.

«Гишпанские гитары смешивались с русскими песельниками», — так писал Резанов о днях, проведенных в Калифорнии.

Прекрасно образованный и воспитанный, мальтийский командор сумел очаровать в Монтерее и Сан-Франциско всех испанцев и особенно дочь коменданта Сан-Франциско прекрасную Консепсию де Аргуэлло. Резанов в то время был вдовцом; жена его, дочь Григория Шелехова, умерла за несколько лет до этого. Об увлечении Резанова, о его помолвке с Консепсией, о ее верности, о ее несчастной судьбе можно много рассказать. Франсис Брет-Гарт воспел прекрасную Консепсию.

Завоевав расположение губернатора обеих Калифорний дона Жозе де Аривалло, коменданта монтерейского Жозе Нурриега де ла Гарро, иезуита отца Жозе и других, Резанов одержал и последнюю победу. Он добился разрешения продать в Калифорнии русские товары и закупить съестные припасы. Братья Консепсии де Аргуэлло помогали Резанову в заготовках. Он погрузил на «Юнону» хлеб, мясо, масло и отплыл к Ситхе. Обитатели Ново-Архангельска были спасены от голодной смерти. Так первый русский корабль закончил свой поход к берегам Калифорнии.

Вскоре после возвращения Резанова из Сан-Франциско в Ситху на новом корабле «Николай» пришел Сысой Слободчиков.

В 1806 году Слободчиков водил семьдесят промысловых байдарок к устьям Колумбии. Потом он пробрался в

Калифорнию, откуда двинулся к Сандвичевым островам. Он благополучно достиг владений Томеомео I, который так искал дружбы с Барановым. Слободчиков был первым русским человеком с берегов Нового Света, которого увидели гавайцы. Аляскинский мореход зимовал на Гаваях. Это не было похоже на зимовки в заливах Аляски или на склонах Уналашки. Как в сказке, жил Сысой Слободчиков в стране вечного лета, среди пальм и мимоз, при дворце короля-великана, питался кокосами и свининой после аляскинской голодухи. Тобольский мужик Слободчиков заключил с владыкой Гаваев торговое условие. Баранов получил возможность закупать у короля плоды хлебного дерева, сандал и жемчуг... Томеомео Великий послал со Слободчиковым подарок Баранову — драгоценный плащ из перьев тропических птиц, одеяние королей и высоких вельмож Сандвичевых островов.

И в Кантон проникли люди Баранова; туда плавали из Ситхи в то время Быкодоров и Торопогрицкий — менять бобров на китайские ткани.

Между тем Николай Резанов спешил в Россию. В Якутске и Иркутске он всячески приближал к себе мичмана В. Штейнгеля. Резанов, — пишет Штейнгель, — «дал мне слово, что возьмет меня с собой в Нью-Йорк для сопутствования ему через Орегон в Калифорнию, в порт Сан-Франциско, где намерен был жениться на дочери коменданта». Родители прекрасной Консепсии обратились к папе римскому с мольбой — разрешить брак дочери с русским путешественником. Этим мечтам не удалось сбыться...

Мальтийский командор умер на пути в Петербург. Его тело опустили в сибирскую землю. Над могилой Резанова в Красноярске был поставлен памятник — огромная чугунная коринфская ваза на гранитном подножье. После Резанова остался богатый архив; часть его бумаг мне удалось найти. В год смерти Резанова еще не чувствовал своей близкой гибели заклятый враг Русской Америки — пират Барбер. Он снова появился в Ново-Архангельске и, желая задобрить Баранова, «подарил» ему молодого сиамца Блэка. «Индеец Рычаг» (Ричард) к тому времени был отпущен Барановым на волю. Где именно похитил Барбер сиамца, пират, конечно, не рассказывал. Как всегда, Барбер пришел в Ново-Архангельск в то время, когда индейские

воины в огромном количестве собирались в проливах вокруг острова Баранова и уже осыпали свои волосы орлиным пухом в знак начала войны. В одном из архивов я нашел пространный список преступлений Барбера. Из этой эпитафии пирату видно, что он возмущал индейские племена не только на Аляске, но и в Калифорнии. Вероятно, делом его рук было и нападение индейцев на миссию Санта-Барбара в 1806 году. Барбер торговал оружием и рабами; можно думать, что именно он ввозил невольников-негров в Новый Свет, меняя их на бобров. В Ново-Архангельске корсар сказал Баранову, что может продать русским корабль, вооруженный двенадцатью пушками и фальконетами. Баранов, ничего не подозревая, приобрел барберовский «Мирт» со всеми его грузами — товарами из Калькутты и Кантона. Из осторожности Баранов не выплатил Барберу ни копейки наличными, а выдал ему платежные бумаги на Петербург. Пират согласился на путешествие через всю Сибирь. Но из-за морских бурь его корабль занесло на Камчатку. Там Барбер вдруг впал в задумчивость и вскоре покончил с собой. Вслед за этим кантонские негоцианты известили Баранова о последнем подвиге Барбера. Пират, как оказалось, мошеннически получил «Мирт» от купца в Ост-Индии, обещал ему возвратиться обратно с грузом аляскинской пушнины. Барбер попросту не успел скрыться во-время. Он боялся, что на Камчатке станет известной его проделка с «Миртом» и никаких денег он не получит. Так окончил свою темную жизнь заклятый враг русских людей в Новом Свете.

В июльские дни 1807 года байдарщик Швецов снова достиг устьев Колумбии. В стране красных кедров и великих водных пространств он провел все лето. На берегах Колумбии Швецов встретил отряд солдат Соединенных Штатов Америки. Солдаты раздавали индейцам медали с изображением Джорджа Вашингтона. От Колумбии русские звероловы стали спускаться на юг, прошли мимо Береговых гор к мысу Мендосино и здесь обрели залив Бодего под 38° северной широты, милях в шестидесяти от входа в залив Сан-Франциско. Горы, дубовые и хвойные леса, тучные пастбища, удобные бухты в глубине Бодего — все это привлекло внимание русских к новым местам. Швецов прошел вдоль побережья Калифорнии до самого Сан-

Диэго, где его застала теплая калифорнийская зима. Вернулся он на Аляску с богатым грузом мехов, с ворохом новостей о Калифорнии.

И настает тот час, когда неугомонный Сысой Слободчиков, оборотясь лицом к Каскадным горам, где владычествует двуглавая вершина Шаста, ставит на земле Северной Калифорнии железную доску с изображением русского герба. Потом он разгребает заступом ворох пожелтевшей хвои и вырезает продолговатую дерновую плиту. Подняв дерн, Сысой Слободчиков укладывает доску с гербом на черное земляное ложе. Так было в губе Тринидатской, под 41° северной широты. Через год другая железная доска была захоронена на берегу залива Малый Бодего, обретенного Шишовым. Так границы суровой Русской Америки подошли к солнечному рубежу Калифорнии.

Герои Русской Америки! Вот один из скромнейших храбрецов — Тимофей Тараканов [1]. Осенью 1808 года Тараканов и мореход Булыгин пошли на промысловом корабле «Николай» в Колумбийские области. Корабль потерпел крушение. Индейцы-нуткасы с лицами, раскрашенными охрой и толченой слюдой, напали на людей Тараканова, убили одного матроса, взяли в плен несколько русских женщин. Тимофей Тараканов с остатками экипажа отбился от индейцев и ушел в прибрежные леса, где беглецы скрывались в древесном шалаше. Лесные индейцы выследили Тараканова и захватили его вместе со всеми спутниками. Долго бедствовали русские пленники на берегах пролива, где сейчас стоит город Виктория. Шкипер Брун отбил их у индейцев и привез в Ситху. У подножий колумбийских елей осталось несколько безвестных русских могил...

Годы делали свое. Александр Баранов старел. Ему шел седьмой десяток. Но попрежнему была тверда его железная рука. 1809 и 1810 годы были для Баранова временем новых испытаний. В Ново-Архангельске неожиданно открылся заговор. Ссыльный Василий Наплавков, бывший чиновник почтамта в Петербурге, начитался записок Беньовского и наслышался в свое время на Камчатке рассказов о побеге будущего короля Мадагаскара. Наплавков ре-

---

[1] В американских источниках Тараканов назван Василием.

нил убить Баранова, его сына — креола Антипатра, американца Кларка — гостя с Гаваев и, захватив корабль «Открытие», плыть на остров Пасхи... Наплавков подобрал себе шайку самых нерадивых «промышленных» и в мечтах уже видел себя королем тропического острова. Баранов с пистолетом в руках пре[illegible] перед обличием заговорщиков, при помощи верных людей схватил зачинщиков и заковал их в кандалы.

С «Кадьяка», посланного в залив Бодего, убежало пять изменников. По Калифорнии еще со времен похода Резанова шатались трое перебежчиков — какой-то пруссак из экипажа «Юноны» и русские Полканов и Кальянин. Все они за мелкие подачки служили в миссиях у испанских иезуитов и конных жандармов переводчиками и сведущими лицами... Только кончились неприятности, связанные с заговором Наплавкова, как Баранов был встревожен вестью о корсаре, который готовил нападение на Ново-Архангельск. Достойный преемник Барбера, подняв паруса в Кантоне, пошел к Гаваям, набрал там отряд канаков и пустился к берегам Аляски. Ново-Архангельск приготовился к обороне, но на счастье Баранова корсар повернул обратно, так как все канаки заболели, лишь только пиратский бриг достиг области холода. Иван Кусков у островов Королевы Шарлотты, точнее у острова Дундас, был окружен индейскими лодками. От индейских стрел погибло восемь алеутов-звероловов. Невдалеке от туземных лодок в море кружил белый пират Гель. Он дал понять Кускову, что откроет огонь по «Юноне» и русским байдарам, если они вступят в битву с индейцами. Кусков незадолго до этого зарыл на острове Дундас железную доску с гербом...

В 1810 году в Ново-Архангельске был праздник. Рекой лился ром. За ромовой чашей пели и «Ум Российский промыслы затеял» и «В восемьсот третьем году на Кадьяке-острову»... Последняя песня была сочинена в честь борьбы Баранова за остров Ситху. В Новоархангельской гавани развевались флаги кораблей «Диана», «Изабелла», «Лидия», «Энтерпрайз». На «Диане» в Ново-Архангельск пришел Василий Головнин; «Энтерпрайз» капитана Д. Эббетса был послан к Баранову из Нью-Йорка знаменитым негоциантом Джоном Астором. Он предлагал Баранову о торговом сотрудничестве на материке Америки.

Василий Головнин рассказывает о пирах, которые давали друг другу Баранов, посланцы Астора и офицеры «Дианы», о салютах с палисадов крепости, о прекрасной библиотеке и картинах в доме Баранова, о стихах в честь русской Аляски и ее людей, сочиненных гостями из Нью-Йорка.

Наступила туманная ситхинская осень, пришел вслед за ней громовой новоархангельский январь с его страшными грозами и молниями, разрывающими пасмурное небо. В это время Баранов, уединясь в своей библиотеке, писал «Прокламацию» к жителям Калифорнии: он призывал их к торговле с Ново-Архангельском. Кроме того, он внимательно разглядывал карты побережья Америки к северу от Сан-Франциско. Потом он вызвал к себе Ивана Кускова, своего соратника с 1790 года, тотемского мещанина и большого знатока всех калифорнийских дел...

Скоро в заливе Румянцева, он же Бодего, у ворот Сан-Франциско, был основан форт Росс. Его пушки возвышались над краем берегового утеса. Жилища Росса были сложены из бревен красной сосны — чаги. С утеса можно было видеть долину реки Славянки, вход в которую сторожили камни, известные под названием Славянских Ворот. На островах при входе в залив Сан-Франциско на знаменитых Ферлонских камнях выросли русские избы. В заливе с первых дней основания Росса промышлял уже известный нам Тимофей Тараканов. Заслонясь ладонью от солнца, сидя на корме байдары, обтянутой шкурой сивуча, он разглядывал глинобитные домики миссии Сан-Франциско, рассыпанные по песчаному берегу.

В год, когда русский флаг был поднят над скалами Росса, крепость Астория, основанная Хонтом, компаньоном Джона Астора, была отобрана у американцев англичанами. Хонт, или, как его называли русские, Хунт, строитель Астории, бежал из разоренной крепости к Баранову в Ново-Архангельск. Английская Северо-западная компания немедленно основала укрепление Ванкувер в северном рукаве реки Колумбии.

Лесистый Сысой Слободчиков, помогавший Кускову управлять Россом, в 1813 году приплыл с берегов Славянки в Сан-Франциско, где прекрасная Консепсия все еще ждала Резанова. Слободчиков добился у испан-

ков согласия на торговлю с поселенцами Аляски и Росса. Первое персиковое деревцо было посажено в землю Росса, на реке Славянке завертелись колеса мельниц, задымилась новая баня, в первый раз шкуры горных баранов были заложены в чаны кожевенного завода.

Русская речь тогда зазвучала вновь во владениях короля гавайского. Один шкипер, плававший на новоархангельском корабле «Беринг», разбил это судно у северных Сандвичевых островов. Шесть русских, — имена их нам неизвестны, — пошли куда глаза глядят от обломков «Беринга». Они скитались по тропическим лесам, оборвались. Один из мореходов Баранова впоследствии лишь случайно отыскал и спас гавайских робинзонов. Их привезли в Ново-Архангельск, где они и рассказали Баранову о своих приключениях.

В конце 1814 года лейтенант М. П. Лазарев пришел в Ново-Архангельск на кругосветном корабле «Суворов». Он сообщил об открытии островов Суворова в Океании.

Баранов в гавани Ново-Архангельск часто принимал корабли, пришедшие из Кронштадта. То, о чем когда-то мечтал Шелехов, стало почти обыденным делом. Вслед за «Суворовым» в Ситху пришел «Кутузов», затем «Суворов» появился во второй раз. «Рюрик», тоже завершивший кругосветное плавание, ходил в северных водах Аляски, побывал на Прибыловых островах, на острове Св. Лаврентия.

В последние годы жизни Баранова гений дальних странствий продолжал дружить с людьми Русской Америки. В Ново-Архангельск привозили плоды хлебного дерева из Океании, на Аляске звенело испанское серебро, ситхинские женки пекли хлеб из калифорнийской муки. Ром и вино Чили и Перу, бразильский кофе, табак Вест-Индии, гавайская соль, плоды Филиппин, шелка Китая — все это можно было увидеть в те годы на Аляске. Священник ситхинской церкви служил обедню в облачении из китайских тканей с драконами, церковные сосуды были отлиты из испанского серебра. Однажды Иван Кусков на корабле «Мария» доставил в Охотск двадцать тысяч испанских пиастров, которые он выручил от торговли в Россе.

Тимофей Тараканов, герой Колумбии, промышлявший тюленей в заливе Сан-Франциско, отправился на Сандвичевы острова. Он прожил там три года, изучал богатства островов, быт гавайцев. Вместе с Таракановым на Гаваях жил бывший служащий Баранова, португалец Элиот де Кастро, лекарь из Бразилии, торговый агент Аляски и... статс-секретарь его величества Томеомео Первого. Тараканов в поте лица своего трудился в садах и на пашнях благодатных островов, с ним было немало алеутов и русских... Но история житья Тараканова под сенью пальм Гонолулу прямым образом к истории Аляски не относится. Правда, Тараканов привез в Ново-Архангельск Баранову приглашение от дряхлеющего короля-великана. Томеомео давал Баранову участок плодородной земли, рощи, звал «Российского Пизарро» провести остаток жизни на коралловых землях Океании.

Редко люди доживали до прижизненных памятников, но памятник, притом крылатый, Баранов увидел воочию. В синем Ситхинском заливе шел белопарусный корабль, на его борту горела медная надпись «Александр Баранов».

«Пизарро Российский» в последние годы жизни немало потрудился над преобразованиями в Русской Америке. Он приказал построить в Ново-Архангельске новую крепостную башню; на ней установили восемь пушек. Он назвал мыс Эджкомб мысом Трубицына в честь боцмана с корабля Чирикова. Баранов выучил русскому языку и русским обычаям первых индейских новокрещенов с диковинными именами — Никтополион, Никострат, Нирс, Неон и Наркис. Гавайские, алеутские, эскимосские дети, отправленные Барановым в Петербург, оказали редкие успехи в науках и сделались хорошими мореплавателями, кораблестроителями, учителями. На службе у Баранова, кроме русских и туземцев Аляски, находились сиамцы, индусы, якуты, тунгусы, а из европейцев — англичане, испанцы и португальцы. Баранов воспитал целое поколение «креолов» — детей от русских и туземок; к ним принадлежал и сын Баранова — Антипатр. Это сословие Русской Америки дало немало даровитых людей. «Креолом» был, например, А. Ф. Кашеваров, будущий генерал-майор, исследователь морских вод Аляски, герой камчатской обороны.

Детище Баранова и Кускова — форт Росс в Калифорнии рос не по дням, а по часам. В числе многих гостей Росса был в те годы и Василий Головнин. Великий мореплаватель в своих дневниках писал о Россе немало. Он встречался с Иваном Кусковым и от него узнал подробности русских открытий в Калифорнии. Между мысом Мендосино и высочайшей горой побережья — вершиной Шаста — поселенцы Росса открыли и впервые исследовали обширный морской залив. В него впадало пять рек — две большие и три малые. В больших реках водились лососи и осетры, с моря заходили тюлени. Густые хвойные и ольховые леса покрывали просторы этого пятиречья. Люди Ивана Кускова ходили также вверх по двум рекам, впадающим в северную сторону залива Сан-Франциско. Одна из них брала начало в том же озере, которое было колыбелью реки Славянки. В ста верстах от устья второй реки поселенцы Росса открыли вулкан. Испанцам эти области не были известны. Так русские побывали в местах, где рождается река Сакраменто, видели огромную вершину Шаста. И хоть в науке принято считать, что мамонтовые деревья, тысячелетние секвойи, похожие на пирамиды, были открыты в 1850 году, можно думать, что поселенцы Росса знали о существовании лесных исполинов еще в начале прошлого века, ибо бывали не раз на западных склонах Сиерра-Невады...

Скрипели дубовые ворота крепости Росс, распахиваясь перед гостями. Тринадцать пушек стерегли крепость. Внутри укрепления стояли дом Ивана Кускова, общая казарма, склады. Двадцать пять русских людей жили в Россе в 1818 году вместе с алеутами-звероловами. Русские и алеуты дружили с местными индейцами, ходили в гости к ним, без боязни оставались у них на ночлег, сообща охотились на диких коз в Береговых горах. Старшина индейцев Валенила хранил в своей хижине флаг с корабля «Камчатка»; индеец поднимал этот флаг над утесами залива Румянцева. Тойоны побережья Росса Амат-тин и Там-ле-ле уверили русских в дружбе и выражали довольство тем, что они были защищены от нападения враждебных племен. В то же время потомки Писарро в миссии Сан-Франциско жили в непримиримой борьбе с индейцами. Не только индейцев заковывали в кандалы отцы-

[illegible] из Росса, пытали их, как во времена инквизиции, принуждая воспитанников Баранова принять католичество и перейти на службу к испанцам. Известно, что один из алеутов Росса умер от нестерпимых пыток, но не нарушил русской присяги. Об этом рассказали Баранову остальные русские и алеуты, которых удалось выручить из испанского плена. В Ново-Архангельске они показали следы истязаний, которым они подвергались в монастырских застенках Калифорнии.

Вместе с тем калифорнийские монахи заискивали перед русскими. Монахи встречали гостей из Русской Америки колокольным звоном, как это делал отец Хуан в миссии св. Карла, или пушечными салютами со стен глинобитных крепостей. В те времена в Северной Калифорнии насчитывалось до двадцати испанских миссий. Здесь все дышало средневековьем, показной пышностью, скрывавшей нищету и убожество.

Монахи и королевские чиновники ничего не смогли сделать для овладения богатствами Калифорнии. Василий Головнин негодовал при виде серой миссии Сан-Франциско, убого стоявшей на берегу залива, который мог быть одним из лучших портов мира. «Здесь бы надлежало быть главному областному городу...», — писал Головнин. Столицей королевской Калифорнии был тогда захудалый Монтерей, перед которым Охотск казался огромным городом.

Люди Росса построили верфь, где были спущены на воду первые корабли. Кусков посадил в землю Росса черенки винограда из Лимы. Картофель у Кускова собирали дважды в год, скот имел подножный корм в течение круглого года. Земледельцы Росса выращивали редьку весом в пуд. Сеяли пшеницу и ячмень. Шестьдесят коров, большое стадо овец, лошади и свиньи — все это было в Россе через пять лет после его основания. На земле Калифорнии росли «фермы» Росса. Мы даже не знаем в точности, где именно стояли эти русские избы, огороженные частоколами. Историки Калифорнии у себя в Сан-Франциско гораздо больше, чем мы, осведомлены о русском прошлом страны. По их расчетам находят, что «ферм» Росса было очень много. Нам хорошо известно, что на Фарлонских

ниях недалеко от миссии Сан-Франциско, у парка Золотых Ворот современного города. Иван Кусков добыл за шесть лет около девяти тысяч котиков. Здесь было постоянное поселение звероловов Росса. А сколько таких поселений было разбросано еще в горах, на морских берегах, на пашнях и лесных промыслах! Боязнь русского влияния заставляла отцов-францисканцев закладывать новые и новые миссии вокруг залива Сан-Франциско. Но Сысой Слободчиков без помощи рупора мог переговариваться с испанскими монахами из своего бревенчатого убежища у Золотых Ворот... Вряд ли это обстоятельство нравилось его преподобию Мариано Перейра, президенту монастырей ордена св. Франциска в Калифорнии.

Полинезиец Каду, верный Пятница, сопровождал в те годы русского ученого, исследовавшего Алеутские острова. Алеутский тойон разводил хлебное дерево и сладкий картофель на Гаваях. Якут Бурцев строил и чинил корабли в Ново-Архангельске. Креол Устюгов составлял карты севера Аляски.

Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний!

В Новом Свете звучит громовое слово Державина, как прозвучит скоро и голос Пушкина, которого Аляска знала, как знала Гоголя и других русских гениев. Росли библиотеки на Кадьяке и в Ново-Архангельске. Баранов мог читать в «Вестнике Европы» перевод Николая Полевого о путешествиях Александра Мэкензи, ибо лучшие русские журналы привозились ежегодно в Русскую Америку.

...Одним из последних подвигов Александра Баранова было исследование севера американского материка. Баранов послал туда Петра Корсаковского, бесстрашного человека, который был способен пройти огромное пространство от Кенайского залива до реки Нугашак, в устье которой находят янтарь и мамонтовую кость. Креол Устюгов принес из этого похода первую карту реки и поморья. Отряд Корсаковского заложил крепость Александра на Нугашаке; начальником ее был Федор Колмаков, верный креол, старый соратник Баранова. Люди Корсаковского достигли также берегов великой реки Нового Света — Юкона, известного тогда русским под названием Квихпака. Но

бедствия, которых уже нельзя было преодолеть, заставили уважаемых людей возвратиться обратно. Видно, велики были эти несчастья, которые не дали возможности Корсаковскому начать первые исследования Юкона, ибо в тем же году гость Ситхи лейтенант Рокфель сказал: «Можно смело утверждать, что только одни русские в состоянии переносить подобного рода жизнь...»

Года через два Конгресс Соединенных Штатов так отзывался о людях Русской Аляски:

«Народ, который в состоянии предпринимать такие путешествия, часто по едва проходимым горам и по ледовитым морям, во время таких бурь и снежных вихрей... конечно, знает всю важность и цену торговли, для которой он пускается в отдаленные странствия...»

11 января 1818 года прибывший в Ново-Архангельск капитан Л. Гагмейстер решился объявить Баранову о том, что его смещают за старостью лет и по ряду «высоких» петербургских соображений. Пизарро Российский выдержал этот удар. Он сдал управление Русской Америкой своему зятю — лейтенанту С. И. Яновскому. Недруги Баранова радовались. Но высокая честность старика поразила даже его врагов. Завистники утверждали, что Баранов наживался на аляскинских бобрах. Но при сдаче дел выяснилось, что оборот колонии достигал не 4 800 000 рублей, как предполагалось, а семи миллионов. На себя Баранов не истратил ни одной медной полушки. Баранов был нищим. Он не знал даже, куда он пойдет из дома главного правителя Русской Америки. В далекой России, на берегах синего озера Лаче, много лет назад была оставлена его первая семья, о которой грозный властитель Русской Америки не имел никаких вестей уже много лет. Он решил ехать умирать в снегах отчизны. Баранова провожали друзья и сотрапезники. В толпе провожающих был виден индейский тойон Котлеян, с которым когда-то бился северный Пизарро. В пути, когда корабль проходил мимо Гавайских островов, Баранов с палубы «Кутузова» видел тропические рощи, которые так манили его к себе. Томеомео Великий пережил Баранова лишь на двадцать дней...

В Батавии, на Яве, путник заболел. Баранов лежал в комнате какой-то батавской гостиницы и молил, чтобы

...рее взяли на корабль. Он хотел умереть в ... 16 апреля 1819 года верный лейтенант Подушкин закрыл глаза человеку, жизнь которого стала сказкой. Смерть настигла его близ острова Принцев в зеленом, как вечный сад, мареве Зондского пролива. Море поглотило тело Александра Баранова...

V

...Креол Андрей Климовский, один из людей, воспитанных Барановым, брел в 1820 году по дебрям, сквозь которые катила свои воды река Медная. Сколько русских искало ее! Климовскому удалось не только достичь верховьев Медной, но сделать и второе большое открытие. К востоку от Медной он заметил горный кряж с острыми вершинами, сверкавшими вечным снегом. Одна из этих гор извергала дым и пламя. Более поздние исследователи назвали этот вулкан, как и весь хребет, в честь Врангеля. Это был самый северный вулкан Аляски... Он был выше, чем Монблан.

Открытие креола Климовского стало известно лейтенанту Владимиру Романову с корабля «Кутузов». Это был шестой по счету «кругосветный» корабль, пришедший в Русскую Америку. Романов составил план сухопутной экспедиции в глубь Аляски вверх по реке Медной. Но что еще примечательно в этом? Владимир Романов был первым из мореков, будущих декабристов, посетивших Большую Землю. Мы еще скажем о нем.

В октябре 1822 года с трапа 28-пушечного шлюпа «Аполлон» на землю Ново-Архангельска сошел высокий худощавый морской лейтенант. Это был Михаил Кюхельбекер. Шлюп простоял в Ситхе недолго. Он пошел для крейсерства на юг Большой Земли. Командир «Аполлона», гоняясь за пиратами и контрабандистами, выполняя новый закон о запрете торговли в водах Аляски, попутно вел и научные исследования. Кюхельбекер принимал участие в описи западного побережья острова Королевы Шарлотты, южной части пролива Чатама и других мест, где моряки «Аполлона» определили астрономически семь пунктов. Зимовать «Аполлон» пошел в Сан-Франциско, где к тому времени произошли примечательные события.

Калифорнии отделилась от Испании, [illegible] управление. Бывший испанский губернатор Пабло де Сола признал власть инсургентов и занял пост председателя Хунты в Монтерее. Хунта открыла калифорнийские порты для торговли, но одновременно новое правительство основало вблизи кусковского Росса миссии Сонома и Солана с целью отрезать форт Росс от Калифорнии. Экипажу «Аполлона» было поэтому поручено выяснить в Монтерее некоторые щекотливые вопросы.

Члены Хунты заявили Хрущеву и правителю конторы Российско-Американской Компании в Ново-Архангельске Кириллу Хлебникову, что Хунта не покушается на существование Росса. В Монтерее было тревожно. Столица Калифорнии лишь недавно поднялась из развалин, она была покинута, так как лет с пять назад ее разорил до основания пират Бушар. В калифорнийских миссиях бунтовали индейцы, убивая монахов, и падре префект тщетно пытался усмирить восставших рабов. Российско-Американская Компания, пользуясь сговорчивостью Хунты, заключила в Монтерее договор о совместной бобровой охоте в водах Калифорнии.

Байдарщик Дорофеев немедля вышел со своими звероловами в залив Сан-Франциско. Он около года проскитался по заливу и вдоль побережья Калифорнии и добыл около пятисот добротных бобров. Дорофеев и «вольный мореход» Шмидт, сменивший Ивана Кускова, с отрядом алеутов решили пробиться через заколдованный пояс Береговых гор, стороживших Росс. На своих легких байдарах они поднялись по реке Славянке верст на сто. За горами для них открылась и заблистала на солнце новая богатая страна просторных плодородных долин, дубовых и еловых лесов, где бродили индейцы, еще не знавшие власти белых. Вероятно, именно тогда русские впервые исследовали северную часть залива Сан-Франциско, известную потом под названием Сан-Пабло. Испанцы туда не проникали, и лишь много времени спустя монтерейский магнат и кабалеро дон Мариано де Валлехо задумал строить в этом заливе город своего имени...

В 1823 году испанцы купили в Россе морской баркас, приобрели товары, и отношения русских с калифорнийцами стали налаживаться.

Аполлон» после зимовки в Сан-Франциско снова нес сторожевую службу в водах Аляски и Нового Альбиона. М. Кюхельбекер был свидетелем того, как индейцы колоши в Каяках по наущению белых приватиров построили крепостцу, вооружили ее пушками и даже подняли над палисадами какой-то свой флаг. Осенью 1823 года на смену «Аполлону» в Русскую Америку пришел фрегат «Крейсер». На его борту были Павел Нахимов, Михаил Лазарев и Дмитрий Завалишин — имена их по-разному памятны в русской истории. В самом конце года батареи Ново-Архангельска встречали салютом шлюп «Ладога». В числе офицеров «Ладоги» был будущий декабрист Федор Вишневский.

...Маленького роста человек в треугольной испанской шляпе, с красным шарфом на шее, в мундире флотского офицера стоит на бастионе новоархангельской крепости, вглядываясь в просторы острова Ситхи. Это великолепный, загадочный и неутомимый Завалишин. Он оглядывает Ново-Архангельск, с бастиона ему отлично видны строения Аляскинского адмиралтейства за частоколами из исполинской ели, плац с батареей, церковь и просторные огороды за чертой поселка. Сверкают снежные горы, сияют воды незамерзающего залива, по которому скользят челны индейцев. В Ново-Архангельске идут разговоры вполголоса о казни Риего в Испании, о короле-клятвопреступнике, убийце благородного Риего. Завалишин сближается с Кириллом Хлебниковым, пытливым самоучкой, хорошо знающим калифорнийские дела. Человек в испанской треуголке вникает во все дела Аляски. Он усмиряет бунт индейцев Ситхи, роется в архиве Баранова, рассматривает в чертежной карты Аляски и Калифорнии. Он часто достает из кармана мундира записную книжку. В ней можно найти такие строки:

—...укрепить северный берег пролива в порте Сан-Франциско... должно обнести стеною со скрытыми батареями, отыскать камень в проливе, иметь на обоих берегах маяки, построить гавань для гребных судов; учредить телеграфы, почты, водою напрудить каналы и построить мельницы и испытать, годна ли морская земля морского дна для обработки; обнести низменные места стенами, прорыть каналы и сделать шлюзы для нагрузки судов. В Бодего построить крепость и основать верфь. Осмотреть порт Тринидат и утвердиться в нем... Покойный Иван Кусков еще в 1818 го-

ду вместе с туземным тойоном Самойловым проник в залив Троицы (Тринидат). Они могли видеть ржавые пятна на поверхности моря к северу от мыса Мендосино; там со дна поднимались нефтяные струи. Кусков тогда открыл реки, впадающие в залив, берега которых были покрыты строевым лесом.

Человек в красном шарфе, распевая «Гими Риэго», расхаживает по песчаным холмам Сан-Франциско. Великолепный залив, равный по величине Женевскому озеру, расстилается перед Завалишиным. Лавры и кипарисы сторожат его путь. Он идет к отцу Хозе Альтимира, настоятелю миссии св. Франциска. Широкий плащ Завалишина мелькает в аллее, ведущей к дому отца прекрасной Консепсии — дона Аргуэлло. Консепсия была тогда в расцвете своей красоты: она все еще ждала Резанова, глядя на море с мыса, где стояла береговая батарея, — так изображена она на картине неизвестного художника. Но Завалишин объясняется в любви не Консепсии, а какой-то Марии Меркадо — ее родственнице. История повторяется! Старый дон Аргуэлло тогда был губернатором Калифорнии, сторонником Мексики. Неустройство в стране, раздоры враждующих партий окружили Завалишина. В беседах с Альтимирой он называл себя Великим Магистром таинственного и могущественного Ордена Восстановления. Он называл Калифорнию солнечной «Землей Свободы». Мечтал Завалишин о многом. Не нам его судить. В его мечтах было много пылкости, он иногда вводил в заблуждение и отца Хозе и дона Аргуэлло, но Завалишин был прав в одном. Калифорния, раздираемая противоречиями, не имела не только единства, но и твердой власти. Самозванный «император Мексики Августин I» — Итурбиде — был расстрелян. Ничего хорошего не мог дать Калифорнии и король испанский Фердинанд II — Клятвопреступник, Кровавый, Вероломный, — как его назвал народ. Фердинанд II даже хотел продать Калифорнию, оставив мечты о захвате берега Америки от мыса Горн до Берингова пролива. (Напомним, что эти мечты испанских самодержцев всегда обосновывались на легендарных сказаниях об Анианском проливе, о Жуане де Фуке и на других выдумках о мнимых испанских открытиях в Северной Америке.)

В калифорнийской деятельности Дмитрия Завалишина было много противоречивого, несбыточность его пылких

[illegible] быть ему благодарны за его замечательные труды по истории форта Росс, за его записки о Калифорнии, заботы о людях Аляски и их нуждах.

Мексиканская» партия в Калифорнии была склонна к делового сближению с людьми Ново-Архангельска и Росса. Кирилл Хлебников не замедлил прибыть в порт Монтерей, где он нагрузил пшеницей два корабля и отправил их славным поселенцам Росса. С Хлебниковым в Калифорнию прибыл новый отряд звероловов; он добыл много бобровых шкур. Команда брига «Головнин» доставила в Калифорнию котиковые шкуры и очень выгодно выменяла их на зерно. Отцы-францисканцы стали плавать в форт Росс, — благо, от Сан-Франциско и других миссий до скалы Росса был лишь один день пути... Монахи делали разные покупки в русской крепости. Даже колокола католических миссий Калифорнии были вылиты русскими мастерами по заказу монахов.

Комиссар мексиканского правительства Геррера виделся с Хлебниковым и разрешил ему добывать бобров в водах между миссиями Сан-Луиз Рей и Тодос-Сентос.

...В те годы «Полярная Звезда» светила Большой Земле. Близ Синего моста в С.-Петербурге стоял большой дом с изображением двуглавого орла. В нижнем этаже дома помещалась квартира Кондратия Рылеева. Маленький кабинет его был завален бумагами, географическими картами. Вот он берет одну из рукописей и внимательно читает:

«Проект экспедиции от реки Медной до Ледовитого моря и Гудсонова залива».

Владимир Романов пишет в этом проекте:

«Ежели мыс Доброй Надежды и Новая Голландия обратили внимание Англии, то северо-западная часть Америки заслуживает таковое же внимание от нашего правительства».

Рылеев не оставил без поддержки предложения В. Романова. Рылеев думал, что от этой экспедиции: «...приносется Компании не только слава, что первые русские рассмотрят тот край, ибо ни одна европейская нога не была в оном, но и польза, что заведется сношение с Гудсонской компанией, а может быть еще откроется новая ветвь промышленности...» Кондратий Рылеев хлопотал, чтобы в эту экспедицию был отправлен именно В. Романов. Но поход не состоялся...

К. Рылеев, правитель канцелярии Главного правления Российско-Американской Компании, озабочен судьбой форта Росс. Рылеев, болея за него душой, хлопочет о делах Росса перед Сперанским и Мордвиновым. Как раз в то время к Рылееву приходит пылкий Завалишин, только что возвратившийся из Калифорнии. Завалишин изъявляет готовность немедленно следовать опять в Калифорнию. В Российско-Американской Компании Завалишина хотят назначить начальником форта Росс. По поручению Главного правления лейтенант Завалишин уже составил план преобразования Русской Америки. Кондратий Рылеев подыскивал человека, которого можно было бы назначить на пост главного правителя российских колоний в Северо-Западной Америке. Его выбор пал на Батенькова. Когда назначение это, как и назначение Завалишина, не состоялось, Рылеев сговаривал кругосветного путешественника Панофидина на отъезд в Ново-Архангельск.

Рукой Рылеева было написано «Извлечение из колониальных депеш». Он ревниво следил за всем тем, что появлялось в печати о Русской Америке и Российско-Американской Компании. Рылеев даже обращался в Цензурный комитет с просьбой не пропускать никаких сведений о Компании без ее ведома. Получилось это оттого, что «Северная Пчела» стала печатать описание Ново-Архангельска, взяв материалы из рижской немецкой газеты, не удосужившись проверить их в доме у Синего моста.

В доме Российско-Американской Компании жили один из директоров Компании — Прокофьев, Александр Бестужев, Орест Сомов — «безмундирный» служащий Компании; у Прокофьева всегда останавливался и жил В. Штейнгель. Рылеев водил Штейнгеля обедать в гостиницу «Лондон» — на балкон, «который по удалению от сообщества он называл Америкой...» В. И. Штейнгель был давно связан с аляскинскими делами — еще со времен Резанова, когда охотский мичман просился на службу к Баранову в Ситху. В 1825 году Рылеев подписал распоряжение Российско-Американской Компании о постройке в Русской Америке новых крепостей вдоль всего течения реки Медной — от моря до хребта Скалистых гор, открытого кредлом А. Климовским.

«Взаимные пользы, справедливость и самая природа того требуют», — писал Рылеев.

Царь предупредил членов Компании, чтобы они оставили свои затеи «не выходя из границ купеческого сословия».

Директор Российско-Американской Компании купец И. Прокофьев, купец-масон Кусов и другие деятели Компании упорно не признавали этих границ. Дом у Синего моста, этот «благодетельный ковчег», был местом, где велись самые недозволенные разговоры и затевались большие дела. В гостиной Прокофьева, на третьем этаже, собирались не раз Рылеев, Бестужевы, Завалишин, Кюхельбекеры, Батеньков, Якубович, Муханов, Торсон и другие. Частные сборища были и внизу у Рылеева. Там бывали, кроме участников заговора декабристов, историк Алеутских островов и Аляски В. Берх, В. Романов, великий мореплаватель В. Головнин; вхожи были и Греч с Булгариным, в те годы печатавшие в своих изданиях много различных материалов о русских открытиях и путешествиях в Новом Свете.

Гений дальних странствий призывал будущих декабристов к описанию подвигов открывателей. И. А. Муханов в 1825 году печатал исследование о путешествиях рязанского крестьянина Шикулина по земному шару. В том же журнале В. Романов печатал свои статьи об Аляске и описания жизни ситхинских индейцев. Вильгельм Кюхельбекер усердно изучал путешествие Сарычева, делал выписки...

Что декабристы делали для прославления русского имени в Новом Свете?

К. Рылеев ревностно продолжает отстаивать идеи В. Романова о расширении границ Русской Америки до Скалистых гор. Видимо, Кондратий Рылеев устроил так, что Крузенштерн и Головнин — оба сразу — подают в правительство записки со своими мнениями о форте Росс, что в Северной Калифорнии, о заливе Сан-Франциско. Граф Н. С. Мордвинов предлагает Российско-Американской Компании выкупать крепостных у помещиков в местностях, бедных землей, и селить этих людей в плодородной Калифорнии. Об этом предложении знал Рылеев. Николай Бестужев предложил создать подробную карту Калифорнии, А. Д. Завалишин собирал коллекцию испанских карт Северной Америки, для чего не раз ездил в Кронштадт.

Декабристы приблизили к себе В. Головнина, избранного членом Совета Российско-Американской Компании. Завалишин в 1825 году окончательно обработал свои новые

проекты относительно торговых связей Российско-Американской Компании в Сан-Доминго (Гаити).

Еще в 1812 году в битве при Березине был взят в плен наполеоновский генерал Бойэ. Мулат с острова Гаити, он доводился родственником президенту негритянской республики. Генерал Бойэ привык к русским снегам, женился на крепостной девушке. Он жил в Казани, Петербурге, был хорошо знаком с дядей Завалишина — Толстым. Завалишин с детства знал смуглого генерала. Однажды Бойэ рассказал, что он когда-то очень помог своему родственнику — будущему президенту Гаитской республики Бойэ. Президент Бойэ вспомнил о русском пленнике и поручил ему вести переговоры о торговых связях Гаити с Россией. Дмитрий Завалишин с присущим ему упорством ухватился за эту новую возможность расширить связи Российско-Американской Компании. Он был готов ехать на Гаити продавать русские товары, исследовать Карибское море, проложить путь русским кораблям к портам Вест-Индии.

«...Остров Гаити может служить выгоднейшим местом складки товаров между северными и южными странами Америки и для доставления оных оттуда в Российско-американские колонии и к восточным берегам Сибири», — так писала Российско-Американская Компания о будущих торговых связях с негритянской республикой. Завалишина и Компанию поддерживал граф Н. С. Мордвинов. Поход в Вест-Индию был разрешен и по существу недалек был тот час, когда Завалишин вместе с генералом Бойэ должны были отплыть на компанейском корабле в страну чернокожих республиканцев...

Полковник Вятского полка Павел Пестель в то время находил время, чтобы думать о «строении флота на Восточном океане», как сказано в «Русской Правде». Пестелю приписывают рукопись «Открытие торговли морем вокруг мыса Доброй Надежды между Россией, Китаем, Японией, Филиппинскими островами и Камчаткой». В 1825 году в кругосветное плавание на корабле Российско-Американской Компании собирались М. Кюхельбекер, Н. Бестужев и Арбузов. Даже лихой рубака и дуэлянт Якубович, бывавший в домах Синего места, изучал морскую торговлю; на Кавказе он не раз встречался с приезжими офицерами, служившими в Ост-Индской компании, и от них знал о колониальных делах.

Так, встречаясь в доме на Мойке, декабристы пытались распространить пути русских дальних странствий по всему земному шару.

11 декабря 1825 года из дома у Синего моста была послана с курьером Российско-Американской Компании депеша в Москву. Но в ней сообщалось не о количестве бобров, добытых в Новом Свете, не об акциях Компании...

...мы уверены в 1 000 солдат...», — сообщалось в этом письме И. И. Пущина к М. Ф. Орлову.

В доме у Синего моста обсуждались планы восстания 14 декабря. Из этого дома вышел Рылеев, чтобы занять свое место на Сенатской площади в рядах восставших. В дом Компании поздно ночью пришел наряд из шести семеновцев; во главе их был адъютант царя. Он приказал Рылееву одеться и следовать во дворец. С того дня шпоры не раз звенели на лестницах компанейского дома. Здесь был взят Орест Сомов, столоначальник Российско-Американской Компании. Вот известная солдафонская острота царя:

Николай I: Где вы служите?

О. Сомов: В Российско-Американской Компании.

Николай I *(в бешенстве)*: То-то хороша у вас собралась там компания!

Директор Компании Иван Прокофьев в одну из тревожных зимних ночей сжег все бумаги, в которых приводились имена декабристов. На следствии Российско-Американская Компания упоминалась неисчислимое количество раз. Кирилл Хлебников, живший в Русской Америке, и подозревать не мог, что его сгоряча тоже причислили к числу заговорщиков...

Лейтенант Завалишин, сидя в крепости, все еще надеялся на то, что он увидит Новый Свет — Аляску, свою заветную Калифорнию.

«Человек, желающий возвышения, в течение четырех месяцев умоляет тщетно о дозволении заточить себя в дикие колонии Северной Америки», — пишет он в показаниях. Еще до первого ареста своего Завалишин писал царю: «Когда мне отказано было в дозволении вступить в службу Российско-Американской Компании, государь, ты был несправедлив». Из крепости к Николаю поступает послание Завалишина о Калифорнии, о «владычестве над Тихим океаном»,

о китайской торговле, о русском «наблюдательном флоте» в тихоокеанских водах.

Владимир Раевский в письме к царю просил, чтобы его заключение в крепости было заменено ссылкой на Алеутские острова.

Когда была совершена расправа царя над декабристами, директора Российско-Американской Компании не оставили в беде вдову Рылеева. Ей были прощены все рылеевские долги Компании...

В те годы Пушкин, как свидетельствуют его друзья, мечтал о побеге в Америку или Грецию. О Русской Америке он знал хорошо по книге Григория Шелехова, которая была в пушкинской библиотеке.

После 1826 года Пушкин встречался с Ф. Толстым-Американцем. До этого Крузенштерн высадил Американца в Петропавловске-на-Камчатке вместе с диким французом Кабри, найденным русскими среди людоедов Маркизских островов. Верить Толстому-Американцу было нельзя. Но он часто хвастался тем, что будто бы после изгнания его с корабля Крузенштерна успел побывать на Алеутских островах и Аляске. Он уверял, что ему приходилось странствовать с индейцами-колошами по аляскинским лесам, навещать Ситху. В доказательство всего этого Американец, распахнув ворот, показывал висевший на его могучей, покрытой татуировкой груди образ святого Спиридона. 12 декабря 1804 года, вдохновенно рассказывал Толстой-Американец, в лесах Аляски он был спасен Спиридоном. С тех пор он и носит серебряный образ — память о блаженных годах, когда он чуть не сделался индейским царем. На недоуменный вопрос — как это случилось, Американец спокойно объяснял, что аляскинские колоши выбрали его своим властелином и долго не хотели отпускать в Россию. Проверить правдивость этого рассказа Американца невозможно. Были люди, которые подозревали, что знаменитый скандалист и дуэлянт действительно, ездил в Ситху уже после Камчатки. Но документов об этом нет. Одно известно: у Толстого-Американца был домашний музей, в котором можно было видеть одежду, утварь, оружие индейцев Аляски и алеутов. Поигрывая двухконечным индейским кинжалом, Толстой-Американец рассказывал Пушкину о дивных дебрях острова Баранова, о вулканах и вечных снегах Нового Света. Не

только картежной игрой, дуэлями и воинской отвагой. Вот известен этот необычайный человек, который «краснобаем изумил четыре части света», по словам Пушкина.

Герцен писал: «...удушливая пустота и немота русской жизни странным образом соединяется с живостью и даже бурностью характера, развивает в нас всякие уродства... в буйных преступлениях Толстого-Американца я слышу родственную ноту, знакомую нам всем, но которая у нас ослаблена образованием или направлена на что-нибудь другое... Так понятна в Толстом-Американце его влюбленность в Русскую Америку, где было столько простора для русской отваги. «Индейский царь» со списком всех убитых им на дуэлях, один из первых русских путешественников вокруг света, великий грешник и пытливый человек, он стремился в страну безграничных просторов. В нем было что-то от Баранова, от первых удальцов Русской Америки. Уродливость крепостнической жизни задавила в Толстом-Американце большого человека, каким бы мог он стать в иных условиях. И для Льва Толстого его буйный родственник был не только рыцарем зеленого стола. Нет сомнения, что Толстой-Американец был хорошо знаком с деятелями Российско-Американской Компании и после своего участия в кругосветном походе; и он не миновал дома у Синего моста, где перебывало столько разных людей. Кстати, Грибоедов, увековечивший Американца, в те годы был, безусловно, связан с Российско-Американской Компанией уже лишь потому, что он создавал план учреждения огромной Компании на Кавказе и в связи с этим должен был изучать деятельность мировых торговых компаний... Грибоедовское Горе от ума знали в Новом Свете; в архиве Хлебникова, среди его новоархангельских бумаг, можно найти список бессмертной комедии... Конечно, Хлебников, читая «Горе от ума», сразу узнал Толстого-Американца, ибо встречался с ним на Камчатке.

Возвратимся в Русскую Америку.

Ново-Архангельск отстраивался с каждым годом. К 1826 году в Верхней крепости выросла новая башня с шестью орудиями, в сторону моря глядела батарея из восьми пушек. Главный правитель флотский офицер Чистяков отстроил для себя большой дом на Камне-Кекуре, где стоял когда-то под дождем индейских стрел Александр Баранов.

Аптека, госпиталь, контора, квартиры чиновников были размещены в новом двухэтажном доме. В порту возвели новую пристань, так как старая была источена морскими червями.

В Средней крепости стучали молоты, шумело пламя в горнах. Медные и бронзовые мастера из креолов лили колокола для продажи в Калифорнию, ковали сошники для земледельцев Сан-Франциско и Санта-Роза. В Ситхе был свечной завод, сало для него привозили из Калифорнии.

На полках новоархангельской библиотеки стояли полторы тысячи книг на русском, французском и английском языках. Были шведские, голландские, испанские, итальянские издания. Там же бережно хранились письма Н. П. Румянцева, П. А. Строганова, П. В. Чичагова и других русских деятелей, которые в разное время писали в Аляску. Будущие мореходы изучали здесь чертежи кораблей, присланные П. В. Чичаговым. Два ситхинских художника начали писать под влиянием русских картин, которые были привезены Крузенштерном и Ю. Лисянским на Кадьяк, а потом доставлены в Ситху в покои Баранова. Построили в Ново-Архангельске и арсенал; в нем, кроме обычного оружия, хранились редкости — булатные клинки, персидские ятаганы, сабли с эфесами, украшенными самоцветами, отделанные серебром пистолеты.

Десять парусных кораблей входило в состав флотилии порта Ново-Архангельск. Население города составляло восемьсот тринадцать человек, в числе их было триста девять русских, остальные были креолы, алеуты, эскимосы, индейцы. Население всей Русской Америки в то время исчислялось в десять тысяч человек. Крещеные индейцы ходили в церкви; церкви и часовни были на Кадьяке, в Ново-Архангельске, на Уналашке, в форте Росс, на островах Прибылова и на побережье Кенайского залива.

Аляска стала походить на ту Славороссию, о которой мечтали Шелехов и Баранов. Со стен крепостей гремели салюты в честь кораблей, по Ново-Архангельску расхаживали моряки и военные, всегда в мундирах. Индейские и эскимосские тойоны носили русские мундиры и сюртуки.

Каждое утро над Ново-Архангельском взвивался флаг, горнист играл «зорю»; когда сгущались сумерки, по крепости и по селению ходила ночная стража. Артиллеристы

стояли всегда наготове у своих каронад, единорогов и фальконетов. На случай боевой тревоги были припасены ракеты, которые изготовлялись в Ситхинском адмиралтействе.

Умножалось и крепло племя отважных и выносливых людей Аляски — русских креолов. Их было свыше тысячи. Мореходы, мастеровые, лекарские помощники, канцеляристы, звероловы — вот кем были креолы. Уже известный нам креол А. Климовский, открыватель реки Медной, был командиром корабля, П. Устюгов делал съемки и искусно чертил карты. Александр Кашеваров, потомки которого и поныне живут в Ситхе, был старшим штурманом на корабле «Елена». На свою родину — Большую Землю креол Кашеваров приплыл на кругосветном бриге. В пути он побывал в Австралии и нанес на карту четыре не известных до того острова в Маршальском архипелаге. Возвратившись на Аляску из Петербурга, где он учился, Кашеваров с тех пор посвятил свою жизнь службе в Русской Америке.

Иноземные открыватели в описываемое нами время несколько раз посетили воды Аляски. Русская Америка видела капитана Фредерика Бичи и лейтенанта Эльсона. Бичи зимовал в заливе Коцебу, положил на карту острова Диомида. Лейтенант Эльсон исследовал мыс Барроу, определил его положение, правда, с ошибкой в счислении. Мыс Барроу с легкой руки Эльсона очень долго считался самой северной точкой материка Америки, пока не было точно определено положение мыса Мерчисон. Для наших предков, жителей Русской Америки, мыс Барроу был северной ее границей.

У северо-западных берегов Нового Света появлялись корабли из Кронштадта. Их днища были покрыты ракушками Океании, их паруса лишь недавно полнились ветрами Австралии, а трюмы еще сохраняли запах благоуханных грузов, взятых на Гаваях и Каролинских островах. Ново-Архангельск тогда встречал корабль «Предприятие», офицеры которого делали точную съемку входов в Ситхинский порт. Против крепости Ново-Архангельск стоял транспорт «Кроткий», на борту которого находился Федор Матюшкин. Пушкин перед этим походом писал ему напутственные стихи. Каждый из кронштадтских кораблей оставлял какой-то след в жизни Русской Америки. Немало потрудились моди «Сенявина», когда Федор Литке посетил Уналашку. Прибывали острова. Ново-Архангельск, остров св. Матфея. Командоры.

Впервые был научно исследован остров св. Матфея — маленькая морская земля, населенная песцами и белыми медведями. Он был необитаем, ибо даже передовщики Баранова не могли там выжить.

Трехцветный флаг Российско-Американской Компании развевался над островами Прибылова, где начальствовал сподвижник Баранова. С ним жило восемь десятков промышленников — стражей несметных богатств островов. К 1828 году там было добыто три миллиона котиковых шкур.

...С самой Бразилии не видели мы картины столь приятной и веселой. Ни пожженные палящим солнцем горы Чили, ни угрюмые, хотя и великолепные леса ситхинские не представляют ничего подобного... — так писал Федор Литке об Уналашке — острове, где шумели [illegible] пады, а над дикими каменными [illegible] кушинский вулкан. Когда-то он венцами пламени приветствовал Баранова во время прихода его в Новый Свет. Литке принадлежит честь первого исследования вулкана Унаашки. На Ситхе офицеры [illegible] астрономические и метеорологические наблюдения.

В Ново-Архангельске был закон обычай. Как только кронштадтский корабль заходил в гавань, его тотчас же [illegible] индейцев. Индейцы колоши устремлялись на корабль, тойон произносил приветственную речь и воины племени ситка начинали пляску с кинжалами на шканцах судна. Потом индейцев кормили рисовой кашей с патокой и ромом. Тойон Наушкет с набитым кашей ртом начинал хвастаться тем, что он недавно крестился. Бахвальство тойона привело к тому, что главный правитель Русской Америки однажды всенародно вразумлял тойона, объясняя ему всю трудность обязанностей христианина. Но Наушкет продолжал бахвальство, выбирая наиболее благодарных слушателей — русских матросов, может быть, впервые видящих свирепых воинов из племени Ворона.

Русские моряки со шлюпа «Моллер» — гости Аляски — делали съемку побережья Северо-западной Америки, один из приезжих геологов собрал образцы горных пород острова Баранова, штурмана описывали Нортонов залив. Все это происходило в 1825—1830 годах. В морских чертежных Петербурга одна за другой рождались карты Русской Америки и ее морских вод.

Не сидели, сложа руки, и новоархангельские и кадьякские исследователи. В 1826 году они закончили опись побережья Америки от горы св. Илии до пролива между Ситхой и материком. Кто-то из служащих Российско-Американской Компании проник в загадочную пещеру на острове Атха и нашел там мумию со сложенными на груди руками. Так впервые был открыт обычай погребений у алеутов.

Только лет пятьдесят спустя этнограф Альфонс Пинар научно исследовал великолепные пещерные мавзолеи алеутских китобоев на Шумагинских островах. Там были тоже найдены мумии, похожие на перуанские. Но первым открывателем пещер-усыпальниц был какой-то неведомый байдарщик из Ново-Архангельска или с Кадьяка. Кто-то из русских узнал, что индейцы материковой Аляски воздвигают памятники в честь знаменитых людей своего племени, сообщил об искуснейших индейских мастерах, резчиках изваяний из дерева... Пытливый русский народ, овладевая богатствами Аляски, не забывал и об изучении жизни племен Нового Света.

Наступает 1829 год и креол Федор Колмаков с тобольской винтовкой за плечами, с мешком медных крестиков плывет на байдаре в глубь Аляски. Путь его лежит сначала по реке Нугашак, потом Колмаков минует область озер и плывет по Кускоквиму — младшему брату великого Юкона. Вдалеке от устья, в глубине индейской страны, Колмаков отыскал устье бобровой реки Квыгым. Оно находилось на правом высоком берегу Кускоквима; левый берег был ровен. На этом ровном берегу, прямо против устья Квыгым, и решил обосноваться Колмаков. Он не умел делать счислений, и только более поздние исследователи определили положение Колмаковского редута — 61°34′02″ северной широты. Вокруг лежали прекрасные луга, вдалеке синели высокие горы, с них низвергались быстрые потоки. Редут был основан не сразу; на первых порах Колмаков построил «одиночку» при устье Жулинака, на том же Кускоквиме. Он оставил там креола Лукина и стал присматриваться к индейцам. Одному из тойонов Колмаков выдал в знак дружбы медаль с надписью: «Союзные России». «Одиночка» начала торговлю с индейцами, ее маленький гарнизон осмотрел несколько притоков Кускоквима. Так русские утвердились на этой богатой реке.

В эти же годы эскимос Феофан Утуктан ходил от Юкона до Ледовитого океана и достигал мыса Барроу. Он составил карту, которая впоследствии очень пригодилась Александру Кашеварову.

С. Лукин помогал прапорщику Васильеву, когда тот бесстрашно углубился в пустыни Нового Света. Отряд прошел через пороги реки Нугашак, исследовал озеро того же названия. Он хотел пройти через горный хребет в долину Кускоквима, что удалось Васильеву лишь весной 1830 года. Из одиннадцати тувемцев, сопровождавших его, у Васильева остались только четверо, да верный Лукин. Индейцы считали дальнейший поход невозможным. Суровые воины в плащах, вышитых красными узорами, с длинными копьями, не раз омытыми в медвежьей крови, сказали Васильеву, что его ожидает гибель. Он пытался итти к истокам Кускоквима один, но возвратился лишь из-за того, что боялся утратить свои драгоценные записи. По свидетельству современника, прапорщик корпуса флотских штурманов Васильев проявил в этом походе «храбрость и явное презрение к смерти»... Этим он покорил сердца индейцев. Они помогли ему вернуться в Александровскую крепость. Мне довелось найти в архиве донесения бесстрашного штурмана Васильева. Штурман Черков делал съемку гаваней в Чугацком и Кенайском заливах, но это были уже прочно обжитые русскими места.

VI

Кириллу Хлебникову, бывшему кунгурскому купцу, приятелю Д. И. Завалишина, идет уже шестой десяток. Он почти тридцать лет служит Российско-Американской Компании. Грамотей-самоучка читает творения Бекона и изучает испанский язык. Отцы францисканцы, калифорнийские коменданты и пылкие кабалеро в бобровых шляпах хорошо знают этого частого гостя испанских миссий. Хлебников в тридцатых годах подсчитал, что он не менее пятнадцати раз плавал по заливу Сан-Франциско на лодках и алеутских байдарах. Во время одного из таких плаваний кожаную байдару прорвало и путешественник едва добрался до якорной стоянки, где его спасли матросы с корабля.

Однажды новоархангельский корабль, на котором находился Хлебников, стоял на рейде Сан-Франциско. В полночь

раздались громовые удары, поднялись исполинские волны, зловещее зарево осветило Золотые Ворота и Русскую гору. Вулкан к востоку от залива извергал пламя и лаву. Русский корабль бросало во все стороны, добротные мачты на исполинской ели трещали и были готовы обрушиться. Утром русские узнали, что в миссии Сан-Франциско потрескались стены домов. В другой раз, когда Хлебников выходил на бриге «Голомин» из Монтерея в Санта-Круц, налетел такой жестокий ветер, что бриг сразу потерял якоря и канаты, и лишился управления. Хлебников вспоминал потом о столичном сознании гибели, которое пришло к нему в те мгновения, когда он особенно отчетливо увидел светящихся медуз в совершенно черных волнах. Но Нептун был милостивей к Хлебникову во время его скитаний по Калифорнии.

Он был принят в келье падре Филиппа Адройо, ученого монаха миссии св. Иоанна-Крестителя. Над черепичными кровлями миссии, над кипарисами кружились стаи колибри с пламенными [illegible], музыканты-индейцы [illegible] на испанских гитарах, позванивая ржавыми кандалами, а падре Филипп показывал Хлебникову грамматику и словари [illegible] калифорнийских туземцев, которые он составлял восемнадцать лет. Хлебников прилежно собирал рукописи подобного рода. В его архиве, еще никем не изученном, по сие время лежат рукописные словари наречий индейцев Аляски и Калифорнии.

Кирилл Хлебников прилежно изучал Калифорнию. Он описывал жизнь и быт францисканских миссий — Сан-Рафаэль, Санта-Клара, Сан-Хозе, Санта-Круц. Всех миссий в округах Монтерея и Сан-Франциско было не менее двадцати. Самой богатой по количеству рабов-индейцев была миссия Сан-Хозе; на ее пашнях и в садах работали тысяча семьсот невольников. Санта-Клара имела тысячу четыреста индейцев. Миссию Сан-Франциско можно было считать захудалой, ибо в ее владении находилось лишь четыреста индейцев. Самые богатые миссии стояли в черноземных долинах, где пшеницу сеяли в декабре, а урожай ее был сам 25—сам 30... Отцы-францисканцы торговали сырыми воловьими шкурами, салом, вином, бобрами. Сто восемьдесят тысяч голов крупного рогатого скота паслось в те годы на тучных лугах Калифорнии. Бобров для монахов добывали индейцы, дорогóй пух шел на выделку шляп; бобровая шляпа была

мечтой каждого лихого наездника. В числе богатств Калифорнии, которых не могли или не хотели разрабатывать испанцы, была соль. Соль! Как была нужна она не только Аляске, но и Камчатке. Поскольку испанцы ленились сами добывать соль, Хлебников решил начать русский соляной промысел в Калифорнии. Он поехал в Монтерей...

Столица Калифорнии к тому времени совсем захирела и напоминала русский безуездный город. Новый губернатор Калифорнии, прибывший из Мексики, пожелал перенести свою столицу в более уютный город Сан-Диего. Однако комиссар Калифорнии все еще находился в Монтерее, в той же убогой крепостце Президии, прикрытой земляным валом. Берега бухты были похожи на кладбище исполинов; всюду белели кости китов, сюда приходили китобойные корабли со своей добычей. В городе оставалось семьдесят конных солдат, двадцать пушкарей и четыреста женщин.

Хлебников долго убеждал монтерейского комиссара. Наконец, они поладили на том, что русские сами будут добывать соль с озер близ залива Сан-Кантен, заплатив пошлины и якорный сбор.

Дорого доставалась эта соль команде брига «Байкал». Берега залива не были заселены, мулов и повозки можно было раздобыть только в миссии Сан-Томас, в сто двадцати милях от моря. Соль приходилось перегружать три раза, прежде чем тяжелые кули ложились в глубокий трюм «Байкала». Со слепящей поверхности озера было собрано восемь тысяч пудов соли, за которой раньше приходилось плавать на Гавайские острова. Камчатка получила калифорнийскую соль, добытую русскими руками. С тех пор люди Русской Америки часто плавали к соляным озерам Калифорнии.

Поселенцами форта Росс управлял Шелехов, потомок Колумба Российского. Это он в 1828 году снял первый урожай с плодовых деревьев. Алые розы цвели на кустах, золотились персики, шелестели широкие листья гавайской клещевины. Форт Росс стоял, как одинокий часовой, на высоком утесе у края калифорнийской земли. Сразу за Россом начинались величавые горы, окруженные поясом дубовых и лавровых лесов. Индейцы скитались в этих лесах, находили себе приют в дуплах столетних деревьев. Те из туземцев, которые дружили с обитателями Росса, приходили на реку

Славянку, селились на ее берегах в землянках с кровлями в виде куполов. Лесные охотники, украшенные перьями дятла, приносили в Росс изделия из лосиного рога, козьи меха, кедровые орехи — в два раза крупнее сибирских, лососей, медвежатину. Индейцы научились у русских прясть шерсть; железный нож сибирской работы стал заменять им клинки из вулканического камня. «Танец Дятла» и «Пляска Белого Оленя» были частым зрелищем в Россе. Попрежнему русские ловили осетров в заливе Сан-Франциско, ловили и морского окуня, который почему-то назывался «рыбой Кузьмой». Но морского бобра становилось все меньше и меньше.

Испанцы все ближе продвигались к Россу. Миссия Санта-Роза стояла уже на притоках Славянки, верстах в двадцати от русских владений, между Каскадными горами и Сьерра-Невадой. Падре Нарциз, начальник миссии Сан-Хозе, зачастил в Росс к Шелехову: там строили для него морские баркасы.

«Крепость в глазах индейцев и здешних испанцев кажется весьма сильной, а, может быть, и непобедимой», — писали современники о Россе.

В тридцатых годах XIX века там жили двести человек, из них русских и креолов — пятьдесят, остальные — индейцы и алеуты. Поселенцы нашли удобное место для новых посевов у Сухой реки — между крепостью и морским заливом. Там был собран богатый урожай — четыре тысячи пятьсот пудов пшеницы и четыреста пятьдесят семь пудов ячменя. Две тысячи голов скота паслись у подножья гор. Огромные кади из красной сосны были полны солонины, квашеной капусты и свеклы. Соленое мясо, овощи и пшеницу отправляли из Росса в Ново-Архангельск. Калифорнийский кирпич шел на ситхинские строения.

Попрежнему стояли русские хижины на Фарлонских камнях. Когда около островов не стало котиков, фарлонские поселенцы начали сбор яиц птицы ар; промысел давал большие выгоды. Неустанные часовые стояли у ворот Росса, там, где возвышалось огромное дерево «чага» с трехсаженным в окружности стволом, на котором вырезал свое имя Кирилл Хлебников. «Колумбы Российские» стерегли свой клочок земли за океаном.

А что было там на том «конце радуги», выражаясь словами Джека Лондона? Тот конец радужного моста сверкал

над снежными просторами и льдами. В 1833 году весь полуостров Аляска был потрясен извержениями вулканов. Об этом знали на Кадьяке, в Ново-Архангельске, но точных сведений добыть не могли самые опытные землепроходцы. Не узнал ничего определенного даже Хлебников; было лишь установлено, что многие горы вдруг оказались огнедышащими...

Пламя вулканов было тогда салютом в честь рождения Михайловского редута. За год до его основания лейтенант Михаил Тебеньков открыл залив своего имени и остров Св. Михаила в обширном заливе Нортон, недалеко от устьев Юкона.

Из Ново-Архангельска была привезена разборная казарма, пиленый лес для остальных построек, и вскоре на базальтовом мысу, у светлых родников и холмов, поросших морошкой и голубицей, заблестели свежие сосновые палисады Михайловской крепости. Из нее был виден берег полуострова Аляска, покрытый холмами. Стоило лишь перейти эту цепь холмов, чтобы очутиться на первой излучине Юкона, в том месте, где он наиболее сближается с Кускоквимом. Тимофей Глазунов, один из первых исследователей Юкона, был в этой стране озер и извилистых протоков. Он прошел по затопленным низинам и речным берегам, на которых стояло множество больших эскимосских сел. Русский флаг был поднят под 63°28′45″ северной широты, и Михайловская крепость была обозначена цветным кружком на картах Русской Америки. Время завоевания Юкона — брата Миссисипи — было не за горами.

К югу от Ситхи в Тихий океан впадала многоводная река Стикин, которую русские называли Стахин. Морской офицер А. Этолин из Ново-Архангельска исследовал местность от пролива Кайганы до стахинского устья. Оно находилось под 57° северной широты, против острова Герцога Йоркского. Стахин прорывался к океану сквозь глубокие стремнины; водопады сверкали в нижнем течении, ниже водопадов блистали ледяные стены. Исследователи насчитывали в долине Стахина триста ледников. Один из них нависал над рекой, воды Стахина бурлили под этой алмазной кровлей и индейцы поэтому считали, что река исчезает во льдах. С годами исполинский ледяной мост был разрушен. Стахин впоследствии стал воротами в страну золота. В 1872 году, когда

А. Этолин был еще жив, к стахинскому устью стекались золотоискатели, которые шли к россыпям Кассиара. Потом на Стахине вырос город Гленора...

...Тогда, в 1833 году, А. Этолину удалось завести дружбу с индейцами «стикин-кванами» и кайганцами и начать меновую торговлю. Компания Гудсонова залива снарядила в форту Ванкувер на реке Колумбия корабль «Дриада», погрузила на него скот и припасы и послала поселенцев и скупщиков мехов к Стахину. Но Дионисий Зарембо, новоархангельский морской офицер, опередил англичан. Он пришел к Стахину на бриге «Чичагов» вместе со шхуной «Чилькат» и поднял русский флаг над индейскими проливами. В небольшом заливе был основан редут, и новоархангельцы стали обживать берега новой реки. Устья Юкона, Медной, Стахина, Славянки были под охраной русских пушек. Русские владения начинались на севере мысом Барроу и оканчивались на юге страной мамонтовых деревьев и вечнозеленых лавров. На одном конце радуги сверкали отражения льдов, на другом, как самоцветы, светились стаи краснозобых колибри.

А. Этолин первым начал торговлю Аляски со странами Южной Америки. С тех пор в Ново-Архангельске научились считать деньги на кондоры, дублоны и пезо. Этолин привез на бриге «Байкал» около десяти тысяч пудов пшеницы из долин Вальпарайзо и Сант-Яго. Чилийцы впервые увидели русские товары. Особенно хорошим спросом пользовались холсты и полотна. Когда в Сан-Франциско узнали, что Аляска получила возможность доставать чилийскую пшеницу, отцы-францисканцы заволновались. Они стали сами предлагать через поселенцев Росса свое зерно для продажи в Ново-Архангельск.

Тем временем Кирилл Хлебников, столь потрудившийся на Аляске, возвращался в Россию. Он задержался в Бразилии, где до Хлебникова бывали и Д. И. Завалишин и Владимир Романов. Стоит сказать, что в свое время Романов участвовал в первой русской экспедиции в девственные леса Бразилии. В Рио-де-Жанейро, в пыльном музее, Хлебников к великому своему изумлению разыскал предметы с островов Кадьяк и Уналашка. Служитель музея уверял Хлебникова, что это утварь и оружие африканских негров... Хлебников сделал свой вклад в бразильский музей — подарил

индейские панцыри и маски и образцы горных пород Русской Америки. Имя Кирилла Хлебникова было вписано в книгу почетных посетителей музея.

Хлебников изучал возможности торговли Бр[illegible] с Аляской. Он приценивался к зерну и хлопку, к пря[illegible] и плодам, обошел все рынки и портовые скл[illegible].

Когда-то Кирилл Хлебников приехал на Аляску через Охотск, теперь он плыл в Россию через тропические моря, где скитался во времена Баранова многострадальный Тараканов; он видел остров Питкерн, острова Зеленого мыса и много других тропических земель. Хлебников подсчитал, что он за пятьдесят лет своих скитании прошел в морях сто пятнадцать тысяч миль. Двадцать пять тысяч миль приходится на путь из Ново-Архангельска до Кронштадта: остальное — скитания Хлебникова в морях Нового Света от Камчатки и Чукотки до Сан-Диего и предместий Мексики.

Путь с Аляски в Мексику первым проложил Фердинанд Врангель. В 1830 году появился этот высокий, сухощавый человек с бакенбардами в ситхинском доме на высоком Камне-Кекуре. Он пять лет правил Русской Америкой. Хлебников вспоминал о свиданиях Врангеля с вождями индейских племен Южной Аляски, с женщиной-тойоном чильхатских воинов, могучие плечи которой были покрыты черной медвежьей шкурой. Врангель бывал в Россе, в Кенайском заливе, на Кадьяке, в келье отшельника-землепашца Германа на Еловом острове. При Врангеле русские люди и креолы стали ходить в глубь материка Аляски из крепостей на Нугашаке и Кускоквиме открывать бобровые плотины и рыбные реки... Врангель устроил большое хозяйство в Кенайском заливе, где были посажены престарелые барановцы с их семьями. Они взяли лучшую землю, где картофель родился сам двадцать, где было вдоволь рыбы, дичи и ягод. Тогда же была построена лесопильня при Северном редуте, в двадцати верстах от Ново-Архангельска. Она была, как писали современники, второй по счету на всем западном побережье Америки от мыса Горн. Только на берегу Колумбии работала лесопильня Компании Гудсонова залива. Вот почему вскоре Гавайские острова стали покупать ситхинскую доску, а капитан Митьков на «Ситхе» [illegible] пиленый лес

в мексиканском порту Гваямас. Чуть позже А. Этолин возил круглый лес и доски в Вальпарайзо менять на муку, пшеницу и сушеное мясо. На Сандвичевы острова из Ново-Архангельска вывозили древесину аляскинского кипариса.

Однажды губернатор Верхней Калифорнии написал Врангелю в Ново-Архангельск о том, что мексиканское правительство непрочь вступить в отношения с русским правительством. Тогда у Врангеля мелькнула мысль — нельзя ли, пользуясь этим случаем, упрочить судьбу Росса? Поселенцы Росса к тому времени открыли новые обширные и черноземные долины за ближними горами и по реке Славянке.

«...Простора столько, что можно строить целые города, снимать до пятидесяти тысяч пудов пшеницы и содержать до сорока тысяч голов разного скота», — писал об этом впоследствии Д. Завалишин. Но как занять эти долины?

Врангель думал, что если Россия признает Мексику, мексиканцы не будут покушаться на форт Росс.

:...Там хорошо поймут, — писал Врангель, — что соседство горсти русских мужиков, так сказать, оторванных от своей родины, никогда не может быть опасным для целостности владений Мексики...»

Ф. Врангель приказал капитану Митькову готовить к походу шлюп «Ситха». Старый город Сан-Блаз высился на черной базальтовой скале. Кокосовые пальмы росли у домов, где помещались конторы филиппинских купцов. Ситха была первым кораблем с Аляски, достигшим мексиканского порта. Отсюда Врангель отправился в горный город Тепик, а потом спустился к югу — в Мексико. Там Врангель побывал не раз во дворце Чапультенек, виделся с заместителем президента генералом Барроганом, с мексиканскими министрами. После бесед с ними главный правитель Русской Америки получил ноту, в которой говорилось, что мексиканское правительство с удовольствием принимает желание русских колоний распространить торговые сношения с Калифорнией, вполне расположено утвердить их посредством формального трактата...»

Врангель торопился в Петербург. Он пересек Мексику и через Вера-Круц и Нью-Йорк прибыл в Кронштадт.

Но из его хлопот ничего не получилось. Николай I и слышать не хотел о признании Мексики, а мексиканцы без этого признания никакого трактата заключать не стали.

В Калифорнии, невдалеке от форта Росс, уже появились неизвестно откуда прибывшие переселенцы с семьями скотом, со всем домашним скарбом. Усиливались францисканские миссии. На полях миссии св. Архангела Гавриила работало три тысячи индейцев. Двадцать тысяч лошадей, сто пять тысяч голов крупного и сорок тысяч мелкого скота имела эта миссия.

В неурожайном 1836 году из Росса в Ново-Архангельск не вывезли ни одного зерна пшеницы. Зато звероловы, попрежнему жившие на Фарлонских камнях, за 1834—1836 годы добыли девяносто семь тысяч котиков. Русскую Америку нужно было спасать от голодовки. Митьков пошел из Сан-Блаза в Калифорнийский залив, к скалам порта Гваямас. Там в трюмы «Ситхи» была погружена мука. Митьков добывал там и соль из озера на острове Дель-Кармен. Со сверкающей розовой поверхности озера было взято десять тысяч пудов соли. Митьков изучил торговлю в портах Калифорнийского залива; оттуда вывозили зерно, шкуры, серебро, устриц.

Поселенцы Росса и звероловы, отшельники Фарлонских камней, осенью 1836 года были свидетелями необычайных событий в Калифорнии. Начальник Росса Костромитинов приказал русским не вмешиваться в эти дела, а продолжать мирный труд — ловлю осетров и засолку котиковых шкур. Но скоро к стенам Росса пришли беглецы из Монтерея и Сан-Франциско. Они умоляли Костромитинова взять их под защиту русских пушек. Беглецы боялись солдат сержанта Кастро, объявившего себя генералом и диктатором независимой Калифорнии. Костромитинов отказал беглецам...

Что же произошло? Мятеж, как узнали в Россе, начался в Сан-Франциско. Там появился какой-то молодой калифорнийский чиновник из Монтерея. Он собрал сто двадцать жителей Сан-Франциско и сорок охотников на черных бобров. Все эти охотники были выходцами из городов Северной Америки, «бостонцами», как их называли русские еще со времен Баранова. Мексиканский губернатор Гунтерес в то время беспечно сидел за земляными

валами Монтерея, который тогда снова на какое-то время сделался столицей Калифорнии. «Генерал» Кастро со своими молодцами ворвался на монтерейскую батарею и захватил пушки. Он послал к губернатору своих бобровых охотников с предложением о сдаче. Гунтерес медлил с ответом... Тогда Кастро пустил пушечное ядро в стены Президии. Губернаторские солдаты сложили оружие. Гунтерес был пленен. Мятежники собрали мексиканских чиновников вместе с их семьями и отправили их за тропик Рака, на мыс Св. Луки. В монтерейской Президии появились новые правители Калифорнии. Они были очень дружны с «бостонцами». Янки-переселенцы заводили ранчо невдалеке от Росса — у мыса Дрэка.

...К январю 1837 года в Русской Америке жило одиннадцать тысяч пятьдесят три русских, креолов, алеутов, эскимосов, курильцев и пятьдесят тысяч индейцев.

Земли Российско-Американской Компании делились на округа; крепости, редуты и «одиночки» стояли на материке и островах. В этих укреплениях русские и креолы выменивали у туземцев меха. На севере усиленно изучались «переносы» — волоки между реками и горные проходы. Тимофей Глазунов и Назаров искали кратчайшие пути с Юкона к приморским областям, в селения эскимосских охотников.

Аляской управлял Иван Купреянов, бывший спутник Д. И. Завалишина по кругосветному походу. Осенью в [illegible] на Камне-Кекуре пришел Бельчер, командир королевского военного корабля. Иноземное военное судно впервые посетило воды Аляски. Эдуард Бельчер был особенно [illegible] тем, что видел Новоархангельское адмиралтейство. Ведь самое ближнее от Ново-Архангельска адмиралтейство находилось только в Буэнос-Айресе. На всем огромном пути от Буэнос-Айреса, мимо мыса Горн и Огненной Земли, до острова Баранова не было ни одного порта с адмиралтейством. Британский моряк разглядывал деревянный эллинг для постройки и починки кораблей. В корабельных мастерских, — а их было двенадцать, — строили [illegible] делали паруса и мачты, отливали [illegible] готовили вооружение. Точные инструменты и измерительные приборы — от башенных часов до барометров — в Ново-Архангельске делал священник Вениаминов, известный

впоследствии как этнограф и историк Русской Америки. Человек богатырского роста и сложения, мастер, охотник и отважный путешественник, Вениаминов всю свою жизнь посвятил изучению русской земли за океаном. Бельчер посетил новоархангельскую церковь с ее паникадилами из старого испанского серебра и облачениями из китайского шелка... Убранство церкви Бельчер признал великолепным. В Ситхе Бельчер наблюдал при помощи точнейших приборов небесные светила. В двух шагах от обсерватории бродили люди с раскрашенными киноварью лицами, с длинными копьями в руках; на плечи индейцев были наброшены плащи из соболей и горностаев. В последние два года новоархангельцы особенно остерегались индейцев-колошей. Были случаи, когда большие индейские отряды — человек по семьсот — собирались вокруг крепости, готовясь итти на приступ.

В 1837 году в апреле над Ново-Архангельском разразилась жестокая гроза, какие на этих широтах бывают только в ноябре и декабре. На островах Прибылова произошло землетрясение. Осенью в Ситхе целый месяц держались дым, запах смолы и горящего дерева. Раскаленное, красное солнце едва проглядывало сквозь белую мглу. Далеко от Ситхи, в океане, мореплаватели наблюдали то же самое. Наверно, где-нибудь в глубинах Аляски горели столетние леса. Русские люди того времени верили в знамения и приметы. В тот же год произошло «чудо» близ Кадьяка: над Еловым островом в небе был виден огромный светлый столб. Народная молва объяснила это знамение смертью отшельника-земледельца, престарелого Германа и страшным оспенным поветрием, занесенным из Калифорнии на Аляску. Что же касается землетрясения на острове Св. Павла, то, вероятно, оно было отголоском великого землетрясения, разрушившего Вальдивию и заставившего океанские воды ринуться на берега Гавайских островов.

Новые люди приходят в Русскую Америку. У открытого окна дома в Ново-Архангельске сидит человек лет тридцати. Ему кажется, что залив, покрытый бурунами, подступает к бревенчатым стенам. Благословенный новоархангельский апрель щедр на солнце. Индейские дети со-

бирают яркосиние фиалки и цветы малины. Колибри залетают в комнаты и пьют сок из цветочных чаш. Из окна видны склоны Эджкомба, покрытые старой бурой лавой. Индейцы идут по улице, тащат свою добычу — огромных лососей, выловленных в пригородной речке. Издалека виден русский флаг, венчающий маячную башню на крыше дома главного правителя. Блестят медные пушки береговой батареи. Слышно, как кричат знаменитые ситхинские черные вороны.

Человек за столом разбирает кипы бумаг. Тут и донесения из Михайловского редута, рапорты капитанов кораблей и мелкоисписанная тетрадь с надписью: «Макбет, сочинение Шекспира, перевел Александр Ротчев»... Действительный член Общества любителей российской словесности, переводчик санкт-петербургских императорских театров, А. Г. Ротчев числился чиновником особых поручений при главном правителе Русской Америки. Из Ново-Архангельска он плавал в Бодего, Монтерей, Сан-Франциско. Наконец, Ротчева сделали начальником форта Росс, а затем комиссионером Российско-Американской Компании в Калифорнии.

Об Александре Ротчеве вскоре узнали в Гонолулу. Именно на Гавайских островах услышал о нем командир французского корабля «Артемида» Лаплас. Он направился к Новому Альбиону, чтобы посмотреть на форт Росс и его обитателей. Это был тот самый капитан Лаплас, который впоследствии угрожал королеве Таитской корабельными пушками, требуя, чтобы она отвела место для постройки католического храма и признала права французских миссионеров. Лаплас прибыл на своем корабле в залив Бодего и оттуда отправился в Росс.

Когда Лаплас в течение девяти часов шел вдоль морского берега, на половине пути ему открылось устье реки Славянки; отсюда он любовался океаном. Невдалеке расстилались лучшие во всей Калифорнии долины, ждавшие плуга земледельца. «Бостонец» корабельщик Купер уже успел завести свое ранчо на Славянке. Лаплас окинул взглядом мыс, вдававшийся в море, крепостные стены, за которыми виднелись крыши домов, и крест русской церкви. Лаплас запомнил мельницу с огромными крыльями и очень белыми стенами, уступы зеленых холмов и береговые ло-

щины. Надо знать, что Иван Кусков, основывая Росс на одиноком утесе, прямо на берегу океана, в двадцати милях от удобного порта Бодего, думал, что он этим обезопасит крепость от внезапных нападений.

Ротчев вышел навстречу гостю. Лаплас потом отметил, что переводчик мольеровского «Мнимого больного», заброшенный на берег Нового Альбиона, в совершенстве знает несколько языков, не говоря уже о французском. Лаплас удивлялся тому, что этот русский сочетает здесь поэзию с постройкой скотных дворов, разведением свиней и овец. Полевые орудия большого калибра стояли у двух крепостных ворот, пушки меньшего размера были расставлены вокруг поселения.

В тот год под начальством А. Ротчева в Россе находилось сорок четыре русских, шестнадцать креолов, шестьдесят три алеута. Эти люди заготовили в течение года семьдесят пудов масла, более четырехсот пудов солонины, двенадцать тысяч штук кирпича. С алеутами Ротчеву пришлось расстаться, ибо их перевели на Кадьяк, где к тому времени снова появились бобры. Бобры возле Росса в то же время куда-то исчезли. Российско-Американская Компания считала, что лишь бобры и котики оправдывают существование Росса. О других богатствах Калифорнии тогда ничего еще не знали...

Упорные «бостонцы» уже владели лучшими полями вокруг залива Бодего, где по пашням расхаживали черные воробьи «чанаты». Это были как раз те долины, которые просил Врангель у мексиканского правительства и которых он не мог получить из-за упорства Николая I... Российско-Американская Компания писала, что форт Росс погибает...

«Прилежащие к морю места по свойству климата обуреваются периодическими ветрами с весны до зимы, которые гонят туманы и осаживают оные у высоких берегов и гор; за горами не более пяти верст от крепости — ясное небо, благорастворенный воздух и вечная зелень лавров...», — отмечал летописец форта Росс.

У людей, открывших эту обетованную землю, было всего лишь восемьдесят восемь десятин посевов пшеницы и ячменя, расположенных в пасмурной приморской полосе. О золотых долинах Славянки и Бодего, о странах за го-

рами нечего было и думать. Росс стоял в страшном своем одиночестве у подножья приморских гор. Сердцу Ротчева созвучны были тогда самые горькие песни Байрона, которые он переводил на берегу Нового Альбиона.

Чувствительный М. Лаплас рассказывал в Европе о необычайной жизни горсти русских смельчаков под сенью горных дубов, окружавших Росс.

В это самое время появился злой гений Калифорнии — Иоганн Август Зутер, он же Сеттер, Суттер и Саттер... Мы еще расскажем о нем.

...1 апреля 1838 года соратник Баранова, директор Российско-Американской Компании, член-корреспондент Академии Наук Кирилл Хлебников шел пешком из знаменитого дома у Синего моста в Департамент корабельных лесов. Там он застал Фердинанда Врангеля и штурмана Васильева, героя Кускоквима. Старые друзья говорили о делах Аляски, о новых походах и открытиях в Новом Свете. Когда Хлебников собрался уходить, Васильев пошел его провожать. Вдруг Хлебников пошатнулся, упал на булыжники Грязной улицы. Его долго приводили в чувство, но он впадал в забытье и к ночи скончался в доме Врангеля. Так оборвалась жизнь одного из великанов Русской Америки.

В последние годы жизни К. Т. Хлебников создал «Жизнеописание Баранова», в плюшаровском «Энциклопедическом лексиконе» часто появлялись его статьи и заметки об Америке и Камчатке. Он описал свою жизнь, жизнь простого русского человека, которому дано было видеть мир от киргиз-кайсацких степей, где он бывал в юности, до Перу, от маленького городка Кунгура до Бразилии... Умудренным в старости взором он окидывал свою жизнь. Хлебников вспоминал видения дальних стран. Он писал об аляскинских белоголовых орлах, о летучих рыбах тропических морей, о гватемальских крокодилах, лежавших подобно бревнам на дне реки. Хлебников вспоминал о баобабе в порту Прайс; на стволе дерева были вырезаны названия кораблей Кука и Лаперуза. Он побывал на Сандвичевых островах, о которых Шелехов лишь мечтал; Калифорния была для него родным домом.

«...Увидев Петербург и Кронштадт, я представляю себе великого их Зиждителя, при воззрении на Юный Свет

следую за Коломбом, в Перу вспоминаю Пизарро и Лас-Казаса, в Чили — Вальдивию, взглянув на Чимборазо, прославляю Гумбольдта, но с первым шагом в Сибирь приветствую Ермака, в Кадьяке — Шелехова и на северо-западных берегах Америки — Баранова...», — так писал Кирилл Хлебников.

Урал, Сибирь, Чукотка, Камчатка, Калифорния, Океания — в этих необъятных просторах пролегал путь Хлебникова. Если Шелехов дошел лишь до Аляски, люди Баранова достигли Калифорнии, то Хлебников с Большой Земли шагнул дальше всех своих современников.

«Соседи Камчатки — Америка, Курильские острова и Китай», — писал Пушкин в год своей смерти, работая над книгой Степана Крашенинникова, изучая камчатские народные предания и перечитывая записки Шелехова. Хлебников тянулся к Пушкину, великому поэту и русскому человеку, зачарованному сказаниями о дальних странах.

Еще 7 января 1837 года Кирилл Хлебников посылал Пушкину рукопись своего «Введения в историческое обозрение Российских владений в Америке...». Пушкин в это время жил подвигами Владимира Атласова — Камчатского Ермака», как он его называл, и читал о море Беринга, о вулканах Аляски, о Кенайском заливе, о сумрачных лесах Ново-Архангельска.

...Мне удалось отыскать архив Кирилла Хлебникова— подлинный клад для всех тех, кто изучает или еще будет изучать жизнь этого русского исследователя Нового Света.

VII

Креол Александр Кашеваров, поручик корпуса флотских штурманов, прославил свое имя беспримерным походом во льдах. Летом 1838 года он ступил на приполярные луга, раскинувшиеся вокруг мыса Лисбурн, на севере Нового Света. Спутник Кашеварова бывалый толмач Феофан Утуктат показал рукой на северо-восток; там лежал мыс Барроу. С Кашеваровым было двадцать самых смелых креолов и алеутов. Они достигли Барроу, который можно было узнать по обилию китовых ребер, нагроможденных вокруг эскимосских хижин. Александр Кашеваров пробился на восток от мыса на тридцать морских миль.

На обратном пути отряд Кашеварова едва не был перебит эскимосами. Они толпами сходились к мысу Барроу, потрясали копьями, угрожали стрелами. Так было когда-то и с отрядом Франклина близ устья реки Маккензи... Эскимосы заставили бриг «Полифем» укрыться в заливе Коцебу. Кашеварову пришлось итти сквозь льды на кожаных байдарах. Он вел опись побережья и в течение похода открыл заливы Купреянова и Прокофьева, мысы Степового и Врангеля. Так креол Кашеваров обошел на байдарах крайний северо-западный угол Аляски. Мир знает о трудах Франклина, но кто вспоминает подвиг Кашеварова?

Вспомним с благодарностью креола Малахова, имя которого через много лет услышал Джек Лондон во время своих скитаний по Аляске. Люди из железного племени русских креолов Дерябин и Глазунов, проводник Тумачугак, туземцы с низовьев Юкона сопровождали Малахова в его скитаниях. Они впервые достигли Нулато.

Река Нулато, приток Юкона, рождалась на водоразделе Юкона и Нортонова залива, слагаясь из быстрых горных потоков. От устья Нулато начиналось нижнее течение Юкона. Берег великой реки покрыт был здесь утесами, вдоль берега тянулись до самого Ттутаго горы, отделяющие юконское русло от Нортонова залива. Индейцы говорили о залежах медной руды в горах Иливит. Горы, озера, еловые леса уходили в безграничные просторы. На реке Нулато было много бобров; охотники знали, что там, где есть ивы, водятся и бобры. Березы белели на берегах Нулато, в лесах водились росомаха и соболь. Выдру здесь ловили вершами, сплетенными из еловых ветвей; почему-то этим занимались только шаманы или старики. На Нулато жили индейцы ттынайцы или иккилики, как называли их племена поморья. Они раскрашивали лица, носили пучки перьев в волосах, обертывали ноги кусками медвежьих шкур.

Скрипят деревья на берегу речного залива. Это неутомимые бобры, лесные дровосеки, точат стволы. Бобры хлопотливо собирают водяные кувшинки, тащат в зубах стебли белых лилий.

Недалеко от бобровых плотин на пригретом солнцем пригорке стучат топоры. Три доблестных креола строят

избу — первое русское поселение на Нулато — под 64°42′11″ северной широты, близ самой глубокой части всего русла Юкона. Скоро сюда придут и другие первопоселенцы бобровых земель — барановец Лука Пахомов, тунгус Григорий Никитин и калифорнийский креол Никифор Талижук. Все они побывали на Нулато в первые годы после его открытия. Дерябин остался зимовать на новом месте, он скупал бобров у охотников Нулато, осматривал леса и речки. Дерябин голодал, ел коренья и мясо пестрых дятлов. На него не раз нападали индейцы, но он был терпелив и упорен. Здесь происходили страшные события. Дерябин потом рассказывал Загоскину историю гибели старика Униллу. Он схоронил двух жен и трех сыновей. Униллу сжег свое жилище, все пристройки и погиб, задохнувшись в дыму. Униллу был отцом Волосатого, который участвовал в русских походах по Юкону. Это были свидетельства «жизни бедной и трудной», о которой писал года за два до этого А. Пушкин в своем проникновенном «Джоне Теннере»...

В те годы геолог, поэт и скиталец Генри Скулькрафт, женатый на внучке индейского вождя, уже записывал в вигвамах охотников сказание о Гайавате. Сколько древних преданий и песен слышали от индейцев русские охотники на Юконе! Но среди них не было Скулькрафта.

И опять краснолицые дюжие креолы идут по снегам Аляски, плывут по лососевым рекам. Они пьют казенный ром, едят бобровое мясо, крестят индейцев, делают чертежи. Их толстые походные тетради пестрят записями пройденных расстояний; они описывают бобровые плотины, делают глазомерную съемку.

П. Колмаков, сын Федора Колмакова, прошел по водоразделу Юкона и Кускоквима, достиг реки Тлегон. Его спутником был веселый креол Матросов, завораживавший индейцев игрой на балалайке, с которой он никогда не расставался... Им принадлежит честь открытия притока Юкона — реки Иннокà, прорезающей междуречье Кускоквим—Юкон. Иннокà в разных местах своего течения имела несколько названий, например Тлегон. Колмаков терпеливо распутывал этот клубок и положил реку на карту. В ущельях и падях в области Иннокà снег лежал до июля. На последнем «переносе» к Кускоквиму Колмаков и Матросов

брели по колени в снегу. Как они тащили свои байдары, на которых было около тысячи бобровых шкур?

Летом они слепли от сияния снегов. Они открыли новые горы, определили положение устьев нескольких рек. В лесах новой области скитались индейские охотники. Добычей их были выдры, бобры, лоси и олени, росомахи и рыси, дорогие лисицы.

Колмаков хотел тогда выйти на Юкон, но благородные охотники на оленей, люди из племени Тлегон — хотана, сказали креолу о том, что там произошло несчастье: русские истреблены немирными индейцами.

Друзья-индейцы помогли П. Колмакову пройти на берега Кускоквима. Через несколько лет русские люди, пришедшие по следу Колмакова и Матросова, разыскали их спасителей и в знак высшей признательности сняли с себя кресты и нательные рубахи, отдав их индейцам. Неутомимый Малахов открыл еще несколько переносов между реками Аляски. Все это происходило в 1838—1839 годах.

Одновременно чиновники Компании Гудсонова залива делали открытия на северо-востоке Америки. Компания Гудсонова залива имела тогда более сотни фортов на побережьях озер и рек Северной Америки. Ее флаг развевался по ту сторону Скалистых гор. Сто шестьдесят тысяч индейских охотников добывали для Компании шкуры дорогих зверей. Форт Йорк на Гудсоновом заливе, Монреаль, форт Ванкувера на Орегоне были местами, куда свозилась пушнина. В наше время найдены новые архивы, в которых содержатся малоизвестные сведения о взаимоотношениях Российско-Американской Компании и Компании Гудсонова залива как раз в те годы.

...В сентябре 1838 года в форту Ванкувер появился капитан Иоганн-Август Зутер. Он проехал вдоль всей цепи фортов Компании Гудсонова залива, побывал в ее главной колониальной конторе. Четыре года назад он бежал из Швейцарии, где был известен как капитан гвардии. Блэз Сандрар, хорошо описавший бурную и горестную жизнь Зутера, не знал архивов Российско-Американской Компании. Мне довелось найти сведения о Зутере в бумагах форта Росс и Ново-Архангельска, поступивших в свое время в Петербург. Они дополняют замечательное сказание о

Зутере. Блэз Сандрар восстановил всю историю жизни длинноволосого капитана швейцарской гвардии, наши архивы рассказывают о его связях с Российско-Американской Компанией.

Капитан Зутер расхаживает по Ново-Архангельску. Как раз в то время Компания Гудсонова залива арендовала у Российско-Американской Компании полосу земли, за что обязалась доставлять в Ново-Архангельск пшеницу, масло и мясо. Зутер прикинул все обстоятельства, учел нужду Аляски в хлебе. До Ново-Архангельска он успел побывать на Гавайских островах, где основал Тихоокеанскую Компанию. На ее флаге был изображен епископский посох и семь красных точек, — так рассказывает Блэз Сандрар.

После Ново-Архангельска капитан отправляется в Калифорнию. Александр Ротчев еще попрежнему живет в Россе, пишет стихи, переводит Байрона и закупает пшеницу в Сан-Франциско. Вокруг Росса ходят плечистые молодцы-бостонцы. Они ищут лучших в мире золотистых бобров Калифорнии и исподволь селятся в долинах Славянки и на земле Сакраменто. Отцы-монахи вкушают бобровое мясо, пьют белое вино. Их не удивляет даже епископский посох в гербе и на знамени капитана Зутера...

Иоганн Зутер посетил губернатора калифорнийского Альварадо и вышел от него с приказом о том, что капитану отдается в концессию сроком на десять лет земля на Американской реке близ ее впадения в Сакраменто. Если с этого места, встав лицом к северу, оглядеть расстилающиеся вокруг просторы, направо будут видны Каскадные горы, а налево — Береговые. За береговым кряжем стоял Росс... Почему-то капитан Зутер смотрел пристально на запад... Пахло душистыми травами, которыми так богата Калифорния. Золотом еще не пахло, хотя Зутер попирал его ногами...

Вскоре в бухте Сан-Франциско, в деревне Иерба-Буона селении Доброй Травы — появилось пятьдесят канаков с Гавайских островов. Это были первые рабочие Зутера. Потом длинноволосый капитан добыл где-то целый отряд матросов — беглецов с китобойных кораблей. Прошло еще немного времени и полтораста гавайцев, украшенных листьями тюльпанного дерева, оглашали своим певучим говором долину Сакраменто. Вслед за ними прибыли мормоны —

неуживчивые многоженцы. Зутер строил епископским жезлом пас сотни, если не тысячи людей, двенадцать тысяч баранов, четыре тысячи быков, полторы тысячи лошадей, тысячу двести коров.

Над землей вставали столбы дыма. Зутер приказал выжечь душистые травы: ему была нужна земля для посевов. Гавайская деревня выросла на берегу Сакраменто. Где брал средства нищий швейцарский беглец? Об этом никто не спрашивал. Шесть канакских деревень были под его властью. При устье Американской реки выросла крепость Новая Гельвеция, окруженная стеной с бастионами по углам, с десятью пушками у главных ворот. Два корабля стояли на реке; жерла их орудий охраняли подходы к Новой Гельвеции. Безвестный капитан завел собственную гвардию, наряженную в зеленые кафтаны.

Дон Альварадо, губернатор Калифорнии, видел в Зутере защитника северных рубежей страны. Канаки и мормоны, ирландцы и немцы Зутера садили в Калифорнии пальмы, бананы и хлопок. В лощинах прижились груша и олива, в долинах золотились нивы. Бургундский и рейнский виноград зрел на солнце Калифорнии. Зутер разводил багровую гвоздику и перуанский гелиотроп в усадьбе Плум. Оттуда он отдавал свои приказы. Он построил первую мельницу, завел лесопильные заводы. Переселенцы толпами шли в страну Зутера. От Миссури до Сан-Франциско тогда еще не было разведанных путей, и предводитель новоселов Джон Бидвелл, отправляясь в поход, знал только лишь то, что Калифорния лежит где-то на западе.

Зутер крепко держал в руках свой скипетр — черный епископский посох. Не зеленая ли гвардия Зутера помогала губернатору подавлять восстания доминиканца Габриеля и капитана Грэхама? Не солдаты ли Зутера расстреливали мятежников и гнали пленников в тюрьму Монтерея?

Симпсон, директор Компании Гудсонова залива, посетил тогда Калифорнию. Говорят, что именно он проговорился прекрасной Консепсии о смерти Резанова и безутешная красавица, услышав запоздалую весть, удалилась в монастырь. К тому времени Консепсия и ее отец дон Аргуэлло были увековечены калифорнийцами; мореходы видели на картах берега мысы, названные в честь несчастной

Компании и старого дона. Из Калифорнии Симпсон заехал в Ново-Архангельск, где он посетил горячие ключи и осмотрел окрестности города. Он застал в порту тринадцать русских кораблей. В индейских проливах уже ходил первый паровой корабль «Николай», на многих кораблях и в порту работали матросы-индейцы. Симпсон видел магнитную обсерваторию на острове Японском, близ Ново-Архангельска.

В Ново-Архангельске открыли общественный клуб, где собирались жители города и приезжие гости. Топографы чертили новые карты, а креол Терентьев в 1842 году издал в Ново-Архангельске свой атлас Аляски. Симпсон видел прекрасных русских креолок Ситхи, о которых писал Лаврентий Загоскин: «Все они ловко вальсируют, грациозно пляшут французские кадрили, все прекрасно вяжут шарфы, косыночки, все читают «Мертвые души» Гоголя...»

Любопытны и неповторимы черты быта Ново-Архангельска сороковых годов. Главный индейский тойон, владыка страны серебристых елей, приносит в Ситхе присягу на верность русским. Ему вручают привезенные из Петербурга треугольную шляпу с белым султаном, обшитую золотой каймой, и одеяние из парчи и желтого атласа. У подножья бастионов часто устраиваются знаменитые ситхинские празднества для индейцев — «игрушки», на которые съезжаются самые знатные и храбрые воины — от Кенаев до Стахина. С северо-запада Большой Земли шли вести о новых походах в глубь страны. «Одиночка» на Кускоквиме была превращена в редут, а Колмаков исследовал бобровые места на сто верст вокруг редута.

Малахов увидел издали туманные громады восточных гор на Юконе. Другой приказчик зимовал на Нулато у начала Среднего переноса к приморью. Он парился в новой русской бане, добывал бобров. В то самое время приказчики Компании Гудсонова залива впервые ступили на землю Аляски. Это был маленький отряд Комбела; он дошел до устья реки, которую назвал Пелли. Но это было по ту сторону горы Врангеля, открытой Андреем Климовским. Дальше итти английские приказчики отказались, потому что индейцы напугали их людоедами юконских низовьев. Однако Малахова никто не съел, наоборот, индейцы кормили его, когда он бедствовал...

Александр Ротчев приехал в Ново-Архангельск из Росса и Сан-Франциско... У него был подавленный вид. Состояние Ротчева может объяснить такой документ:

«...Главный Правитель Российских колоний в Америке капитан 1 ранга Этолин доводит до сведения Главного Правления Российско-Американской Компании, что на основании высочайшего повеления от 15 апреля 1839 года селение Росс на берегах Нового Альбиона и бывшая там компанейская контора окончательно упразднены в январе месяце 1842 года, а состоявшие в том селении компанейские здания, рогатый скот проданы по контракту, засвидетельствованному местным мексиканским правительством, поселившемуся там гражданину Соединенных Штатов Сетчеру...»

Из других бумаг наших архивов видно, что Зутер обязался заплатить за форт Росс наличными деньгами и товарами, но не сразу, а в рассрочку, в течение четырех лет. Иоганн Зутер, не моргнув глазом, подписал договор, в котором было сказано, что его Новая Гельвеция идет в заклад для обеспечения платежа. Он пришел со своими мормонами, канаками и «зелеными солдатами» и занял Росс. На холме, где высились русские крепостные стены, хотел он устроить питомник для племенных быков. Ему, конечно, пригодились и мельница и кирпичный и кожевенный заводы. Наши документы говорят, что пушки Росса были вывезены в Ново-Архангельск. Но что сталось с поселенцами Росса? Все ли они уехали в Ново-Архангельск? Этого никто хорошо не знает до сих пор. Блэз Сандрар пишет, что Зутер в тот же год начал торговлю с Ново-Архангельском. Это не совсем верно, так как покупатель Росса обязан был часть платежей вносить пшеницей и другими припасами. Он не продавал, а платил, но рассчитывался он не совсем исправно.

Вскоре в Калифорнии разыгрался очередной мятеж. Из Санта-Фе прибыл отряд американцев. Он пытался подчинить себе всю страну. Губернатор Альварадо забил тревогу. В Мексике почему-то не оказалось войска. В Калифорнию были посланы галеры с каторжниками, они должны были подавить мятеж. После этого в Калифорнию прибыл новый губернатор генерал Мануэль-Микель То-

рена. Зутер быстро сумел очаровать нового правителя. Они вдвоем разгуливали по желтым дорожкам зутеровской усадьбы, мимо клумб с багровыми гвоздиками и перуанскими цветами.

...В Ново-Архангельске Л. А. Загоскин появился в 1839 году. Он принял команду над бригом «Охотск», плававшим под флагом Российско-Американской Компании. После этого мы видим лейтенанта Загоскина в Калифорнии; он бывал в Сан-Франциско и в Россе. Наступил 1842 год, Загоскин закончил сборы в свою знаменитую экспедицию. 15 августа бриг «Охотск» доставил Загоскина в Михайловский редут. Он поднялся на черный базальтовый мыс и оттуда увидел рукава Юкона (Квихпака) и просторы материковой Аляски. Готовясь к далекому походу, Загоскин не забывал исследований в окрестностях Михайловского редута. Он собирал материалы по истории этой русской крепости. Редут был ключом к Юкону и аляскинскому поморью. Упорный исследователь произвел опись части Нортонова залива, искал янтарь и каменный уголь в устьях Юкона. Он сблизился с эскимосским приморским племенем «каиг-юлит», собирая словарь его наречия, записывая народные предания. Именно здесь, в полуподземных жилищах людей юконского поморья, Лаврентий Загоскин открыл существование торжественного обычая поминовения мертвых. Этот обычай — «потлач» — не был до Загоскина описан ни одним из европейских ученых. Более поздние этнографы очень высоко оценивали это открытие Загоскина. О потлаче впоследствии писал Джек Лондон.

В декабре 1842 года смелый путешественник вышел из ворот бревенчатой крепости и направился к обледенелым берегам Юкона.

Ближайшей целью первых его странствий была русская «Нулатовская артель» близ устья реки Нулато.

Загоскин с трудом пробивался через глубокие снега. Люди, сопровождавшие его в пути, назывались «топтальщиками». Они шли впереди главного отряда, прогаптывая глубокий снег. Только после этого собачьи упряжки могли продвигаться вперед. И так — шаг за шагом...

Лаврентий Загоскин проник в самое сердце Аляски. Из Нулато он прошел на реку Юнна-ка (Куюкак), в верховьях которой жили охотничьи индейские племена. Весна и ле-

то 1843 года прошли в странствованиях на байдаре вверх по течению Юкона. Калифорнийский креол Никифор Талижук сопровождал упорного ученого.

Радостны были часы открытий. Загоскин узнал, что Юкон вполне доступен для судоходства на участке длиной в двести двадцать миль, между Нулато и Икогмютом. Он осмотрел сумрачный горный хребет, отделяющий долину Юкона от побережья Нортонова залива, открыл высокие вершины Танатулит на правом берегу реки Кускоквим. Ему удалось осенью 1843 года подняться вверх по Кускоквиму до Колмаковского редута. Там Загоскин собирал свои коллекции, а пытливый индейский мальчик Касяк приносил русскому ученому шкурки птиц, растения и камни. Знаменитый русский креол С. Лукин, о котором мы не раз упоминаем в этой книге, провел Загоскина в малодоступную область верховьев реки Кускоквим. В пути Загоскин встречал индейцев-гольцан. Они не раз приветствовали его торжественными ружейными салютами; некоторые из туземцев были вооружены старинными тульскими карабинами...

Эскимосы и индейцы совершенно бескорыстно помогали русскому лейтенанту в исследовании тундры, лесных дебрей затопленных пространств между реками Аляски.

Юкон был пройден этим отважным человеком на протяжении шестисот морских миль. На этом участке он определил астрономически положение шестнадцати разных пунктов.

Может быть, время пощадило огромные лиственничные кресты — «голубцы»? Их расставил Загоскин на прибрежных холмах, на речных волоках. Раскалив на огне ружейный шомпол, Загоскин выжигал на огромном кресте-маяке свое имя, широту и долготу местности...

Он исследовал русла главных притоков Юкона — Юнака и Иттеге — на сто миль от каждого устья. Загоскин прошел по реке Кускоквим вверх по течению двести пятьдесят миль. За время своего похода по Аляске он определил астрономически сорок разных пунктов и положил на карту пройденные им огромные пространства. Им были собраны образчики пятидесяти видов геологических пород. Загоскин открыл кости ископаемых животных, собрал коллекции птиц, насекомых, растений Аляски. Все открытия Загоскина невозможно перечислить. Благородное сердце рус-

ского человека билось в его широкой груди, пытливый и быстрый ум помогал ему постигать тайны индейской страны. Он дружил с краснокожими воинами в плащах из лосиных шкур; верный индеец Вторник в русской кумачной рубахе сопутствовал Загоскину во время его скитаний по селениям тлинкитов, где возле бревенчатых хижин стояли резные столбы с изображением Великого Ворона. Русский человек более полутора лет скитался среди первобытных племен Северной Америки, и дикари и пальцем не тронули его. Так были сильны обаяние русской души, сила отваги и готовность к самопожертвованию во имя науки...

Заслуги Загоскина неизмеримы. Он был этнографом, геологом, ботаником, гидрографом, геологом. Аляска обретена для мира именно им, Лаврентием Загоскиным, героем Нового Света, отважным воином и открывателем. Далеко не полностью удалось проследить всю его замечательную жизнь — от службы в русском военно-морском флоте до скитаний в темных лесах Аляски, от возвращения его на родину до мудрой старости среди корабельных лесов Рязанской губернии, где гений дальних странствий водил его твердым пером...

Одновременно с Загоскиным ученый Илья Вознесенский, зоолог из Петербурга, начал свой огромный десятилетний труд изучения природы и людей Аляски и Алеутских островов. Но его сочинения канули в бездны архивов, где лежат, как бесценный клад, до нашего времени.

Два отряда выходят из ворот Николаевского и Константиновского редутов. Им приказано найти устье реки Тишлина и исследовать реку Сушитну, что берет начало из Плавёжного озера.

Два года скитались эти упорные люди. Они достигли Плавёжного озера, где жили индейцы-колчане, считавшиеся людоедами. В бассейне реки Медная было решено построить русский редут при устье реки Тишлина.

Престарелый начальник острова Св. Павла (Прибыловы острова) креол Шаячников в 1844 году привел в порядок данные своих многолетних метеорологических наблюдений в Беринговом море. Они послужили русской науке. С. Лукин ходил на байдаре к верховьям Кускоквима. Старик Колмаков торговал с индейцами Юкона, снабжая

их тульскими ружьями и фуражками из синего сукна с красным околышем, которые почему-то особенно ценились воинами ттынайцами. Индейцы принимали русские имена; гнали какую-то водку, которую простодушно называли квасом, пели русские песни, охотно селились возле палисадов Ново-Архангельска и стен материковых редутов. Индейцы постепенно отвыкали от диких обычаев — убийства пленных и рабов в честь празднеств, торговли рабами, которых раньше выменивали на плащи и раковины у племен Южной Аляски. Все чаще можно было видеть индейского тойона, одетого в черный сюртук. Алеуты-зверобои островов Прибылова оказались превосходными игроками в шахматы; этой игре они научились у русских. Многие европейцы могли позавидовать чистоте и убранству алеутских жилищ.

В конце 1845 года за Зутером еще числилось тридцать тысяч пиастров долга.

Капитан 2 ранга Дионисий Заремба, приплыв в Калифорнию из Ситхи, вежливо, но настойчиво напомнил Зутеру о долге. Длинноволосый капитан клялся всеми пушками своей Новой Гельвеции, что его хозяйственные дела в полном порядке и что он отдаст долг. Дионисий Заремба донес, что опасаться следует другого, а именно того, что у Зутера очень плохие отношения с мексиканским правительством, так как оно не может простить Зутеру его связей с новыми переселенцами — бостонцами. Переселенцы были враждебно настроены к мексиканцам. Заремба удалось уговорить мексиканского префекта Мануэля Кастро, чтобы он выдал поручительство за Зутера и обеспечил уплату долга, если Зутер своевременно его не отдаст. В то же время Заремба, предвидя возможность больших перемен, упросил вице-консула США в Монтерее, богатого купца Лейдендорфа, быть посредником при взыскании долга с Зутера...

Казалось, все шло попрежнему. Мормонские жены в ожерельях из старинных серебряных монет пряли тонкорунную шерсть в хижинах над быстрой рекой Сакраменто. Зутер охотился на черных гусей или поливал свою гвоздику. Неудачник кабаллеро Валлехо все строил и строил город своего имени близ залива Сан-Пабло и начинал

возводить город-порт Бенисию чуть восточнее Валлехо. Мариано Валлехо тогда в своем богатстве мог еще состязаться с Зутером; у старого кабалеро были огромные имения в солнечных долинах. Мариано Валлехо тоже тяготел к авантюрам. Но скиталец по горам и пустыням инженер-лейтенант САСШ Джон Чарльз Фримонт тогда не мог знать, что он станет богаче и Зутера и Валлехо...

Судьба Калифорнии была решена в июне 1846 года, когда отряды поселенцев подняли над страной знамя республики Звезды и Медведя. Говорят, что в этих отрядах были и русские. Знамя Звезды и Медведя до наших дней сберегается в музее города Сакраменто.

Через месяц командор Слот с фрегата «Саванна» салютовал звездному флагу Соединенных Штатов, поднятому над крепостью таможни Монтерей. Солдаты Америки разыскивали в Монтерее префекта Кастро, но, как оказалось, он еще в июне скрылся в Мексику, узнав о приближении повстанцев со знаменем Звезды и Медведя. Монтерейские испанцы попрятались в лесах. Пехота полковника Кэрни шагала по калифорнийским долинам.

В августе Ново-Архангельск снова напомнил Иоганну Зутеру о долге за форт Росс. Лейтенант флота Рудаков виделся с командором Стакгоном и командиром фрегата Саяно-Мерином, представлявшими новую власть в Калифорнии. Они заявили, что правительство Соединенных Штатов «употребит все меры к удержанию Калифорнии за собой», — так говорит архивный документ.

Когда же Рудаков стал рассказывать о том, что Зутер тянет с уплатой долга, американцы показали ему объявление нового правительства. В нем говорилось, что «...суда, торговые дома и компании разных наций, имевшие до того времени с прежде бывшим мексиканским правительством и частными лицами, останутся в прежних отношениях и в случае надобности будут покровительствуемы законами нового правительства...»

Рудаков доложил в Ново-Архангельске, что американцы в Калифорнии обещали ему содействие в получении долга с Зутера и просили лишь подождать, пока будет установлен новый порядок в завоеванной стране.

Но Зутер не ждал... Он понемногу начал распродавать имущество Новой Гельвеции, которую он ранее отдал в

заклад. Тогда поверенный Российско-Американской Компании в порядке закона наложил запрет на Новую Гельвецию.

«Других мер при настоящем положении до учреждения в Калифорнии надлежащих присутственных мест по уведомлению капитана Мервина принято быть не может», — пишет канцелярист Российско-Американской Компании в деле «Об ограждении Российско-Американской Компании в Новой Калифорнии по упразднении там селения ее Росс».

Американцы в Калифорнии предъявили спрос на аляскинский лес. «Пильная мельница» при Северном редуте в Ново-Архангельске была заменена лесопильным заводом на реке Медвежьей. Аляскинская доска снова нашла сбыт на Гавайских островах. Оттуда в Ново-Архангельск были доставлены патока, кофе, сахар и соль. Соль русские добывали близ Гонолулу, с поверхности высохшего озера в кратере старого вулкана.

Иоганн Зутер тоже хотел торговать лесом — красной сосной, кедром и древесиной желтого дерева, поэтому он отправил дюжего высокого мормона с бритым лицом, плотника Джемса Маршалла на постройку лесопилки. Щеголь Маршалл носил белые штаны, сапоги из замши и широкополую шляпу. Место, где строилась мельница, называлось Колома. (В 1927 году старая калифорнийка Екатерина Решетникова упорно звала Колому Коломной, уверяя, что именно это название в Северной Калифорнии употреблялось давно наравне с названиями Русская река, Русская церковь, Москва, Севастополь.) Колома находилась в сорока пяти милях от форта Росс. Блэз Сандрар свидетельствует, что в горах Коломы плотник Маршалл тогда был не один. На постройку были посланы механики Беннет и Виммер собирать машину для мельницы.

Эгон Эрвин Кинш, «неистовый репортер», в 1929 году стоял у развалин Коломы. Он пишет, что видел «пустые ободранные дощатые фасады домов без крыш, полуразрушенных, опустелых». Посетил он и бывший форт Саттера, как он называет Зутера; в наше время там находились золотые прииски английской компании.

Эгон Эрвин Кинш написал «Балладу о форте Саттера» — поэтический очерк, строки-повторы которого все

время упоминают о дожде, который лил в тот день, когда высокий мормон верхом на коне примчался к глиняному дому блокгауза «Саттер-форта». Вода стекала с огромной шляпы Маршалла. Лил дождь от Коломы до Новой Гельвеции. Современники говорят, что открытие свое Маршалл сделал 24 января 1848 года.

Он был похож на помешанного. [illegible] из Нью-Джерси. Весь мокрый от дождя, с волосами, слипшимися на лбу, он показывал Зутеру зерна желтого золота. Мормон нашел их в канаве, которую готовили для сливания воды... Это был первый человек, которого трясла золотая лихорадка Калифорнии! Есть разные свидетельства о том, как поступил Зутер. Говорят, что он отобрал у Маршалла золото, чтобы потом сделать из него перстень с изображением феникса, который он носил вплоть до дня своей смерти. Пишут также, что Зутер послал мормонское золото в Вашингтон для исследования и сообщил о находке правительству Соединенных Штатов.

Блэз Сандрар говорит, что Маршалл той же дождливой ночью помчался обратно в горы Коломы, а утром туда прискакал Зутер с солдатами и ковбоями и лично осмотрел место находки. Он приказал рабочим Коломы хранить тайну и вернулся домой. Но через несколько дней в Колому приехал какой-то белый с мальчиком-индейцем. Этот белый увидел, как дети рабочего Виммера играли кусочками золота, и взял золото у ребят. Вернувшись в Новую Гельвецию, он пошел к знаменитому кабатчику Слиту (Слитеру) и потребовал у него водки в обмен на золото. Той же ночью будущий король золотых приисков украл у Зутера коней и помчался в Коломы, чтобы трясущимися руками шарить в отводной канаве. Вслед за кабатчиком в Коломы ринулись зутеровские рабочие. Всесильный владелец Новой Гельвеции, лишь недавно выпустивший монету со своим именем, человек, купивший русскую крепость и залив Румянцева, остался в Новой Гельвеции почти один; с ним были лишь механик да восемь инвалидов, которые не могли со своими костылями и деревяшками бежать в золотые горы. Рабочие кожевенного завода, индейцы, канаки и мормоны со всеми своими женами, китобои, ирландцы и «зеленая гвардия» — все это бежало в Коломы. На нивах осыпалось зерно, ревели быки, которых

никому было кормить. Свидетели рассказывают, что старатели хватали лошадей из стад Зутера, кололи быков на мясо, выламывали мельничные жернова, разбивали строения. Уже через три недели после дождливого дня 24 января несколько бывших рабочих Зутера скакали к заливу Сан-Франциско с седельными сумками, набитыми доверху золотом.

Во вторник 15 марта 1848 года газета «Californian» напечатала маленькую заметку об открытии золота в Коломе. Разве теперь было возможно удержать запрет на имущество Новой Гельвеции, наложенный в обеспечение долга за форт Росс!

Деревянные бараки вырастали вокруг Коломы, рядом с будущим городом был основан Пизарвилль — Город Повешенных, где на желтых соснах качались тела казненных судом Линча. В глубине бухты Сан-Франциско, неподалеку от старой Президии, где жила прекрасная Консепсия, шумел новый город. Скоро он получил свой герб — изображение феникса. И нет уже Новой Гельвеции. Вокруг нее строят дома, бараки, лавки. Город получил название Сакраменто, в честь быстрой реки. Один из первых граждан Сакраменто, кабатчик Слит (Слитер) конокрад и старатель, владел отныне душами искателей золота. Он продавал стаканчик виски за щепотку золота; чашка кофе стоила четыре щепотки.

В кабаке Питера Слитера стоял высокий стул, на нем сидел человек с двумя револьверами, «наблюдая за тем, честно ли ведется игра в фараон, покер, монте, двадцать одно, рулетку и ландскнехт. Если кто-нибудь начинал мошенничать, два [illegible] хватали его, и после этого им оставалось лишь вынести труп и похоронить его на кладбище форта Саттера», — так пишет Эгон Эрвин Киш, [illegible] о [illegible] дожде... Шумел дождь, [illegible] дождь, ибо [illegible] горячили кровь рудокопов. Водка Питера Слитера [illegible] им в головы, пистолеты разряжались сами собой.

Тимоти Брукс, [illegible], написавший очерки о Калифорнии 1848 года, в последних [illegible] поиехал в Сан-Франциско. Там уже [illegible]. [illegible] о золоте. [illegible] новых домов были заперты на за-

мок. Плотники и каменщики бежали в Колому по извилистой горной дороге. Через несколько дней там появились солдаты из Монтерея. Они с сосредоточенным видом склонялись над своими «колыбелями» — деревянными приборами для промывки золота. В эти колыбели лилось богатство Калифорнии.

Зутер еще держался в своей крепости. Его не покидал лишь верный кузнец Жан Марие. Бродяги, изрыгавшие проклятия на всех языках, ходили по Сакраменто, спали в земляном рву, окружавшем крепость Зутера, разбивали свои палатки в абрикосовых садах. Двадцать четыре пушки Новой Гельвеции стояли без призора на крепостном валу. В июне у Зутера еще можно было нанять лошадей. Брукс видел мормонские рудники, где бритые молодцы вместе со своими женами и слугами качали золотые «колыбели». Около Коломы видели героя 1848 года — плотника Маршалла. Золотоносная пыль покрывала его замшевые сапоги. Он держался барином и развлекался охотой в то время, когда пятьдесят индейцев, нанятых за водку, промывали для него золото в корзинах, сплетенных из древесных корней. Сто индейцев добывали золотой песок для Иоганна Зутера. Где-то видели генерального прокурора короля Гавайского; высокий сановник, засучив штаны, с необыкновенным рвением, по колено в воде добывал золотоносную породу. Первый американский наместник в Монтерее коммодор Ричард Массон с приближенными выехал для осмотра россыпей. Сан-Франциско он нашел покинутым. Полотняные шатры были раскинуты на расстоянии пяти миль вокруг Новой Гельвеции. Золото промывали в «колыбелях», кастрюлях, кружках. Рядом с гавайским прокурором трудились сотрудники калифорнийской газеты, креол из залива Румянцева, матрос, испанский кабаллеро, беглый драгун из отрядов Фримонта.

Быки с глазами, налитыми кровью, дохли на холме форта Росс. Брошенные кони носились по долине Славянки. В Новой Гельвеции мертвецов уже не хоронили; волки растаскивали бренные тела. Гавайский ром и виски рекой лились в притоне Питера Слита (Слитера). Город Монтерей опустел. Доктор Тирвейт Брукс успел образовать «Компанию Брукса» и намыть двадцать семь фун-

тов золота, которое он сдал на хранение Зутеру. Очевидец писал в журнале «Полинезиец» (Гонолулу), что когда он ехал по золотой стране, он видел, что на привале можно было намыть кружкой четыре зерна золота за то время, пока закипала вода в чайнике, поставленном на костер. Старатели зарабатывали по двести и больше долларов в день. Сколько золота они оставили у Питера Слитера? Он, а не Зутер был тогда подлинным владыкой Сакраменто. Китобои бросали корабли у Золотых Ворот, толпы скитальцев шли с востока, гибли в снегах Сиерра-Невады, разбойники вроде Андераса Армико охотились за разевавшимися старателями. Появились особые повозки для доставки золота. Десять тысяч переселенцев двинулись на Запад из Нью-Йорка и Бостона. Шестьдесят пять «золотых» компаний было учреждено только в одном Нью-Йорке. 11 декабря 1848 года у побережья Калифорнии появилось сто кораблей. Именно тогда капитан Иоганн Зутер стал почитывать Апокалипсис...

«Но между известиями, волнующими мир, есть одно, которое необходимо должно было привлечь особенное мое внимание... дело идет о стране, бывшей некогда предметом и целью моей самой напряженной деятельности; я говорю о том, что свершается ныне в Калифорнии», — так пишет И. Пущину из Читы неутомимый Д. Завалишин. Он был упрям, этот «Читинский адмирал», как звали его тогда в Сибири. В своем доме в Чите Завалишин ухитрился устроиться, как в Сан-Франциско или в Монтерее; в комнатах в кадках росли лимонные деревья, лавры и кипарисы и цвели розы. Здесь он составлял записки о Тихом океане, о поисках устья Амура, изучал рудный промысел. Так «из глубины сибирских руд» раздался голос Завалишина. Золотой ветер Калифорнии, долетев до Читы, пробудил в морском страннике старые воспоминания. В 1849 году русские журналы писали о Калифорнии. Быстро были переведены записки Тирвейта Брукса, печатались очерки А. Маркова «Русские на Восточном океане»; в них были описаны Калифорния и Росс.

Ново-Архангельск не простил Зутеру долга за форт Росс. Несмотря на войну и золотую горячку в Калифорнии, Российско-Американская Компания не теряла на-

дежды получить свои законные пиастры с Зутера. Ему настойчиво напоминали о долге, не раз ездили за деньгами в Калифорнию. В золотые 1848 и 1849 годы Российско-Американская Компания торговала с Сан-Франциско, Монтереем и новыми поселениями.

В 1849 году Иоганн Зутер навсегда удалился из Новой Гельвеции в свою усадьбу «Эрмитаж». Ему сопутствовали только кузнец Жан Марше и падре Габриель. Отец Габриель с большим трудом уговорил сотню канаков покинуть форт, где они пропивали у Слитера добытое золото, и увел их в «Эрмитаж». Там хотел укрепиться Зутер. Он устроил фермы для своих двух сыновей, ибо семья швейцарского капитана уже выехала к нему из Базеля.

«...на набережных Сан-Франциско наблюдалась непрерывная высадка американцев с юга, камчадалов, крестьян из Сибири... Партии негров, русских и желтолицых занимали поочереди форт Зутер», — пишет Блэз Сандрар.

Кто не читал об этих «людях 49 года» — головорезах в рубахах из красной фланели, о «десперадо»— отчаянных молодцах в штанах из цветного бархата, об азартных игроках в высоких цилиндрах? Здесь, возможно в кабаке Пиера Слитера, подвизалась Лола Монтец, возлюбленная слабоумного короля Людвига Базарского, изгнанная из Германии. За свои пляски она получала чистым золотом. Зутеровские мормоны ссыпали золото в свои неуклюжие телеги и ехали к Большому Соленому озеру, где ставили палатки, чтобы вскоре возвести огромные храмы и вымостить мрамором улицы нового города. Кони Дикого Янки, города Портвейн и Вулкан, сотни приисковательских станов вырастали на золотой земле.

В 1849 году Николай I приказал объявить Российско-Американской Компании, что «...полезно было бы оной заняться по примеру других частных лиц добыванием золота в Калифорнии». Но Компания окончательно заканчивала свои дела в Сан-Франциско. Стоит вспомнить, что у нее в Калифорнии были свои дома. Один из них, в котором, очевидно, жил А. Ротчев в то время, когда он был комиссионером Компании, стоял в старом Сан-Франциско. Он был продан вместе с землей. Тогда же капитан Зутер

выложил на стол семь тысяч пиастров в счет долга за Росс.

Новое правительство и американские деятели Калифорнии участливо отнеслись к истории продажи Росса и долга Зутера. Еще в первом «золотом» году инженер-полковник Фримонт и другие деятели заявили, что правительство США, может быть, еще само приобретет форт Росс у русских. Русский посол в Вашингтоне Бодиско в беседе со статс-секретарем Бьюкененом... «вскользь указал на крайность, до которой может быть доведена Российско-Американская Компания, чтобы спасти свой капитал, — возвратиться в Росс и возобновить там свои сельскохозяйственные и торговые операции». Я прибавил смеясь: вы когда-то немного завидовали этой маленькой колонии, и вот является случай заплатить тридцать тысяч долларов, чтобы лишить Компанию всякого повода для возвращения... «Конечно, — ответил мне г-н Бьюкенен тем же тоном, — но начнем с получения объяснений, и после этого мы можем решить, на каких условиях мы можем договориться», — писал Бодиско в 1848 году.

В золотой неразберихе начала пятидесятых годов все расчеты с Зутером окончательно запутались. Есть архивные сведения, что он вносил еще какую-то сумму в счет долга агенту Российско-Американской Компании в Сан-Франциско, но агент этот скрылся вместе с деньгами.

Кровавый отблеск светится на широком перстне с изображением феникса. Пламя шумит, поглощая стены, кровли, изгороди сада, где лишь вчера цвели багровые гвоздики и перуанский гелиотроп. Иоганн Зутер смотрит на гибель своей усадьбы. Двенадцать тысяч человек, несметная толпа пионеров золотых долин ворвалась в последнее убежище швейцарца. Толпа кричит, звуки взрывов сотрясают воздух, вверх летят обломки дерева, куски камня и железа. На абрикосовых деревьях висят тела канаков из зутеровской «гвардии»; в одном из белых висельников можно узнать верного Жана Марше. Вот чем ответили отчаянные «десперадо» на домогательства Зутера. Не так давно он начал свое удивительное судебное дело. Вот здесь он сидел у окна, смотрел на розы и магнолии и писал, писал... Он заставил сына своего Эмиля

изучить право в университете, чтобы при помощи полного знания законов возвратить утраченное.

«Множество новых поселенцев поселилось на моих плантациях и предъявляют на них права, тогда как я возделал весь край и скупил у уезжающих русских лучшие фермы», — писал Иоганн Зутер.

Чего он требовал? Он хотел, чтобы было признано его право на земли, занятые Сакраменто, Сан-Франциско, Монтерея Фэрфильд и другими городами. Он ценил эти земли в двести миллионов долларов и хотел судиться с восемнадцатью тысячами юридических лиц, которые жили в его долинах. Он предъявлял им счет: пусть они платят еще двадцать пять миллионов за право на возведение в его стране мостов и мельниц, за устройство каналов и шлюзов. Вот чем ответила толпа на требования Зутера. Он потерял сыновей: Артур был убит при защите своего хутора Гренах. Эмиль покончил с собой, чуть позже и Виктор погиб на корабле «Золотые Ворота»

С этих дней начинается скитальческая жизнь глухого, поседевшего генерала Зутера, как почему-то стали называть капитана швейцарской гвардии. Он уподобился городскому сумасшедшему Сан-Франциско — знаменитому «Нортону I, императору Соединенных Штатов, протектору Мексики и Сандвичевых островов». Но Нортона I хоть слушали, когда он подписывал указы о постройке моста через залив Сан-Франциско, а генерала Зутера никто и выслушать не хотел, когда он годами обивал мраморные пороги Конгресса.

В Сан-Франциско и в Вашингтоне часто видели длинноволосого старика. Его карманы распухали от прошений, списков ответчиков, записей его речей на будущем суде. Он не расставался с библией, ибо Апокалипсис, его странные знамения, стали второй жизнью генерала Зутера. Года за два до своей смерти Зутер увидел на улице, как дюжие санитары вязали в убежище для безумных высокого, сильного старика. Это был мормон Маршалл... Калифорнийцы поставили ему памятник на том месте, где дюжий плотник нашел первые золотые зерна Калифорнии.

Генерал Зутер умер в 3 часа пополудни 17 июля 1880 года возле лестницы Капитолия в Вашингтоне, не-

далеко от статуй Истории и Гения Америки. Умер он в один год с Нортоном I.

Именно в том году Лютер Бербанк начал свои опыты с растениями в Санта-Роза и Севастополе, что на реке Русской, бывшей Славянке.

На дороге между Сан-Франциско и Севастополем, близ Санта-Роза в наше время можно увидеть указатель, стрела которого имеет надпись: «Форт Росс». Она обращена на запад. Один из русских побывал там в 1929 году. Он пишет: «Я добрался до Русской реки. Вниз по течению до Великого океана. Отсюда по берегу на север, через бездорожье: крутые горы, опасные спуски и повороты, прогнившие мостики над пропастями, глубокие рвы. Двенадцать миль от реки... и черными крыльями, точно вороными, распахнувшимися по малиновому закату, над пенящимися волнами, на крутой скале вырисовался крест... Помимо хорошо сохранившейся церковки, пара развалившихся избушек... обгрызанные бревна когда-то высокого частокола с полукруглыми башенками. Ни души, тихо. Лишь вдалеке маяками несколько светящихся окон да шум прибоя. Двери церковки на висячем замке; прибитая дощечка говорит о приобретении форта от фермера в 1927 году Историческим обществом...»

Вот и всё об истории форта Росс. Сколько старых видений встает перед глазами! Иван Кусков поднимает русский флаг на морском утесе, байдара звероловов качается на синих волнах залива Сан-Франциско, Завалишин в своей треуголке стоит на башне Росса, капитан Зутер принимает во владение русскую крепость у океана и, наконец, волшебник Бербанк выхаживает свои синие розы на берегу Славянки. И если раскрыть книги Джека Лондона, на их страницах можно найти название Русской реки, залива Бодего, ибо Лондон жил одно время в Лунной долине, у трех холмов, среди пихт и красных сосен, между реками Сакраменто и Славянкой...

VIII

Сечерные киты в те годы были приманкой для мореплавателей. Можно даже сказать, что вслед за золотой лихорадкой в Калифорнии началась некая «китовая горячка» в Беринговом и Охотском морях.

Китобой Ройс на корабле «Сюпериор» был в отношении китового промысла тем, чем был мормон Маршалл для золотой Калифорнии. Ройс в 1848 году прошел Беринговым проливом на север и в короткий срок набил доверху трюмы корабля китовым жиром. С этого и началось... Ройс всюду рассказывал об огромном скоплении китов, и серых и гренландских, в русских полярных водах. Рассказам его слушали у Золотых Ворот Калифорнии, в других портах Тихого океана.

У берегов Нового Света один за другим, а иногда и целой вереницей появляются китобойные корабли. Все они идут к северу, рыщут в полярных водах, выслеживая и перехватывая стада гренландских китов. Гремят пушки, свистят тяжелые гарпуны. Китобои, с ног до головы вымазанные кровью и жиром своих жертв, разделывают туши китов. Французы, англичане, американцы, полномочные китобои — баски, канаки, испанцы, кого только не было в числе новых аргонавтов!

Капитан Ройс привел за собой сто пятьдесят четыре китобойных корабля. В течение лишь лета 1849 года они добыли 20 850 бочек жира и 2 481 600 фунтов китового уса. В одном Охотском море в тот год побывало двести пятьдесят китоловных судов. На воде покачивались туши большеголовых китов, подтянутые тросами к бортам кораблей; матросы разделывали туши топорами и длинными ножами.

Китобои бесчинствовали в чужих водах. Они вырубали лес на берегах Аляски, пугали и отгоняли стада морских бобров, разорили постройки Российско-Американской Компании и жилища туземцев. Китоловы давали свои названия островам и заливам в русских водах; так на картах появились гавань Поттера, бухта Меркурия и другие... Подсчитано, что годовой доход китобоев от охоты в русских водах составлял восемь миллионов долларов.

Промысел часто очень нелегко давался морской вольнице. Иногда корабли со всем экипажем пропадали без вести. Было даже случаи, что китобои в Сан-Франциско или в Гонолулу на Гавайях, где у них было одно из главных пристанищ! Однажды наших полных ловцов северных китов даже захватила столицу Гавайских остро-

вов и держалась в ней несколько дней, пока европейские поселенцы Гаваев не изгнали китобоев из города.

Нашествие китобоев застало Ново-Архангельск врасплох. Киты издавна кормили алеутов, эскимосов и индейцев. Индейские резчики — художники Аляски — любовно помещали на знаменитых гербовых столбах изображение кита с красным плавником. Искусные алеуты-китобои окружали свои промыслы таинственными обрядами: китобой в то же время считался и волшебником. Мясо китов, китовый жир, смешанный с ягодой морошкой, считалось лакомством у жителей аляскинского поморья. Жилами кита сшивали байдары, а китовые ребра шли на постройку жилищ. Теперь, когда охота на китов была превращена в кровавую и беспорядочную бойню, можно было опасаться, что киты в скором времени будут истреблены.

Снова приходилось начинать кречерскую службу в водах Аляски, в Охотском море. Обилие незваных гостей в северо-восточных морях заставляло думать о безопасности русских границ, об охране русских владений в Северной Америке. Люди Невельского укреплялись в устье Амура, на Сахалине, обживали Камчатку и Чукотку. Новые области тоже нуждались в надежной охране.

...В Ново-Архангельске снаряжались новые отряды для исследования Аляски. «Вольный штурман» креол Руф Серебренников поплатился жизнью за то, что проник до 62° северной широты. Он вышел из русской «одиночки» в область обитания индейцев-колчан, чтобы продолжить исследования озера Плавёжное и бассейна реки Медная. Руф Серебренников был убит... Он немало потрудился, успев в течение двух лет осмотреть подробно все озеро и Медную с ее притоками. «Река Медная по описям Серебренникова» — так назывался один из научных трудов, вышедших уже после гибели креола...

Горный инженер П. Дорошин изучал богатства недр Аляски. Каменный уголь был найден на острове Унга и на берегах Кенайского залива. Петр Дорошин обнаружил признаки золота на острове Кадьяк, острове Ситха и в Кенайском заливе. Он настойчиво советовал Российско-Американской Компании продолжать разведки на золото. Открытия горного инженера были преданы забвению. Не-

сколько позже некий Кеннет Мак Ли тоже утверждал, что на Аляске есть золото и богатые залежи каменного угля.

Компания Гудсонова залива продолжала посылать своих людей на верховья Юкона. В 1850 году капитан английского судна «Энтерпрайс» Коллинсон откуда-то узнал, что в глубине Аляски, недалеко от озера Ментох, будто бы убиты индейцами двенадцать англичан, приплывших по Юкону на байдаре. Русские в Михайловском редуте решили помочь Коллинсону в установлении истины. Коллинсон оставил в Михайловском лейтенанта Бернарда, доктора Адамса и одного матроса. Из Нулато был немедленно послан на поиски белых служитель Российско-Американской Компании, а в Нулато тем временем отправились креол Дерябин и лейтенант Бернард. Вскоре они были убиты индейцами с реки Куюк, как был убит и компанейский служитель, посланный узнать о судьбе двенадцати англичан. Это было как раз в то время, когда индейцы-шилкаты перешли Скалистые горы и вместе с воинами племени так-гиш разрушили до основания форт Селькирк — оплот Компании Гудсонова залива на верховьях Юкона.

Русские время от времени наведывались в Калифорнию. Вполне возможно, что Российско-Американская Компания и сама добывала тогда калифорнийское золото, так как на корабле «Атха» в 1851 году было доставлено почти [illegible] пуда золота из Сан-Франциско. Почти одновременно в Ново-Архангельск пришел корабль из Калифорнии. В его трюмы было погружено двести пятьдесят тонн чистого аляскинского льда. Да, лед был предметом торговли. Американцы платили по 75 долларов за каждую тонну. На одном из домов Сан-Франциско можно было видеть вывеску с надписью: «Американско-Русская Торговая Компания для торговли льдом»... Лед для Сан-Франциско добывали на кадьякских озерах, недалеко от Павловской гавани.

Не зря в гербе Сан-Франциско был [illegible]. [illegible] от [illegible]. В [illegible] годы Сан-Франциско [illegible]. [illegible] с высокого холма [illegible] Шаннон, владелец конторы по скупке золота в Сакраменто.

Брат Шлимана держал в Сакраменто гостиницу, а сам Генрих Шлиман целыми днями стоял у золотых весов, разговаривая на восьми языках со сдатчиками самородков. Генрих Шлиман, петербургский купец, читал в Сакраменто «Илиаду» и мечтал о том часе, когда его рука прикоснется к золотым сокровищам Трои и Микен. Зутер в те годы все еще жил надеждой на возвращение ему богатств Калифорнии. На главной улице Сан-Франциско уже сверкали вывески банков, в том числе банка Ротшильда. По улицам города ходил никому, безвестный рудокоп Фрэнсис Брет-Гарт, пришедший на запад в поисках счастья.

Один из русских, побывавших тогда в Калифорнии, напечатал в «Московских ведомостях» статью «Прибрежные горы Калифорнии и Золотые Ворота». В статье этой описан узкий вход в гавань Сан-Франциско, лежащий между скалами. «На одной из скал стоит полуразвалившееся старинное русское укрепление, а у подошвы — древнее испанское», — пишет путешественник. В «Северной Пчеле» за те годы можно прочесть «Письма русского из Калифорнии», где описан Сан-Франциско. Александр Ротчев выступал со статьями о Калифорнии в «Отечественных Записках».

В Калифорнию из Ново-Архангельска везли лед, лес и лососину. 1 июня 1854 года Российско-Американская Компания и Американско-Русская Торговая Компания в Сан-Франциско заключили условие на совместную торговлю. До нас дошли архивные бумаги, подписанные представителями Компании; они договорились о сбыте «в Западной Америке, Ост-Индии, Австралии леса, льда и других произведений». Председателем Компании в Сан-Франциско был Беверлей С. Сандерс. Он закупал ежегодно на Ситхе и Кадьяке пять-шесть тысяч тонн льда.

Вывоз мехов из Аляски прекратился в связи с Крымской войной. Кетли, Ново-Архангельск и остальные русские владения в Новом Свете не пострадали от этой войны.

Правда, противник был замечен со стен новоархангельской крепости; чужестранная эскадра несколько раз появлялась в проливах острова Баранова, а флагманский корабль подходил к самому Ново-Архангельску. Адмирал, бывший на корабле, удостоверился, что в порту нет ни одного русского военного судна. Тогда эскадра ушла, не

сделав ни одного выстрела по Ново-Архангельску, хотя городской гарнизон, состоявший из солдат сибирских линейных батальонов, и был готов к отражению нападения.

IX

Горсть отважных русских людей и здесь делала чудеса на берегах Нового Света, у рубежей Калифорнии. В Калифорнии в то время жило около полумиллиона человек. Всю Аляску, Алеутские и Курильские острова населяло лишь десять тысяч человек, из которых около трех тысяч русских и креолов.

Население Калифорнии жило в благодатных местах, русские на Аляске всегда испытывали холод, голод и лишения. В январе — марте каждого года в Ново-Архангельске начиналась цынга, так как к тому времени кончались продовольственные запасы. Грузы солонины на Аляску везли из России кругосветным путем, в Ново-Архангельск доставлялись парижские консервы фабрики Шолетта. Солонина, консервы, соленая рыба — лишь этой снедью питались русские поселенцы много лет подряд. Мясо, овощи, масло и фрукты из Сан-Франциско были доступны лишь немногим. Вечное недоедание порождало болезни...

Но полуголодные люди продолжали осваивать Аляску. Уже в 1857 году в бухте Угольной, в Кенайском заливе, были заложены шахты, и первые горняки Аляски стали добывать там каменный уголь, открытый когда-то Барановым и отцом Ювеналием. Корабельные мастера строили пароходы; на воду был спущен в Ново-Архангельске паровой корабль «Баранов».

Ново-Архангельск был похож на средний губернский город России. В нем были замок главного правителя, театр, клуб, кафедральный собор, архиерейский дом, семинария, лютеранский молитвенный дом, обсерватория, школа музыки, музей и библиотека, мореходная школа, две больницы и аптека, несколько училищ, духовная консистория, чертежная, Адмиралтейство, портовые сооружения, арсенал, несколько промышленных предприятий, лавки, магазины и склады. Дома в Ново-Архангельске строились на каменных основаниях, крыши были из железа.

Владения Российско-Американской Компании разделялись на шесть обширных «отделов», каждый из которых был во много раз больше любого российского уезда. Самым многолюдным был Кадьякский «отдел», за ним по количеству населения шли Уналашкинский и Новоархангельский «отделы». Самым малонаселенным был Северный или Михайловский «отдел», где на землях, тяготеющих к устью Юкона, обитало лишь сто тридцать человек, в том числе тридцать русских и до сорока креолов. В этой огромной стране не было ни суда, ни полиции, ни жандармов. Но русский закон действовал и в Новом Свете. Преступления не оставались без наказания. Был случай, когда начальник острова Укамок мещанин Савченков вообразил, что алеут Мирон Якунак «повредил ему здоровье посредством шаманства», — как объяснял Савченков на суде. Из архивного «дела» видно, что Савченков заковал шамана в кандалы и заточил в землянку, где Якунак и умер. Савченкова отправили в Охотск, где он предстал перед военным судом. Истязателя приговорили к десяти годам арестантских рот. Отдельные случаи произвола, иногда наблюдавшиеся в Русской Америке, жестоко осуждались законом.

...Изучение Аляски продолжалось. В Ново-Архангельске копились ценные сведения о стране, составлялись карты, словари, дневники путешествий. Исследователям посчастливилось найти и собрать три полных скелета морской коровы, вымершей еще в XVIII веке. Эти скелеты были вывезены в Петербург, Москву и Гельсингфорс. Капитан-лейтенант Петр Тихменёв, чиновник Российско-Американской Компании в шестидесятых годах изучал историю Аляски по архивам Ново-Архангельска, готовя свой будущий огромный печатный труд. Горный инженер П. П. Дорошин собрал богатые коллекции на Алеутских островах и Аляске; свои находки он пожертвовал Русскому географическому обществу. Н. Г. Чернышевский писал о коллекциях П. П. Дорошина в «Современнике».

Декабристы снова вспомнили об Аляске и Калифорнии. Прочтите письма и статьи Д. Завалишина, И. Пущина, Г. [illegible], В. Штейнгеля и других, — насколько волновали их в шестидесятых годах новости о жизни русских в Новом Свете! Известный в летописях русской революции Василий Кельсиев в те годы тоже был причастен к

делам Аляски. Недавно была издана его «Исповедь». Из нее мы узнаем, что Кельсиев был стипендиатом Российско-Американской Компании, затем был назначен старшим бухгалтером в Ново-Архангельск и отправился туда, но лишь случайно остался в Лондоне у Герцена.

«...Я даже в Америку ехал именно для изучения эскимосских и американских наречий, которые меня сильно интересовали», — пишет В. Кельсиев. Он уверяет, что мечтой его жизни было «побывать в Русской Америке, повидать племена, живущие по берегам Тихого океана, изучить их цивилизацию, языки, нравы, предания, верования...» Но судьба занесла В. Кельсиева к русским староверам в Тульчу, а оттуда он отправился в Англию.

Как сказочные клады, открывались одно за другим богатства побережий на севере Тихого океана. Вслед за Калифорнией на весь мир прошумел золотой Фрейзер. Туда, на низовья бурной реки, ринулись старатели. Они шли через Сан-Франциско в страну исполинских желтых сосен, в горные теснины, в ущелья Фрейзера, такие глубокие, что с их дна была видна лишь узкая полоска неба. Дощатые бараки и холщевые палатки вырастали у стен небольшого форта Виктория на острове Ванкувер. Там собралось около тридцати тысяч новых поселенцев, склонявшихся над золотыми «колыбелями». Так образовалась Британская Колумбия — страна золота, лесных и рыбных богатств.

Золотые Ворота Сан-Франциско оправдывали свое название. Вслед за приисками Фрейзера была открыта знаменитая жила золотой и серебряной руды в Неваде, в Виргинии, в ста пятидесяти милях от границы Калифорнии. Восточный склон Сьерра-Невады принял тысячи искателей серебряной руды. Здесь в какой-то мере повторилась история капитана Зутера. Исполинскую серебряную жилу на первых порах никто не разрабатывал и некий Генри Комсток купил часть ее за какие-то гроши, чтобы перепродать за шесть тысяч долларов. Прошло семь лет, и из комстокской жилы было добыто серебра на двести тридцать семь миллионов долларов. Генри Комсток не затевал, подобно Зутеру, чудовищного сутяжничества. На него просто нашла черная тоска, и во время одного из припадков безумия Комсток пустил пулю в лоб... «Он погиб в

нищете и грязи, никем не оплаканный и никому не известный», — пишет о судьбе Генри Комстока знаменитый геолог Эдуард Зюсс.

Люди, посещавшие Сан-Франциско, видели, как доставлялось туда виргинское серебро; на возах лежали, как дрова, большие светлые болванки. Марк Твен, один из историков невадских серебряных промыслов, пишет, что в 1863 году было добыто комстокского металла на двадцать миллионов долларов.

Настало время, когда новый золотой клад был открыт на самой границе владений Российско-Американской Компании и Компании Гудсонова залива. Горный инженер Андреев не зря был послан из Ново-Архангельска на реку Стахин (Стиккен). Верховья и среднее течение реки находились на английских землях, устье Стахина было владением Российско-Американской Компании, отданным во временную аренду Компании Гудсонова залива. Срок аренды кончался как раз в это время. Золотые россыпи Стахина в 1862 году уже разрабатывались первыми старателями. Когда Андреев высадился в устье реки, он увидел сотни палаток и древесных шалашей, в которых жили приискатели. Толпы аргонавтов шли через земли Русской Америки к золотоносной реке, катившей свои волны меж ледяных стен. Против устья Стахина в море стоял иноземный военный корабль. Его команда безуспешно пыталась установить порядок, нарушенный разноплеменной толпой искателей стахинского золота.

Стахинские золотоискатели не уважали прав местных индейцев, которые считались русскими подданными. Нужно сказать, что когда-то русские люди спасли одного тойона с реки Стахин, которого взяли в плен индейцы острова Баранова. С тех пор и установились особенно дружественные отношения Ново-Архангельска с туземцами Стахина. Поэтому стоило лишь горному офицеру Андрееву заявить индейцам свое пожелание о восстановлении спокойствия на устье Стахина, как стахинцы избрали главного тойона и постарались уладить миром все ссоры с белыми старателями.

Но приискатели на Стахине не желали признавать русской власти. Они даже подбили губернатора Виктории, чтобы он содействовал утверждению старательских зая-

вок не только на землях Стахина, но и на остальной территории Русской Америки. Стахинские аргонавты использовали в своих целях и печать Виктории. Устами их говорила ванкуверовская газета:

«Имея в своих руках страну, богатую золотом, мы должны владеть и соседним с ней берегом...»

Инженер Андреев убедился в том, что дело могло дойти до вооруженного столкновения со стахинскими старателями: так настойчивы были они в своих стремлениях к захвату новых земель. Андреев стал просить Ново-Архангельск о посылке русского корабля к устью Стахина. Обстоятельства не позволили хотя бы на короткое время отозвать крейсер из состава русской эскадры Тихого океана. Что оставалось делать Российско-Американской Компании для того, чтобы удержать устье Стахина в своих руках? Компания немедленно продлила договор с Компанией Гудсонова залива на аренду ею части Стахина. Таким образом подтверждалось исконное право русских на владение областью Стахина и были улажены все недоразумения, которые могли бы привести к столкновениям с искателями золота.

В том же году посланник Соединенных Штатов Северной Америки в России Симон Камерон письменно известил русское правительство «о распространении открывшейся золотоносной полосы Орегона и Британской Колумбии до русских владений в Америке...» Но русские сами знали о своих богатствах. Капитан-лейтенант Головин, посетивший по поручению русского правительства Аляску, в печатном отчете сообщил о том, что «на Кенайском берегу положительно доказано присутствие золота...»

На побережье Тихого океана вырастали новые города и поселения. Россия овладевала богатствами Амура и Уссури; на весь мир гремела слава золотой Калифорнии. На побережье океана, между Ново-Архангельском и Сан-Франциско, основывались все новые и новые города и порты.

Стоило матросу Джону Сулливану, выкинутому кораблекрушением на берег залива Пэджет, выстроить себя хижину под сенью красных сосен, как вокруг его лесного убежища стали расти домики других поселенцев. Так зародился исполин Тихого океана — город Сиэтл в будущем штате Вашингтон. На берегах Пэджет-Зунда, одного из красивей-

ших морских [illegible] земного шара, нашли залежи каменного угля. Кеннет Мак Ли [illegible] владел угольными шахтами Поджета. Он писал Российско-Американской Компании, что уголь Аляски не что иное, как продолжение каменноугольных залежей на берегах реки Колумбия, Пэджет-Зунда и острова Ванкувер.

Кеннет Мак Ли строил широкие планы добычи богатств Аляски, предлагая русским свои услуги. Вслед за ним калифорнец Перри Коллинс, эсквайр, бывший русский торговый уполномоченный на Амуре, составил подробный план прокладки российско-американского телеграфа. Он многих увлек своим проектом, и в том числе литератора Джорджа Кеннана из Калифорнии. Опутать говорящей проволокой чуть ли не весь земной шар, связать Азию с Америкой так, чтобы Амур мог разговаривать с Сан-Франциско, а Ново-Архангельск с Кяхтой, Пекин с Москвой, Нью-Йорк с Сакраменто!

Перри Коллинс показывал пылкому Кеннану карту областей Тихого океана, покрытую цветными значками и тонкой паутиной телеграфных проводов. Первая станция телеграфа должна была основаться у Портленда, на берегах Вилламетта. Оттуда проволока протянется к устью золотоносного Фрезера, затем по Юкону до Форт-Юкона, аляскинского озера Ментох. С берегов озера Ментох телеграфная линия пройдет к устью реки Ангвик. От Ангвика до самого Михайловского редута тянулась Дикарская тропа и телеграфные столбы на плане Перри Коллинса шли вдоль этой тропы к Михайловскому редуту. На азиатском берегу Берингова пролива линия телеграфа тянулась до устья Лаврэ. Русский участок огромной линии начинался в Верхнеудинске. Восточный конец этого звена смыкался с американским звеном на берегах Берингова пролива. От главной телеграфной магистрали отходили две ветви на Кяхту и Пекин. Не шутка — вбить многие тысячи столбов в вечномерзлую землю Юкона, протянуть провода над тундрами Аляски и Канады! Однако Компания Российско-Американского Телеграфа, по согласию с русским правительством, начала выполнять план огромных работ...

Тем временем по Юкону плыл Иван Лукин. Он прошел по великой реке дальше всех своих предшественников. Лукин достиг тех мест, где впоследствии был основан Даусон-

Сити — город, столь известный по произведениям Джека Лондона. После окончания похода Лукина можно было считать, что Юкон на огромном своем протяжении стал хорошо известен русским. Отчет Ивана Лукина не был напечатан; его дневники [illegible] и многие другие записки [illegible].

В 1863 году, в солнечную калифорнийскую осень [illegible] Сан-Франциско увидели отряд русских военных кораблей. Один за другим они [illegible] Золотые Ворота. Это была Тихоокеанская [illegible] Л. А. Попова в составе корветов [illegible]. Рында, Наезд и клиперов [illegible]. На борту «Абрека» находился юный гардемарин Степан Макаров, будущий герой русского флота и исследователь Тихого океана. Тихоокеанская эскадра Л. А. [illegible] во время этого похода побывала в Калифорнии, Гонолулу, Ново-Архангельске и у острова [illegible].

Поход русской Атлантической эскадры и эскадры Тихого океана к берегам Северной Америки укрепил дружбу России с Соединенными Штатами Америки. В 1863 году Наполеон III пытался втянуть Россию в войну с великими морскими державами. Тогда-то и были посланы русские корабли к берегам Нового Света как символ дружбы России с Америкой — страной, где только что была провозглашена декларация Линкольна.

Эскадра Тихого океана помогла Северу во время войны с Югом. Она помешала тайным союзникам рабовладельцев доставлять южанам грузы оружия и военных припасов. Русская эскадра долго пробыла в Сан-Франциско. Степан Макаров писал в своих дневниках, что пребывание в Калифорнии было лучшей порой всей его жизни.

В Сан-Франциско, на Монтгомери-Стрит, тогда уже работала контора Компании Российско-Американского Телеграфа, и полковник С. Белкли, бывший начальник военного телеграфа в Округе заливов, принимал у себя крепких и выносливых людей. Он сколачивал первые отряды для изысканий на Аляске, в Британской Колумбии и Сибири.

К С. Белкли пришел Джордж Кеннан, решивший отправиться в Сибирь. Он давно мечтал о странствиях по Чукотке и Камчатке. В 1865 году русский бриг «Ольга» вышел из Сан-Франциско. На борту корабля были Кеннан, русский

майор Абаза, инженер Джемс Мегуэ и Р. Д. Бош. Они высадились на Камчатке, и для Кеннана началась та «кочевая жизнь», которую он так увлекательно описал в своей книге. Сибирь и Америка никогда так не сближались, как в те годы. Осенью 1866 года в Ново-Архангельск прибыл полковник С. Белкли со своим штабом.

В архивах сохранилось донесение главного правителя Русской Америки князя Д. Максутова о работах отрядов Компании Российско-Американского Телеграфа на Аляске и на азиатском берегу Берингова пролива. В аляскинской гавани Кадьяк и в заливе Пловера на азиатском побережье уже были построены дома, лавки и склады. Русские и креолы из Ситхи были посланы в новые поселения для скупки мехов у туземцев.

Телеграфная Компания брала для работ русских людей; вместе с американцами работали штурман Кадии, переводчик Гринберг. Мальчик Иван Кожевников хорошо знал малемютское наречие, поэтому его и креола Ивана Германа с островов Прибылова стали обучать английскому языку с тем, чтобы потом они служили переводчиками у Телеграфной Компании.

На письменном столе Д. Максутова копились донесения и другие бумаги с деятельности отрядов Телеграфной Компании. Некоторые из них сохранились и дошли до нас в архивном деле «Относительно сделанного Коллинсом предложения об устройстве электрического телеграфа от устья реки Амур через русские и британские североамериканские владения...

Самой любопытной надо считать переписку Максутова с Петербургом по поводу находки золота на Аляске.

«До сведения Главного Правления Российско-Американской Компании дошли слухи, что Американская Телеграфная Компания открыла в наших владениях около горы св. Ильи золото в столь огромном количестве, что даже находятся самородки ценностью в 4—5 тысяч долларов. Не имея возможности судить, в какой степени достоверны эти слухи, но полагая, что они должны иметь основания, Главное Правление обращает на них ваше внимание и покорнейше просит вас исследовать их и в нужном случае принять сообразно обстоятельствам все зависящие от вас меры к охранению приисков и извлечения из этого открытия возможной пользы для Российско-Американской Компании...»

Князь Максутов не сообщил ничего определенного о золоте у горы св. Илии, хотя расспрашивал американцев и следил за газетами Калифорнии. Ни «Морнинг Колл», где работал тогда Марк Твен, ни «Голден Ера», ни «Калифорниец», ни «Союз» в Сакраменто ни словом не обмолвились об аляскинском золоте. Правда, спустя год «Нью-Йорк Геральд» писал о горе св. Илии:

«...Эта гора есть начало и глава золотоносной цепи, пролегающей по Калифорнии, Неваде, Мексике, Средней и Южной Америке. Почему бы не предположить, что в ней скрываются прииски богаче всех прочих, лишь бы добраться до них...»

На берегах Берингова пролива кипела работа изыскателей Российско-Американского Телеграфа. Из Сан-Франциско к берегам Сибири шли один за другими корабли — «Золотые Ворота», «Пальметто», «Клара Белль», «Онуард». Американцы и русские, негры и чукчи, эскимосы и камчадалы встречались в Беринговом море. В Гижигинске помещался главный штаб азиатского отряда Российско-Американского Телеграфа. Обо всем этом можно прочесть у Джорджа Кеннана.

Дмитрий Завалишин вспомнил свою молодость. В 1866 году он напечатал не только статью о Российско-Американском Телеграфе, но и воспоминания с форте Росс в Калифорнии.

Лаврентий Загоскин был первым европейцем, который провел ученые исследования жизни и быта племен Аляски. Вслед за ним пришел сотрудник великого знатока первобытных племен Льюса Г. Моргана натуралист и этнограф Долл. (Он прожил долгую жизнь. Вильям Долл был нашим современником, как был и современником Брет-Гарта; умер в 1927 году.) Он написал свои знаменитые исследования об Аляске и ее племенах, о делении индейцев на тотемы, об обычаях тлинкитов. В одно время с Доллом на берега Юкона и реки Пиль пришел ученый Стракен Джонс. Он исследовал жизнь индейцев-кутчинов. На основе его данных Л. Г. Морган описал жилища юконских племен.

В самом начале памятного 1867 года известный американский ученый Дэвидсон был вызван с постройки канала на Дарианском перешейке и послан на Аляску. Доклад

Дэвидсона решил судьбу страны. Соединенные Штаты Америки стали все более склоняться к мысли о покупке Аляски у русского правительства.

Уже в конце 1866 года посланник Соединенных Штатов в Петербурге Клейн начал первые хлопоты. В тот год американцы гостили в России; в Кронштадте развевался флаг, украшенный звездами Нового Света на мачте американского броненосца «Миантономо». В Севастополе, Одессе и Ялте видели Марка Твена, путешествовавшего на корабле «Город Квакеров». Газеты писали о дружбе России и Америки.

...Отряды Российско-Американской Телеграфной Компании доносили, что на обоих берегах Берингова пролива идет тайная торговля водкой и оружием. Корабли хищников все время появлялись в русских водах. Полковник С. Белкли по соглашению с аляскинскими и сибирскими властями стал задерживать хищников и отбирать у них запретные товары. На азиатском берегу строители телеграфа успели ко времени продажи Аляски заготовить пятьдесят тысяч столбов, выстроить около пятидесяти зданий станций и магазинов. Просека длиной в пятьдесят миль пролегла через вековые леса между Ямском и Охотском. Телеграфные столбы числом до трех тысяч были расставлены за Анадырском.

Весь путь от Амура до Берингова моря был исследован. Около тысячи человек работало на постройке линии в Сибири. Джордж Кеннан изучал быт коряков и чукоч, причем отмечал черты, роднящие их с туземцами Аляски.

Служащие Российско-Американской Телеграфной Компании Кечум, Лаберж и Кенникот в 1867 году прошли аляскинскую часть Юкона по следу Ивана Лукина, пересекли границу и достигли форта Селькирк, вернее места, где он стоял, так как укрепление это было разрушено индейцами. Подготовительные работы по проведению телеграфа шли к концу. Вдруг калифорнийские газеты сообщили, что прокладка атлантического кабеля делает постройку Российско-Американского Телеграфа ненужной.

Много было споров и толков вокруг продажи Аляски. Ее судьба решалась в кабинетах дипломатов.

18 марта 1867 года был подписан трактат на продажу русских владений в Америке. Американцы подсчитали, что вся поверхность аляскинских и островных земель составляла 580 107 квадратных миль.

Все эти земли были оценены в семь миллионов двести тысяч долларов.

«Высочайше ратифицированный договор об уступке российских Северо-Американских колоний» был краток и содержал всего лишь семь статей. В одной из них мы читаем:

«...Все дела, бумаги и документы правительства, относящиеся до вышеозначенной территории и ныне там хранящиеся, передаются уполномоченному Соединенных Штатов. Но Соединенные Штаты во всякое время, когда встретится надобность, выдают российскому правительству российским чиновникам или российским подданным, которые того потребуют, засвидетельствованные копии с этих документов».

Этой статье придавалось большое значение. Управляющий Военным департаментом в Сан-Франциско генерал-майор Галлеке сообщил письменный приказ генерал-майору Н. Дьюсу, назначенному командующим военным округом на Аляске: «...все русские правительственные архивы, бумаги и документы... храните..., потому что копии с них согласно договору мы должны выслать русскому правительству...»

В этих бумагах заключена вся славная история подвигов русских людей в Новом Свете от времен Шелехова и Баранова до начала семидесятых годов XIX столетия.

X

Очевидцы рассказывают, что в Ново-Архангельске и других поселениях Аляски долго не знали о продаже страны Соединенным Штатам. В августе в Ситхинской гавани неожиданно появились три американских корабля. Вскоре стало известно, что Америка берет Аляску в свою собственность.

В Ново-Архангельске высадились солдаты в светлосиних шинелях, появились гражданские люди из Сан-Франциско. Из Калифорнии приходили корабли с разными грузами, в том числе с разборными домами. Последний главный правитель Русской Америки князь Д. Максутов у себя в замке на Камне-Кекуре составлял списки русских поселенцев Аляски, рассчитывал служащих и «промышленных».

В канцелярской суматохе чиновники Российско-Американской Компании забыли о судьбе поселенцев Ново-Архангельска; многих из них не включили в списки отъезжавших в Россию на бриге «Шелехов». Эти люди так и остались на Аляске...

В тридцатых годах XX столетия в Фербенксе можно было встретить городского шерифа — русского креола, а заместителем начальника острова Атту был некий Михаил Егорович Худяков. Известный исследователь Аляски Иван Петров был русским или креолом.

Точных сведений о том, сколько русских, креолов и алеутов с русскими именами и фамилиями осталось на Аляске после 1867 года, нигде не имеется. Но французский ученый Альфонс Пинар, который был на Аляске года через три после ее продажи, писал, что в Ново-Архангельске он объяснялся только на русском языке; «на улицах города почти все говорят по-русски», русская речь звучала в поселениях на самом полуострове Аляска.

18 октября 1867 года в Ново-Архангельске на площади, против дома главного правителя Русской Америки выстроились отряд солдат армии Соединенных Штатов и рота сибирских пехотинцев. На рейде дымили корабли. Андреевский и звездный флаги развевались на высоких мачтах. Сотни индейских лодок сновали вдоль побережья острова Баранова; алеуты и индейцы, собравшись на берегу, глазели на невиданное зрелище. Индейские тойоны в сюртуках, в фуражках с цветными околышами стояли на отведенных им местах.

Все население Ново-Архангельска сошлось на этом плацу у подножья Камня-Кекура, где стояла батарея и возвышалась мачта с русским флагом. Служащие Российско-Американской Компании, рабочие Адмиралтейства, «промышленные», креолы, лекари и фельдшера, наблюдатели обсерватории, мореходы, начальники редутов, шахтеры, бывшие поселенцы Росса стояли невдалеке от мачты с флагом. Представители двух великих стран обменялись короткими речами на земле Нового Света. На речи ушло с полчаса. После этого все замолкло. В глубокой тишине были слышны только гул морских волн и возгласы военной команды на двух языках да шелест широкого полотнища русского флага. Офицеры смотрели на часы. Когда стрелки часов показали условленное время, командующий отрядом русских кораблей Пещуров встал напротив генерала Руссо, представлявшего Соединенные Штаты Северной Америки, и громко произнес:

— По повелению его величества императора всероссийского передаю вам, уполномоченным Североамериканских

Соединенных Штатов, всю территорию, которою владеет его величество на американском материке и на прилегающих островах, в собственность Штатов согласно заключенному между державами договору.

Русский флаг стал медленно спускаться вдоль высокой мачты... Так совершилась передача Аляски. Однако на этом далеко не кончилась история пребывания русских людей в Новом Свете...

Сразу же после покупки Аляски правительство Соединенных Штатов отправило на Юкон инженера Раймонда. Он должен был осмотреть бывшую русскую часть реки. Вслед за ним на материк и острова пришел Альфонс Пинар, открывший для науки погребальные пещеры китобоев Шумагинского архипелага.

Далеко не всем известно, что Николай Миклухо-Маклай работал как естествоиспытатель, изучал морские губки, собранные в водах Аляски и Алеутских островов русскими путешественниками. Печатный труд Миклухо-Маклая вышел в 1870 году. Именно эта работа тогда привлекла к молодому ученому внимание Академии Наук в Петербурге.

Вильям Долл в 1874 году определил положение горы св. Ильи, открытой Берингом. Заодно следует сказать, что она долго считалась высочайшей вершиной Северной Америки пока не была измерена высота горы Мак-Кинлея на Аляске.

Через пять лет в Сан-Франциско был поднят флаг на корабле «Жанетта». Де-Лонг вышел на нем в свой последний поход. Люди Аляски видели Жанетту в гавани близ Михайловского редута, около Уналанки. Де-Лонг искал Вегу Нильса Норденшельда, которая в то же лето пробилась к Берингову проливу, но так и не встретился с ней, направившись к полюсу и нашел свою могилу в полярной Сибири.

Иван Петров скитался по Аляске в 1880 году. Он установил численность населения страны, составил карты. Петров пытался взойти на вершину вулкана Плавуны или Миранды. Особенностью этой огнедышащей горы было то, что ее жерло находилось гораздо ниже вершины. Завалы снега и ледяные трещины на склонах горы не дали Петрову возможности добраться до краев огненного жерла.

Вскоре знаменитый Фредерик Шватка высадился на берегу Якутатского залива с тем, чтобы взойти на вершину

горы св. Илии. Летописи Аляски повествуют о том, что Шватке удалось достичь высоты в тысячу восемьсот метров, выше этого он не мог подняться по западным склонам исполинской ледяной пирамиды. С тех пор и начались походы в Якутат, к подножью великолепной горы с ее сверкающими ледниками. Уже через год В. Топам повторил безуспешную попытку Шватки. Топам и В. Вильямс, хотя и не достигли ледяной вершины, но изучили гору св. Илии и немало написали о ней.

Редакция крупнейшей газеты в Нью-Йорке обещала награду в десять тысяч долларов тому, кто поставит звездный флаг на недоступной вершине. Ледники, низвергающиеся в море на юге Аляски, изучал Рид.

31 июля 1897 года отряд из десяти человек оглядывал просторы Аляски и безграничную ширь океана с заветной ледяной вершины. Стоял аляскинский полдень. Бесчисленные снежные поля светились на солнце. Пять тысяч пятьсот четырнадцать метров — такова была высота горы св. Илии, на которую удалось, наконец, взойти Луиджи Амедео Джузеппе Мария Фердинандо Франческо принцу Савойскому, герцогу Абруццкому. Вслед за герцогом Абруццким в Якутат пришли американские ученые — геолог Кук Руссель и топограф М. Б. Кэрр. Они продвигались от ледника к леднику, поднимались по белым крутизнам, пока не достигли вершины. Кук и Кэрр давали названия ледникам, перевалам, отдельным высотам хребта св. Илии. На карте Кэрра появились хребет Кука, перевал Пинакль, вершина Вашингтона Ирвинга, гора Ньютона, хребет Самовар. Кэрр написал целую книгу о ледяном царстве, в котором ему довелось побывать.

Но прошло года два, и И. Х. Эльдредж, начальник отряда по съемке земель Аляски, открыл на правом берегу реки Сушитны, исследованной ранее Малаховым, вершину, которая была на пятьсот восемьдесят метров выше горы св. Илии. Так померкла старая слава грозного ледяного царя Аляски.

Через несколько лет лекарь Фридрих Кох, более известный впоследствии всему миру под именем Фредерика Кука, заявил, что совершил якобы восхождение на вершину горы Мак-Кинлей. К тому времени выяснилось, что Мак-Кин-

лей — вершина Аляскинских гор — и есть высочайшая гора всей Северной Америки. Лгал Кук вдохновенно и очень правдоподобно и ему долгое время верили, пока не открылась скандальная история с его походом на Северный полюс. Тогда-то аляскинские проводники Кука и заявили, что никакой вершины Мак-Кинлей он не достигал. Позднее на Аляске делали особое расследование; доверенные лица ездили к горе Мак-Кинлей, и все дело повернулось далеко не в пользу Ф. Кука.

В 1904 году о Беринговом проливе Д. Менделеев писал:

«...путь через полюс в Берингов пролив представляется не только кратчайшим, но для нас и более во всех отношениях удобным, так как мы можем проникнуть туда не только с Белого моря и Мурманского побережья, но и с других наших берегов...», — великий русский ученый предрекал будущие морские плавания с Мурмана до пролива Беринга вдоль северного побережья России.

...Тридцатитрехлетний человек в одежде северного охотника идет по берегу полярной реки Гершель, потом поднимается на горный хребет близ границы Канады и Аляски. Осень 1905 года... 7 ноября путник видит следы бродячих индейцев, а через десять дней встречает индейца Старого Томаса, свободно разговаривающего на английском и французском языках. Потом путник приходит в форт Юкон, где живет американский купец Джек Карр, где есть школа, духовная миссия и тридцать хижин белых поселенцев. В трехстах километрах от форта Юкон лежит золотой город Доусон-Сити с его единственной длинной улицей; к югу от форта Юкон находится Игл-Сити, где работает телеграф в форту Эгберт. Человек в меховой одежде посещает и маленький городок Циркль-Сити, известный лишь грязными кабаками и залами для танцев. В форту Эгберт звучит труба горниста, там стоят две роты третьего пехотного полка. Путник записывает в свой дневник все то, что он видит в юконской стране. Телеграфист в форту Эгберт принимает от странника в меховой одежде несколько депеш, подписанных: «Руал Амундсен». В телеграммах говорится, что Амундсен на корабле «Иоа» 26 августа 1905 года прошел Северо-западным проходом, но «Иоа» пришлось снова зимовать у острова Гершель. Там собралось несколько кораблей...

Два месяца пробыл Амундсен в Игл-Сити. В это свое путешествие он встречал немало отважных людей Юкона. Он упоминает о «Даниеле Кадцеве» (Даниле Кодцове), которого он видел в Рампарт Хаузе. Вероятно, это русский или креол Аляски с явно архангельской фамилией.

Только в августе 1906 года корабль «Иоа» обогнул мыс Барроу. Здесь люди «Иоа» встретили Эйнара Миккельсена, героя Гренландии. Он изучал загадочную область моря Бофора к северу от Аляски и устья реки Мэкензи. Тут предполагалось существование неизвестной земли. Миккельсен не обнаружил ее, пройдя двести километров на север по морскому льду. Он лишь открыл северный край материкового ложья континента Америки. В те годы ученые думали, что если к северу от Аляски лежат еще какие-то земли, то они похожи по своему геологическому строению на страну золота. С этой целью Гаррисон ходил на землю Бэнкса, а капитан Бернье исследовал архипелаг Перри и подготовлял его присоединение к Канаде.

С кораблика Амундсена были видны мыс Принца Уэльского, оба острова Диомида — русский и американский. «Иоа» подошла к Ному. В октябре Амундсен подарил «Иоа» городу Сан-Франциско, и славный корабль был установлен в парке Золотых Ворот.

В том же году по Сан-Франциско расхаживали странные, на взгляд американцев, люди, которых жители Америки ранее могли видеть лишь на картинках. Они носили папахи из курчавого меха, пояса с серебряным набором, на которых висели длинные кинжалы и пистолеты. Эти рослые люди с гортанной речью пришли в Новый Свет из долин Кавказа. Переселенцы-осетины бродили по золотым ущельям Аляски, в горах за Юконом, селились на берегах фиордов: например, в Жюно и его окрестностях. В числе таких кавказцев был в 1909—1912 годах на Юконе осетин Хаджи Мурат Дзарахохов, будущий знаменитый партизан архангельского севера, где ему как нигде пригодились знания приполярных областей. Во время скитаний по Аляске отряд старателей, во главе которого был Хаджи Мурат, впервые совершил переход через ледники Решл-Глаз, между Треллом и Шуман-Аляской. Там еще не ступала нога человека, но горцы Кавказа прошли над ледяными пропастями аляскинских хребтов.

Шли годы. Люди, исследовавшие Аляску, уже могли пользоваться автомобилями. Автомобильно-тракторная дорога пролегла от берегов Аляскинского залива на север — через Фербенкс на Юкон. Длина ее была восемьсот шестьдесят три километра, и автомобиль мог итти по ней со скоростью шестидесяти пяти километров в час.

Но Руалу Амундсену пришлось снова брести по [illegible] и льду в тех просторах Аляски, где еще не было новых удобных путей. К берегам севера Нового Света великий норвежец приплыл в 1920 году на корабле «Мод» после долгого похода вдоль сибирских берегов. На борту «Мод» кроме Амундсена, было только три человека: Свердруп, Вистинг и русский помор Геннадий Олонкин. В Номе на Аляске люди «Мод» провели всего лишь месяц и в августе опять отправились на север. Но корабль не мог пробиться во льдах далее острова Врангеля. Амундсен появился на Аляске снова в 1922 году, когда он привез с собой самолет «Юнкерс». На карте Аляски стоял заветный кружок. Мыс Барроу... Оттуда хотел Амундсен проплыть на серебряных крыльях через полюс. Судьба и на этот раз решила иначе. Снова Амундсен шел по глубокому снегу от мыса Барроу до залива Коцебу, Дирлинга и Нома. С ним был лишь туземец-почтальон. Эти два человека прошли тысячу шестьсот километров по еще диким областям Аляски.

В Номе у Амундсена были друзья — братья Ломен, которые, как он говорит, горячо любили свою страну и содействовали ее развитию. В номском «блокгаузе для гостей» Амундсен проводил время в долгих беседах о будущем золотой страны.

Представление о богатствах Аляски тех лет можно было составить по цифрам, которые приводились в печати. В недрах страны в 1923 году было добыто золота на 6 510 800 долларов, стоимость улова рыбы в то же время составила 34 720 793 доллара. Было добыто много угля, серебра, меди, нефти, свинца, гипса и мрамора. Лесная площадь Аляски составляла 8,3 миллиона гектаров. Но Аляске нехватало железных и колесных дорог, хотя между Сюардом и Фербенксом уже ходили поезда. Аляске нехватало крыльев. В то время появились первые полярные орлы — бесстрашные авиаторы Б. Эйельсон, Мак-

Меллон, Омдаль, Уайли Пост, который, кажется, был индейцем. В Номе было известно, что Мак-Меллон уже задался целью отыскать с воздуха неизвестные земли к северу от Аляски и присоединить их к Соединенным Штатам. Воздухоплаватель Вальтер Брунс тогда же обнародовал в Европе свое предложение — установить воздушную дорогу Амстердам — Копенгаген — Ленинград — Архангельск — Ледовитый океан — Ном на Аляске — Унимак (Алеутские острова). От Унимака воздушные ветви протянутся к Сан-Франциско и Иокогаме. По этому огромному воздушному пути должны были летать большие дирижабли.

Амундсен еще стряхивал снег со своих меховых сапог в Номе, когда полковник Бен Эйельсон перевез по воздуху первую почту из Фербенкса в Мак-Грат. Триста миль пролетел он над Аляской, и этот первый полет занял около трех часов. Считается, что с этого времени началось постоянное воздушное сообщение в стране снегов. Бен Эйельсон с авиатором Ионгом первыми прилетели на Аляску, — они считаются родоначальниками крылатого племени Севера.

Шла борьба за воздушные пути над Новым Светом. С аэродрома в Калифорнии в 1924 году поднялись четыре самолета. Они летели вокруг света. Дирижабль «Шенандоа» — первый воздушный кит Америки, рожденный на ее верфях, проплыл от восточного до западного побережья материка.

В том же году были вычерчены карты ближайшего полета дирижабля. На них были обозначены Сан-Диего и другие города Калифорнии, Пэджет-Саунд, Ном, северные берега Аляски. Адмирал Моффет был назначен начальником экспедиции на «Шенандоа», и ему поручалось искать новые земли между Аляской и Северным полюсом. Полет не состоялся, вскоре дирижабль «Шенандоа» погиб.

В век самолетов, радио-телеграфа и дирижаблей продолжались подвиги и приключения отважных исследователей Севера. Кнуд Рассмусен бредет по сугробам Аляски с поднятыми вверх руками. Из засады вылетает индейская стрела. Рассмусен слушает ее свист и идет прямо к тому месту, где засел аляскинский охотник. Пристыженный ин-

деец опускает лук, и бесстрашный путешественник спокойно продолжает свой путь. Так было в 1924 году, когда Кнуд Рассмусен шел с берегов Полярной Америки на запад через Аляску. Его сопровождали эскимос Митек и женщина Арнаулунгуак. Им удалось пройти вдоль всего северо-западного прохода. Потом Рассмусена видели на восточном берегу Берингова пролива, откуда он переправился на материк Азии.

12 мая 1926 года, в 1 час 30 минут, Руал Амундсен увидел Северный полюс. 14 мая утром обитатели аляскинского городка Теллор с восторгом встречали великого победителя полярных стран. Теперь Руал Амундсен хорошо знал, что между Северным полюсом и Аляской нет никакого материка. На аэродроме Фербенкса вздымалась алмазная снежная пыль, ревел мотор самолета и капитан Губерт Вилькинс в десятый раз покидал город, чтобы опуститься на снежном поле близ мыса Барроу, у края аляскинской земли между Фербенксом и берегом Ледовитого океана.

В марте 1927 года Вилькинс вместе с Беном Эйельсоном летал с мыса Барроу на северо-запад. Они были вынуждены сесть на лед где-то восточнее острова Врангель. Там они измерили океанскую пучину и получили самую большую глубину — 5 440 метров. В конце своего путешествия после многих приключений летчикам пришлось итти пешком по Аляске [1].

Через год на Аляске существовали три авиационные компании — одна в Ангорандже на юге и две в Фербенксе. Когда в реках страны начинался ход лосося, аляскинские летчики делали воздушную разведку за рыбьими косяками. Была также введена аэрофотосъемка дремучих лесов Аляски. Однажды в окрестностях Жюно, всего в двадцати милях от города, было открыто с самолета большое озеро, которое, как оказалось, могло дать полезной энергии на двадцать пять тысяч лошадиных сил. Мыс Барроу не зря так привлекал внимание Губерта Вилькинса и

---

[1] Воздушный штурман В. И. Аккуратов, участник полета к Полюсу Недоступности, совершенного в 1941 году, сообщил, что наши полярные летчики проверяли открытие Вилькинса. Выяснилось, что Вилькинс ошибся: он значительно преувеличил глубину океана именно в этом месте.

Бена Эйельсона. В апреле 1928 года они перемегли оттуда на Шпицберген.

Через год сибирская метель заносила тела Эйельсона и борт-механика Борланда. Незадолго до своей гибели Эйельсон еще лелеял мечту совершить беспосадочный полет с Аляски на свою родину Норвегию через Сибирь и Архангельск. Бедствия корабля «Ставрополь» и шхуны «Нанук», затертых льдами близ мыса Северного, как никогда сблизило полярных летчиков СССР и Аляски. Слепнев, Фарих и Галышев встречали здесь одного за другим крылатых гостей из Нового Света. Первым на мыс Северный прилетел Дорбанд, за ним на землю Сибири опустились Бен Эйельсон и Борланд. Вскоре они снова полетели на Аляску и сделали посадку в Номе. После второго вылета к берегам Сибири они бесследно исчезли. Дорбанд вернулся в Ном, но его самолет погиб в пламени при неудачной посадке. В конце декабря на мыс Северный прилетели Кроссен и Гильон. Они-то и обнаружили при возвращении на Аляску остатки разбитого самолета Эйельсона. Русские и аляскинские пилоты нашли тела погибших. Старый сподвижник Эйельсона по первым полетам над Аляской Ионг Рид, перелетевший через Атлантический океан, Кроссон, летавший над льдами Антарктики, отдали последний долг своему товарищу.

21 сентября 1929 года из Петропавловска-на-Камчатке вылетел пилот С. А. Шестаков. Болотов, Фуфаев, Стерлигов находились вместе с ним на борту самолета «Страна Советов». 20 сентября (это не опечатка!) после пересечения 180 меридиана летчики находились над просторами Нового Света. Через три часа полета от Командорских островов справа от курса аэроплана показался остров Атту, окруженный белой пеной прибоя, с его горами и водопадами, низвергающимися с высот в неспокойное море. Шестаков сделал посадку в бухте Чичагова. На берегу летчиков встретили жители острова во главе с помощником начальника Атту креолом или алеутом Михаилом Худяковым. Он говорил по-русски. Оказалось, что он служит приказчиком в островной лавке и одновременно заменяет начальника Атту. Так русские люди достигли пределов Нового Света на советском самолете, пролетая над старыми морскими дорогами Шелехова и Баранова.

Америка помогала перелету Шестакова. Майор Бом, начальник Тихоокеанского бюро погоды, передавал из Сан-Франциско радиосводки для русского пилота; стучали ключами телеграфисты мощной станции Сен-Пол на Прибыловых островах. Они пророчили приход тайфуна с юга. Страна Советов пробивалась к острову Аналага (Уналашка) сквозь ураган, но область тайфуна была благополучно пройдена. Самолет кружился над дикими гранитами Уналашки, над вулканом Макушиным, отыскивая гавань Детч-Харбор.

В то время она еще не была превращена в мощную базу военных кораблей Соединенных Штатов. Лишь огромные парусники, груженные сельдью, да пароходы из Нома находили себе приют в глубине залива.

Для встречи Шестакова сюда пришли небольшие военные корабли под звездным флагом «Чилен» и «Гайда». Долго советским летчикам разглядывать Детч-Харбор не пришлось; весь поселок состоял из восьми домиков лавки и почтового отделения. Когда «Страна Советов» проходила над островом Кадьяк, он сначала был скрыт туманом. Самолет летел над самой водой, и волны широкого залива Шелехова едва не задевали поплавков.

Когда-то, во времена Баранова, на Кенайском полуострове, между Кенайским и Чугацким заливами, стояли две русские крепости. Теперь на высоком берегу Кенайского полуострова, почти у входа в туманный Чугацкий залив, стоял американский город Сьюард. К северу от него светились громады материковых вершин. Шестаков пошел на посадку. На берегу его окружили русские, наперебой предлагавшие пилоту свою помощь. С. А. Шестаков записал в своем дневнике, что один из этих русских совершенно бескорыстно помогал экипажу «Страны Советов» — ездил в город, хлопотал о починке пропеллера и только ради этого отложил срочную поездку в Жюно. Он обиделся, когда его спросили, сколько надо заплатить ему за все труды. Сьюард оказался маленьким городком, стоящим у подножья снеговых гор. Но в нем были Коммерческая палата, гостиница и станция железной дороги Сьюард—Фербенкс.

Из бухты Сьюарда командир «Страны Советов», пролетев мимо гор Три Брата, взял курс на Ситху. Летели

над океаном, далеко от берегов. И в это-то время сдал левый мотор... На одном моторе дошел самолет до самого Якутата. Несмотря на всю опасность положения, летчики любовались льдами, голубыми глетчерами, сползающими в океан. Как ледяные маяки, возникали одна за другой огромные вершины береговых гор. Наконец, показался остров Баранова, и жители Ситхи, бывшего Ново-Архангельска, на катерах и шлюпках ринулись навстречу самолету, который шел на посадку в Ситхинском заливе. Скоро о прилете Шестакова узнали в Жюно и старые поселенцы-осетины прибыли в Ситху на пароходе, чтобы увидеть отважных летчиков. Осетины во всем горячо помогали русским. Переводчиком у Шестакова в это время был А. П. Кашеваров, куратор Аляскинского исторического музея. Он, как правило, всегда встречал русских гостей Аляски. В доме А. П. Кашеварова в Жюно была целая библиотека, в которой были собраны книги по истории жизни русских людей в Новом Свете. У него были и собственные печатные работы о прошлом Аляски. Мэр города Ситхи дал обед в честь русских летчиков. На этом обеде бородатый ситхинский дьякон провозглашал тост в честь советской страны. «Страна Советов» закончила свой перелет, опустившись на озере близ самого Сиэтла.

В то время огромный город еще ничего не знал о судьбе Олафа Свенсона и его дочери на шхуне «Нанук», приписанной к порту Сиэтл. Только 8 февраля 1930 года капитан Рид принял на борт своего самолета Олафа Свенсона, его дочь и капитана Миловзорова со «Ставрополя». Рид доставил их на Аляску.

На Аляску прибыли тела Бен Эйельсона и Борланда. Старший летчик Ионг принял их трупы, зашитые в полотно. М. Слепнев вылетел вместе с американцами для сопровождения на Аляску тел погибших пилотов. Под крыльями советского самолета раскинулся Берингов пролив; он был, как пишет М. Слепнев, покрыт клубами пара. Слепнев увидел белые горы Аляски. Самолет шел на юг — к Тэллору. Мэр города, старый приятель Руала Амундсена, хранил у себя телеграммы, подписанные великим норвежцем, и обрывок оболочки дирижабля «Норвегия». В доме мэра Варрена жил когда-то Амундсен. Из Теллора самолеты Ионга и Слепнева последовали к Нор-

тонову заливу, где когда-то бродили русские люди из Ново-Архангельска.

За Нортоновым заливом начинались дремучие аляскинские леса. Слепнев перелетел горы и возле Нулато увидел замерзшее русло Юкона. На его берегах краснели дома телеграфных станций, были видны поселения и золотые прииски. В Руби, на Юконе, где летчики ночевали в гостинице при почте, к ним в гости пришли индейцы и потомки русских. Здесь звучала русская речь. Русские юконцы расспрашивали Слепнева о жизни советской страны.

Город Фербенкс стоит между излучиной Юкона и рекой Танана. Рубчатые серебряные крылья самолета Слепнева распростерлись над золотым городом. Тело Бен Эйельсона прибыло в Фербенкс.. Город приспустил звездные флаги. Маврикий Слепнев вручил отцу Эйельсона и жене Борланда штурвал самолета, на котором погибли летчики Аляски... Жители города были полны живой признательности Слепневу.

В своих записках Слепнев не раз вспоминает Джека Лондона. В те годы в Фербенксе, в домике на Первом Авеню жил Элем Харниш, по прозванию Пламенный. Он охотно рассказывал русским путешественникам о том, как он первым прошел на Клондайк через перевал Чилькут. Джек Лондон писал о привычке Харниша будить спящих золотоискателей веселым возгласом: «День пламенеет!» В наши годы Пламенный вспоминал об огненных зорях Юкона, трудясь над разведением капусты на своем огороде.

В Фербенксе жили люди, которые, кроме маленькой газеты «Фербенкс Дейли Ньюс Майнер», читали «Правду» и журнал «Крокодил». Московские газеты приходили в Юконский край на двадцать пятый день.

Путешественники последних лет упоминали и о шерифе города Фербенкс: шериф распевал «Снежки белые», а его старик-отец еще не забыл родной русский язык. В Фербенксе видели и молодого инженера с золотых приисков — Джорджа Корабельникова, сына русского грузчика и индианки из Жюно.

Вероятно, Маврикий Слепнев был одним из самых первых советских путешественников, которые проехали по железной дороге из Фербенкса в Сьюард — через Кенайский

полуостров, сквозь горные хребты за Тананой и тайгу, раскинувшуюся до самого Сьюарда.

Из этого города Слепнев выехал в Жюно на морском пароходе «Аляска». Губернатор Аляски Дж. Паркер принял русского летчика, подарив ему свой портрет. И снова пути Слепнева совпали со старинными дорогами русских людей вдоль побережья Нового Света; он плыл из Жюно в Сан-Франциско — мимо устья Стахина, бывшего форта Росс...

Одиннадцать лет минуло с того времени, когда Руал Амундсен пролетел над полюсом и увидел берег Нового Света — заветный мыс Барроу. Амундсен погиб, как викинг в своей ладье, на обломках «Латама», спасая других. Погибли люди-орлы Бен Эйельсон и Борланд. Последней по времени жертвой Севера был Уайли Пост. Его жизнь оборвалась на Аляске, у лагуны близ мыса Барроу.

Через одиннадцать лет после полета Амундсена на «Норвегии» могучий человек с берегов Волги окидывал орлиным взором берег Нового Света. Но это не был мыс Барроу; промчавшись над Северным полюсом, пройдя над проливом Руала Амундсена, Валерий Чкалов вышел на канадское побережье. Он пересек Северо-западный проход, где когда-то шли Амундсен и Кнуд Расмуссен. Потом Чкалов «отрезал» угол ледяного Большого Медвежьего озера, пролетел над бурной рекой и вышел на реку Мэкензи. От нее он повернул на запад, обходя облака, рожденные циклоном. Самолет прошел над горами. Собираясь в путь, Чкалов, Байдуков и Беляков при перелете через Скалистые горы хотели миновать гору св. Илии и Логан. Так и получилось. Ледяной Якутат, гора св. Илии остались справа от пути самолета, но летчики захватили кусок Аляски — слева от курса светился фиорд; при устье его стоял Жюно. Опять стучали ключами радиотелеграфисты Аляски в Анкоридже и их собратья в Беленгайме близ Сан-Франциско, передавая Чкалову сводку погоды.

Узкий клин аляскинских владений тянулся вдоль побережья Тихого океана до пролива Диксона. Дальше начинался западный край Канады. Промелькнул остров Грэхам, затем показались острова Королевы Шарлотты. Здесь когда-то проплывал на байдаре Иван Кусков под дождем индейских стрел; мимо островов Шарлотты шли

на юг Сысой Слободчиков, Тараканов, Швецов, знавшие это побережье до самого Сан-Диего.

Кончились канадские земли, и под крыльями самолета показались высокие лесистые холмы и русло большой реки. Это была Колумбия, а город, видный сквозь пелену дождя, — Портланд. Чкалов посадил свой самолет на военный аэродром Ванкувера. Два огромных города стояли друг против друга на колумбийских берегах; два великолепных моста связывали Портланд и Ванкувер. Так закончился великий перелет русских орлов через Северный полюс, Канаду, Аляску, снова Канаду на землю Соединенных Штатов Америки.

Чкалов, Байдуков и Беляков были гостями города у Золотых Ворот. Среди многих встреч им запомнилась особенно одна. В советское консульство пришли русские люди. Это были калифорнийские поселенцы молокане. Когда-то их отцы приехали в Калифорнию с Кавказа почти одновременно с юконскими осетинами.

А. Беляков пишет, что это были дюжие и бородатые люди в высоких русских сапогах. На груди у многих молокан были видны старинные часовые цепочки с большими подвесками. Василий Шукин, Иван Рудометкин, Иван Сусоев, Василий Пичугин — так звали этих обитателей Русской Горы и улицы Дигаро в Сан-Франциско. Там были целые кварталы, населенные русскими, которые имели свою школу и молитвенный дом «Молокан-Черч». Молокане Сан-Франциско почти все работали грузчиками в порту. Чкалов и его спутники расспрашивали молокан о жизни русских в Америке. Оказалось, что в Калифорнии и теперь есть русские села: например, Чериган и Санта-Роза в пятидесяти милях от Сан-Франциско.

Санта-Роза! Что вспоминается нам при этом названии? Чудесный сад Лютера Бербанка, соседа русских поселенцев берега Русской реки... Но это еще не всё. Ведь на левой стороне дороги Сан-Франциско — Санта-Роза стоит столб с надписью «Форт Росс». Дорога ведет к частоколам старой крепости, охраняемой как музейная ценность Историческим обществом Калифорнии. Русские, наши современники, жили бок о бок со старинным фортом Росс на Русской реке, жили и трудились рядом с Лютером Бербанком, возле Лунной долины Сономы.

Русские песни звучат в сливовых и вишневых садах Санта-Роза и Черидана, и не там ли были взращены те багряные розы, те венки, которыми народ Америки увенчал победителей Северного полюса в день их прилета в Сан-Франциско?

А. Беляков писал, что на пути к городу у Золотых Ворот он в качестве гостя американских летчиков вел к Сан-Франциско «Дуглас». Управление самолетом он принял, когда «Дуглас» подходил к горе Шаста. На склонах Шасты рождается река Сакраменто. Двуглавая вершина Шасты поднималась над лесами, над снегами и ледниками. Беляков знал, что у подошвы горы стоит радиомаяк, и он попросил американского пилота заставить маяк подать голос. Летчик прикоснулся к какой-то ручке у потолка каюты воздушного корабля, и гора Счастья заговорила... В радионаушниках слышались гуденье и позывные маяка вершины Счастья. Это не описка или поэтическая вольность. В Калифорнии Белякову рассказывали, что «Шаста» — измененное американцами на свой лад русское слово «счастье». Ясная вершина Береговых гор видна, если ехать к северу от Сан-Франциско, чуть ли не из Сакраменто, не говоря уже о Санта-Роза, всей долине Русской реки и одинокой скале Росса. Кто дал название «Счастья» вершине у Тихого океана? Зверобои Ивана Кускова.

Словами о счастье я и заканчиваю свое повествование о русских людях в Новом Свете. Велико счастье открытий. Это чувство испытывали многие русские храбрецы — и Семен Дежнев, увидевший впервые белые зубцы Большой Земли по ту сторону туманного пролива, и Лаврентий Загоскин, когда он шел по ледяному щиту Юкона. Счастье было нераздельно с русскими людьми — плыли ли они на кораблике, сшитом китовым усом, или летели на светлом, как серебро, воздушном корабле.

Очерк мой далеко не полон. Слишком огромна почетная задача — подробно рассказать о подвигах русских людей в Новом Свете — от Григория Шелехова и Александра Баранова до Валерия Чкалова и Михаила Громова.

Государственное Географическое Общество
БИБЛИОТЕКА

Цена 3 руб.